

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

HW RRLT 0

GOOL

Изъ библиотекы

Я. I. Турлянда

Отд. № 329

P 257

Я. I. Турлянда

Jewish
Cultural Reconstruction

ВОСХОДЪ

Ноябрь.—Книга одиннадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“ въ 1882 г.	
II. НЕРАЗГАДАННЫЙ БОГАТЫРЬ. Памяти Биконсфильда-Дизраэли. П. Я. Левенсона	1
III. ЯШКА и ЮШКА. Параллель съ натуры. (Окончаніе). Л. О. Леваиды.	37
IV. ТОРМАЗЫ СЛІЯНІЯ ЕВРЕЕВЪ СЪ КОРЕННЫМЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ. Элизы Орженко	59
V. СТЕПНЯКЪ-СОЛОМОНЪ. Повѣсть. А. Б. Чудновскаго	71
VI. СЕМЕЙСТВО ГИЛЛЕЛЯ. Историческій романъ изъ временъ разрушенія Іерусалима. Гл. VIII—XII. Макса-Ринга	501
VII. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Статистика колоній; отчетность о затратахъ на послѣднихъ поселенцевъ; исправленіе земельнаго ихъ надѣла; новое изслѣдованіе состоянія колоній и стремленіе преобразовать ихъ на манеръ голландскихъ, или русскихъ военныхъ поселеній. П.	153
VIII. ВИДѢНІЕ САУЛА. (Изъ поэмы: Давидъ и Михалъ, Л. О. Гордона). Стихотвореніе. С. Г. Фруга	167
IX. Л. О. ГОРДОНЪ И ЕГО 25-ЛѢТНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. Л. О. Кантора.	169
X. ВЕРНЕ и ГЕЙНЕ. Глава изъ «Исторіи Евреевъ» Гретца. (Окончаніе). Перев. О. И. Бакста	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА. Выборы въ Германіи.—Поѣзда

(На оборотѣ).

ни.—Депутаты еврейскаго происхожденія.—Слухъ объ от- ставкѣ Штекера.—Антисемиты закрываютъ постепенно ла- вочку.—Вліяніе выборовъ на кн. Бисмарка. Его отзывы о евреяхъ.—Факты, уличающіе его въ потворствѣ антисе- митамъ.—Что дало антисемитамъ силу?—Статистика евре- въ въ Пруссіи и вытекающіе изъ нея результаты. А. .	
XII. ПИСЬМА ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Пословицы и поговорки. Разныя развѣсти. Д-ра Н. Кайзерлинга. .	18
XIII. СКРОМНОЕ ТОРЖЕСТВО. А. Л.	24
XIV. Объявленія.	

ОБЪ ИЗДАНИИ въ 1882 г.

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ВОСХОДЪ“

и ежедѣльнаго къ нему прибавленія подъ названіемъ

„НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

Журналъ „Восходъ“ въ 1882 г. будетъ издаваться безъ предварительной цензуры по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же соотрудниковъ.

Кромѣ того, въ виду заявленія многихъ подписчиковъ о желаніи имѣть болѣе современныя и болѣе подробныя свѣдѣнія о текущихъ дѣлахъ, чѣмъ это возможно дать въ ежемѣсячномъ изданіи, при журналѣ, съ 1-го января 1882 года, будетъ выходить, также безъ предварительной цензуры,

„НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“

въ которой будутъ помѣщены:

I. Интересы недѣли: обзоръ выдающихся событій за недѣлю.

II. Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ.

III. Наша печать: обзоръ мнѣній и сообщеній русской и еврейской печати.

IV. Офіціальныя извѣстія: правительственныя постановленія, назначенія, сообщенія и т. д.

V. Петербургская Лѣтопись.

VI. Внутренняя хроника: корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи.

VII. Заграничная хроника: корреспонденци и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ.

VIII. Разныя извѣстія: литературныя, библиографическія, биографическія, художественныя и т. д.

IX. Фельетонъ.

X. Объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе на „Восходъ“ съ „Недѣльною Хроникой“ остается прежняя т. е. 10 р., на $\frac{1}{4}$ года 6 р., на три мѣсяца 3 руб. Отдѣльной подписки на журналъ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается. Каждая книжка „Восхода“ отдѣльно стоитъ 1 р. 50 к.

Разсрочка подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., въ первому Марта 3 р. и въ 1-му Юля 3 р.

Съ требованіями благоволятъ обращаться къ редактору журнала „Восходъ“ А. Е. Ландау, С.-Петербургъ, Площадь Большаго Театра, 2.

Объявленія для напечатанія въ „Восходѣ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за 1 страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 р. за $\frac{1}{4}$ страницы 4 р.; при повтореніи дѣлается уступка 10%. За помѣщенія объявленій въ „Недѣльной Хроникѣ“ взимается 10 коп. за строчку петита или за занимаемое ею мѣсто.

Подписывающіеся нынѣ на 1881 годъ получаютъ всѣ книги журнала начиная съ первой.

 Для гг. сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. корреспондентовъ, удостоивающихъ еще своими письмами и сообщеніями, писать ихъ четкимъ почеркомъ и оставлять большія (въ половину листа) поля для редакціонныхъ замѣтокъ.

Корреспонденци и сообщенія могутъ быть писаны на всѣхъ европейскихъ языкахъ, равно какъ и на еврейскомъ. Но предпочитается языкъ русскій.

НЕРАЗГАДАНЫЙ БОГАТЫРЬ *.

(Памяти Биконсфильда-Дизраэли.)

XIV.

Конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ ознаменовался въ жизни Биконсфильда двумя крупными событіями, имѣвшими немалое значеніе для его позднѣйшей дѣятельности. Мы говоримъ о его женитбѣ и объ образованіи политической партіи, во главѣ которой онъ сталъ. Эта партія получила въ послѣдствіи названіе «Молодой Англiи».

Въ выборѣ подруги жизни судьба поблагопріятствовала ему. Въ сентябрѣ 1839 года Дизраэли женился на вдовѣ своего товарища по парламенту, мистера Уиндгема Льюиса, незадолго передъ тѣмъ скончавшагося. Жена его, Марія-Анна, получившая большое наслѣдство послѣ своего дяди, генерала Джемса Вина, была далеко старше Дизраэли, — чуть-ли не на 10 лѣтъ. Не смотря на эту разницу въ лѣтахъ, супружеская жизнь ихъ была въ полномъ смыслѣ образцовая и счастливая, отнявшая всякую возможность у многочисленныхъ враговъ Веніамина колоть его неравнымъ бракомъ, по расчету. Дизраэли съ достаточною ясностью высказалъ свой взглядъ на бракъ и требованія, предъявляемыя имъ къ супружеской жизни. «Не много найдется великихъ людей — говоритъ онъ въ своемъ романѣ «Генриетта Тэмплъ» — которые, положивъ руку на сердце, не сознавались бы, что всею своею дѣятельностью они обязаны благотворному вліянію женской симпатіи». Указавъ далѣе на неощѣ-

* См. „Восходъ“ кн. IX.
Восходъ, кн. XI.

ненное вліяніе любящей женщины на поэта и государственнаго дѣятеля, Дизраэли продолжаетъ: «Умная, любящая и преданная подруга составляетъ болѣе драгоцѣнное сокровище, нежели всѣ сады и дворцы; безъ подобной музы немыслимы ни счастье, ни успѣхъ въ жизни». «Какая минута можетъ считаться самой завидной и счастливой въ жизни мужа?—воскликаетъ, въ другомъ мѣстѣ, авторъ, полагающій все счастье только въ политической борьбѣ.—Та минута, когда мужъ застаётъ свою возлюбленную за чтеніемъ рѣчи, которую онъ, при общемъ одобреніи, произнесъ наканунѣ въ парламентѣ».

Такого именно друга, преданнаго, самоотверженнаго, Дизраэли нашель въ своей энтузіасткѣ-женѣ, боготворившей его, бывшей его лучшимъ совѣтникомъ въ жизни, совѣтникомъ, безъ котораго онъ шагу не дѣлалъ. Ни одна парламентская рѣчь, ни одно литературное произведеніе не миновали строгой критики этой доброй, умной, энергической женщины, которой онъ, по собственному сознанію, сдѣланному на одномъ банкетѣ въ Эдинбургѣ, въ 1867 году, «обязанъ всѣмъ счастіемъ и успѣхами своей жизни». Одинъ изъ лучшихъ романовъ Дизраэли—«Сивилла»—былъ посвященъ «самому строгому критику, но превосходнѣйшей женѣ» (the most severe of critics, but a perfect wife). Съ чувствомъ понятной гордости, говорилъ онъ не разъ, что у него «лучшая жена во всей Англіи».

Много анекдотовъ сохранилось объ образцовыхъ отношеніяхъ этихъ рѣдкихъ супруговъ. Приведемъ самый характеристическій. Дизраэли готовился произнести одну изъ своихъ громоздкихъ рѣчей въ парламентѣ, куда жена, по обыкновенію, сопровождала его. Усаживая ихъ въ экипажъ, лакей какъ-то неловко захлопнулъ дверцу и приэтомъ прищемилъ два пальца г-жи Дизраэли. Съ нечеловѣческими усиліями бѣдная женщина старалась всю дорогу перемотать страшную боль, опасаясь разстроить мужа, занятаго обдумываніемъ рѣчи. Къ счастью, углубленный въ свои думы Дизраэли, ничего не замѣтилъ, и только когда она высадила его у парламентскаго подъѣзда, пытка ея кончилась—она упала въ обморокъ. Когда королева

хотѣла возвести его въ 1872 году въ званіе пѣра, Дизраэли наотрѣвъ отказался отъ этого титула, приравнивающаго, по англійскимъ традиціямъ, подданнаго съ государемъ, и просилъ королеву, что если ужъ ей угодно наградить его, то пусть дадутъ титулъ «лэди Биконсфильдъ» его женѣ. Этимъ титуломъ она впрочемъ пользовалась не долго: она умерла въ 1873 году въ своемъ родовомъ имѣніи Юнденъ-Манорѣ, любимомъ мѣстопробываніи Веніамина *. Этотъ ударъ сильно пошатнулъ его, повліявъ на здоровье и на характеръ. Онъ старался забыть свое горе въ усиленной работѣ и, дѣйствительно, прошлое десятилѣтіе отличается лихорадочною государственною дѣятельностью покойнаго. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Дизраэли требовалъ, чтобы его похоронили рядомъ со своимъ «другомъ» и непременно при такой-же скромной сельской обстановкѣ. Это требованіе было выражено въ такой настойчивой формѣ, что королева, какъ извѣстно, питавшая глубокую симпатію къ Биконсфильду и непременно желавшая почитать его заслуги пышными національными похоронами, на государственный счетъ, въ уэстминстерскомъ аббатствѣ, должна была уступить. Биконсфильдъ былъ дѣйствительно похороненъ на убогомъ сельскомъ кладбищѣ, рядомъ съ «самымъ строгимъ изъ своихъ критиковъ», за гробомъ котораго онъ, 8 лѣтъ назадъ, шелъ съ непокрытой головой въ проливной дождь.

Въ началѣ 40-хъ годовъ между нѣкоторыми питомцами англійскихъ университетовъ образовался кружокъ молодыхъ, мистически-настроенныхъ, пламенныхъ энтузіастовъ, принадлежавшихъ по своему происхожденію къ сливкамъ родовой аристократіи, мечтавшимъ о возрожденіи современнаго общества, только не тѣми путями, которые избирали ихъ континентальные сверстники. Молодые энтузіасты, считавшіе въ своихъ рядахъ нѣкоторыхъ весьма даровитыхъ личностей, какъ, наприм., поэта Тенисона, провидѣли якорь спасенія для гибнущаго общества, развѣдаемаго погоней за наживой, въ возвращеніи къ за-

* Тамъ онъ воздвигъobeliskъ въ память отца и жены.

вѣтной старинѣ, въ поднятіи упавшаго значенія служителей церкви, въ примиреніи настоящей, монархической аристократіи съ народными массами, обнищавшими, забытыми, всѣми эксплуатируемыми. Эту партію, апостоломъ и глашатаемъ которой вскорѣ сдѣлался зрѣлый, почти сорокалѣтній Веніаминъ, прозвали въ насмѣшку «Молодою Англіею». Тогда была мода на подобныя клички. Мащини организоваль тогда «молодую Итадію», Викторъ Гюго—молодую Францію, послѣдователи Берне—молодую Германію, польскіе эмигранты—молодую Польшу и т. д. По нѣкоторымъ своимъ тенденціямъ, партія, о которой идетъ рѣчь, скорѣе напоминала первыхъ провозвѣстниковъ московскаго славянофильства нежели соименные ей континентальныя кружки, стремившіеся къ національной независимости и политической свободѣ. Богатыя молодые баричи, пропитанные романтизмомъ, провозгласившіе, что спасеніе англійскаго общества находится въ рукахъ молодого поколѣнія, питали благоговѣйное уваженіе къ сѣдой старинѣ, о которой имѣли самое неестественное понятіе. Эта партія не только не стремилась къ ниспроверженію основъ современнаго общества, подобно своимъ континентальнымъ сверстникамъ-реформаторамъ, но, напротивъ, увѣровала, что въ старину былъ настоящій золотой вѣкъ, до котораго не додумаются никакіе фурьеристы. Какимъ-то неземнымъ ореоломъ были окружены для нихъ преданія настоящей, стародавней Англіи, этой незабвенной Old England, гдѣ служитель алтаря былъ прирожденнымъ народнымъ трибуномъ, радѣтелемъ его нуждъ, а помѣщикъ—отцомъ для своихъ крестьянъ. Возвратиться къ этимъ временамъ, когда не было раскола между народомъ и его интеллигенціею—вотъ завѣтная мечта, за осуществленіе которой они взялись со всѣмъ пыломъ молодости, не смотря на насмѣшки зубоскаловъ, давшихъ имъ обидное прозвище «клики юныхъ джентльменовъ-бѣложилетниковъ, кропавшихъ плохіе стишки».

Было время, говорили «бѣложилетники», когда церковь дѣйствительно была великою общественною силою, у которой народъ находилъ умственную пищу и матеріальную поддержку, школой

равенства, ибо передъ алтаремъ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Бѣднякъ находилъ тамъ даровое ученіе, даровой столъ и утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ; даже народное эстетическое чувство удовлетворялось видомъ пышныхъ католическихъ церемоній, изящной церковной архитектуры. Рядомъ съ церковью существовала другая сила — аристократія, могучая, самосознающая свои права относительно короны и обязанности къ народу, видѣвшему въ ней своихъ естественныхъ заступниковъ отъ произвола королевскихъ агентовъ. Наступившіе перевороты все это измѣнили. Государство наложило свою тяжелую руку на церковь. Последняя перестала существовать [въ смыслѣ великой зиждительной силы. Священникъ исчезъ; его замѣнилъ чиновникъ въ рясахъ, получающій жалованіе, пекущійся лишь о псборахъ за требы, относящійся къ своему сану также апатично, какъ бюрократъ къ своему вѣдомству. Аристократія точно также забыла свое традиціонное призваніе, думая лишь объ узкихъ интересахъ своей партіи, и окончательно разошлась съ народомъ. Последний является самымъ страдательнымъ лицомъ во всѣхъ этихъ передрыгкахъ. Не находя ни въ комъ поддержки, погибая отъ лишеній, ожесточенный народъ готовъ пристать къ какому угодно крайнимъ ученіямъ, лишь бы улучшить свою каторжную долю.

Какой-же выходъ изъ этого положенія? Разсѣять ружейными прикладами рабочіе митинги, наполнять тюрьмы голодающими пролетаріями, какъ дѣлаютъ всѣ? Нѣтъ, надо придти на помощь страждущему рабочему люду, залечить его раны, накормить его, успокоить. Кто можетъ справиться съ этой задачей? Ужъ, конечно, не чиновники или фабриканты. Эту благородную миссію могутъ успѣшно выполнить лишь крупные землевладѣльцы, искони связанные съ крестьянствомъ узами вѣковой совмѣстной жизни, неразрывными прежними интересами. Но для выполненія этой задачи надо, чтобы аристократія радикальнымъ образомъ измѣнилась, отреклась отъ своихъ кастовыхъ предрасудковъ и, проникнутая сознаніемъ своей связи съ землею и пахаремъ, вспомнила-бы старину, взялась-

бы за дѣло, достойное предковъ, этихъ радѣтелей народныхъ нуждъ. Въ единеніи съ народомъ помолодѣвшая аристократія могла-бы дѣйствительно устроить настоящее, національное народоправство. Последнее имѣло-бы въ виду насущные интересы рабочаго и избавило-бы его отъ давленія капитала, освободило бы его семью отъ непосильной работы на фабрикахъ, защитивъ его отъ гнета промышленнаго феодализма. Такое правительство не было бы органомъ извѣстной парламентской партіи какъ теперь, а служило бы представителемъ цѣлаго народа, во всей его совокупности. Этотъ подвигъ можетъ совершить лишь новѣйшая формація народолюбивой аристократіи, въ лицѣ ея молодого поколѣнія. Оно одно, это молодое поколѣніе, въ состояніи спасти Англію.

Подобныя доктрины были по душѣ Веніамину, постоянно носившемуся съ мыслью объ образованіи одной національной партіи. Онъ близко сошелся съ молодыми людьми, «кропавшими плохіе стипендіи» и такъ очаровалъ своихъ новыхъ единомышленниковъ, что вскорѣ сталъ душой новаго общества. Въ немъ были всѣ задатки для главенства надъ этой партіей. Литературный талантъ, всепокоряющее краснорѣчіе, извѣстный навыкъ къ парламентской борьбѣ и, наконецъ, готовая политическая программа. Даже еврейское происхожденіе Дизраэли, которымъ онъ паче всего гордился, сослужило ему службу. Очарованные слушатели съ замираніемъ сердца внимали его горячимъ проповѣдямъ о значеніи расы вообще и превосходствѣ семитической въ особенности, о происхожденіи современныхъ религій и формъ общественнаго быта. Они, эти отпрыски знатнѣйшихъ лордовъ, въ родѣ герцога Ретленда, лорда Джона Мэннерса и другихъ, были чуть-ли не разночинцами, въ сравненіи съ Веніаминомъ, происходившимъ отъ царственнаго дома древнѣйшей расы въ мірѣ, которую онъ обыкновенно называлъ: «аристократією человѣчества».

Восторженное увлеченіе молодыхъ людей своимъ новымъ учителемъ сильно встревожило ихъ родителей. Начались недоразумѣнія между «отцами и дѣтьми». Старые лорды сильно

побаивались вліянія Дизраэли на ихъ сыновей, души не чаявшихъ въ своемъ политическомъ менторѣ. Связи Веніамина съ радикалами, открытое выраженіе въ парламентѣ сочувствія къ мятежнымъ чартистамъ и вообще его рѣзкая политическая независимость не на шутку пугали иныхъ лордовъ. Слѣдующій фактъ служитъ наглядною иллюстраціею этого отношенія. Въ 1844 году происходило въ Манчестерѣ торжество освященія нѣкоего клуба, гдѣ прикащики и служащіе на фабрикахъ могли слушать лекціи по разнымъ предметамъ и пріятно проводить время. Дизраэли былъ приглашенъ предсѣдательствовать на этомъ торжествѣ; двое изъ его юныхъ послѣдователей должны были сопровождать его туда и произносить рѣчи. Родители долго сопротивлялись этой поѣздкѣ и, наконецъ, разрешили, но подъ условіемъ, чтобъ ни слова не упоминалось о политикѣ. «Я также сожалею, какъ и вы—писалъ по этому поводу старый герцогъ Ретлендъ къ другу своему лорду Стрэнгфорду,—что мистеръ Дизраэли приобрѣлъ такое вліяніе на нашихъ молодыхъ законодателей и на нашихъ сыновей въ частности. При всемъ моемъ уваженіи къ дарованіямъ г. Дизраэли—котораго я лично не знаю—мнѣ сдается, что онъ дѣлаетъ изъ нихъ плохое употребленіе. Жаль, очень жаль, что такіе молодые люди, какъ наши сыновья, позволяютъ себѣ подчиниться вліянію человѣка, относительно прямодушія котораго наши мнѣнія сходятся, хотя я сужу о немъ по его общественной дѣятельности. Прекрасныя свойства нашихъ сыновей дѣлаетъ ихъ доступными обольщеніямъ хитраго ума».

Ограничиться тѣснымъ кружкомъ своихъ новыхъ поклонниковъ Дизраэли не могъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они участвовали въ литературѣ, писали стихи болѣе или менѣе удачныя. Ему ли, извѣстному писателю, ограничиться устною проповѣдью своихъ политическихъ и общественныхъ теорій тамъ, гдѣ онъ можетъ провозгласить ихъ во всеуслышаніе въ самой удобной для пропаганды формѣ! Этотъ новый видъ пропаганды—романъ, проникающій всюду, и во дворецъ, и въ лачугу, читаемый принцемъ и рабочимъ, министромъ и извозчикомъ,

статсъ-дамой и прачкой. И вотъ Дизраэли въ теченіи 3-хъ-лѣтняго періода, между 1844—47 годами, предсталъ передъ обществомъ со своею знаменитою трилогіею. Это были капитальныя литературныя произведенія въ его жизни, а именно три романа: «Конингсби», «Сивилла» и «Танкредъ», въ которыхъ особенно рельефно выразились самыя задушевные политическіе, соціальныя и религіозныя, или вѣрнѣе, племенные идеалы лорда Биконсфильда.

XV.

Къ роману Дизраэли прибѣгнувъ, убѣдившись въ несостоятельности, для пропагандированія своихъ любимыхъ теорій, политическихъ брошюръ, легко забываемыхъ читающей публикой. Въ общественной дѣятельности Дизраэли романъ игралъ ту же роль, что для Вольтера трагедія—онъ былъ средствомъ для проведенія въ народѣ извѣстныхъ идей, политическихъ или соціальныхъ. Въ завязавшейся тогда глухой борьбѣ между «отцами и дѣтьми», Дизраэли, какъ извѣстно, выступилъ вождемъ послѣднихъ. Вѣруя въ цѣлительную силу своей проповѣди, убѣжденный, что грядущее спасеніе Англіи исключительно обрѣтается въ рукахъ ея молодого поколѣнія, нашъ герой явился выразителемъ его идеаловъ, стремленій и надеждъ. Этотъ своеобразный родъ политическаго катехизиса появился въ 1844 году въ формѣ большого романа, подъ заглавіемъ: «Конингсби или новое поколѣніе» *.

Главными дѣйствующими лицами этого романа являются три сильныхъ характера, представители трехъ крупныхъ началъ англійской общественной жизни: аристократическаго, буржуазнаго и еврейскаго. Первое начало мастерски воплощено въ образѣ стараго лорда Монмоуза; представителемъ второго принципа является фабрикантъ Мильбэнкъ, а третьяго—семь Сидоній, потомокъ испанскихъ «марановъ», т. е. насильно

* „Coningsby, or the New Generation“. London, 1844. 4 vol.

обращенныхъ въ католичество евреевъ, втайнѣ исповѣдующихъ староотческую религію.

Самые непримиримые противники Дизраэли должны сознаться, что характеристика стараго лорда нарисована съ необыкновеннымъ мастерствомъ, которому позавидовали бы и такіе мастера, какъ Диккенсъ и Тэкерей. Лордъ Монмоузъ—художественно воспроизведенный типъ отживающаго стараго барина прежнихъ временъ, напоминающаго не то екатерининскихъ вельможъ, не то польскихъ магнатовъ на чужбинѣ, въ особенности въ Парижѣ, равнодушно не могшихъ смотрѣть раздирательную драму на сценѣ, а дома у себя нещадно дравшихъ на конюшнѣ своихъ согражданъ. Крутой поборникъ древнихъ барскихъ привилегій, эпикуреецъ-самодуръ, но безспорно умный старикъ, окруженный стаею подбострастныхъ прихлебателей, надъ которыми онъ исподоволь куражится, этотъ грѣховодникъ преслѣдуетъ въ жизни лишь двѣ цѣли: герцогскую корону и невозмутимое жуирство. Передъ этимъ замѣчательно сохранившимся экземпляромъ *grand seigneur* эпохи Людовика XIV, никто изъ семейныхъ и вообще окружающихъ пикнуть не смѣетъ. Процалыга-журналистъ играетъ въ его домѣ роль фактора и сводни. Требованія современной жизни для него не существуютъ—лордъ Монмоузъ продолжаетъ жить въ условіяхъ излюбленнаго стараго режима. Въ противоположность этому джентльмену, выведенъ представитель средняго класса, фабрикантъ Мильбэнкъ, совершенно иной закваски. Человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, безусловно честный и правдивый, неутомимый работникъ и благодѣтель фабричныхъ, онъ проникнутъ глубокою ненавистью къ правящимъ сферамъ Англіи. Между этими двумя полюсами выступаетъ на сцену третій дѣятель, представитель новаго начала семитическаго, загадочная личность вездѣсущаго Сидонія, фигурирующаго во всей Дизраэлевской трилогіи, съ которымъ встрѣтимся и въ «Сивиллѣ», и въ «Танкредѣ». Провозвѣстникъ грядущаго величія Израила, Сидоній, по словамъ Брандеса, совмѣщаетъ въ своей особѣ три несомѣстимыя функціи. Это, говоритъ Брандесъ,

Ротшильдъ по богатству, Монтефиоре по своей популярности между евреями Востока и Запада и, наконецъ, Дизраэли, по своей политической дальновидности, выдающимся талантамъ и юмору. Коллизіей этихъ характеровъ, діаметрально противоположныхъ другъ другу, исчерпывается содержаніе романа.

Отъ умершей дочери стараго лорда остался сынъ, Конингсби—герой романа. Юноша воспитывается въ Итонѣ. Всѣ воспитанники этого барскаго заведенія принадлежать къ сливкамъ британской знати, за исключеніемъ сына фабриканта Мильбэнка, Освальда, подѣ которымъ авторъ, говорятъ, описалъ Гладстона. Все это кадры будущей рати «Молодой Англи», мечтающіе, на школьной скамьѣ, о преобразованіи неудовлетворительнаго общественнаго строя родины. Между Конингсби и Освальдомъ, принадлежащими къ двумъ враждующимъ семействамъ, въ родѣ Монтеки и Капулетти, завязываются узы самой тѣсной дружбы, въ особенности послѣ того, когда первому удалось спасти жизнь тонувшаго Освальда. По окончаніи курса наукъ, Конингсби, снѣдаемый, какъ и большинство Дизраэлевскихъ героевъ, ненасытнымъ честолюбіемъ, чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ. Живая дѣйствительность, безконечная пустота окружающей среды, давятъ юношу, одушевленнаго великодушными порывами, нигдѣ не находящими отзыва. Случайная встрѣча съ однимъ замѣчательно интеллигентнымъ иностранцемъ рѣшила судьбу героя романа.

Непогода какъ-то застигла Конингсби въ дорогѣ. Пришлось переждать ливень на постояломъ дворѣ. Мрачныя думы, навѣянные на впечатлительнаго юношу разладомъ живой дѣйствительности со школьными теоріями, придавили его окончательно въ эту минуту. Какъ быть въ этомъ омутѣ вопіющихъ противорѣчій, какъ выбраться изъ этого лабиринта сомнѣній и разочарованій, къ чему приспособить свои свѣжія, непочатая силы? терзался Конингсби... Лошадиный топотъ прервалъ его размышленія. У воротъ остановился всадникъ, промокшій до костей, слѣзавшій со взмыленнаго коня чистой арабской породы. Оригинальный видъ пожилаго всадника, его блѣдное

типичное лицо, глубокие черные глаза произвели на юношу сильное впечатлѣніе. Путники не замедлили познакомиться. Интересный всадникъ—былъ Сидоній. Началась задушевная бесѣда, перешедшая въ оживленный споръ, въ теченіи котораго Кониингсби высказалъ своему новому знакомому всѣ обуревавшіе его замыслы, всѣ терзавшія его сомнѣнія, насчетъ своей неподготовленности къ совершенію грандіозныхъ подвиговъ, невысказанныхъ безъ житейскаго опыта и знанія людей. Юношу тянетъ къ дальнимъ путешествіямъ для изученія классической старины, въ особенности аеинскихъ древностей. Опытный Сидоній разбиваетъ всѣ доводы мечтателя. Для совершенія грандіозныхъ подвиговъ нуженъ, по его словамъ, не опытъ, а энтузіазмъ; вѣра въ героическое производитъ и результаты героическіе. Путешествіе хорошая вещь, когда оно имѣетъ цѣлью живое дѣло, а не древнюю мертвечину. Время руинъ миновало давно и, вмѣсто изученія аеинскихъ развалинъ, Сидоній указываетъ юному лорду иную дорогу, болѣе достойную культурнаго человѣка. Эта дорога ведетъ въ центръ, гдѣ бьется промышленный пульсъ Англіи—въ Манчестеръ, гдѣ онъ можетъ и долженъ изучить положеніе рабочаго класса. Къ возможному улучшенію положенія послѣдняго должны быть устремлены всѣ усилія «молодой Англіи», однимъ изъ представителей которой былъ его молодой собесѣдникъ.

Словно озаренный бесѣдой своего новаго друга, Кониингсби послушался его совѣта. Гора свалилась съ плечъ. Жизненная цѣль найдена. Кониингсби отправляется въ Манчестеръ, гдѣ знакомится не только съ рабочимъ вопросомъ, но и съ семействомъ фабриканта Мильбэнка и тѣмъ временемъ страстно влюбляется въ его дочь. Бесѣды съ умнымъ фабрикантомъ, отъ души ненавидящимъ англійскую родовую аристократію, повергаютъ Кониингсби въ немалое смущеніе. Всѣ его воззрѣнія, унаслѣдованныя отъ дѣда, укрѣпленные въ Итонской школѣ, мало по малу разбиваются отъ соприкосновенія съ здоровой, житейской логикой представителя начала личнаго труда, и въ его барскихъ понятіяхъ происходитъ крутой переворотъ. Рѣ-

шившись отречься отъ своихъ недавнихъ кастовыхъ предрас- судковъ, жениться на дочери фабриканта и зажить новою жизнью, Конингсби объявляетъ объ этомъ поворотѣ своему дѣду. Послѣдній, конечно, глубоко возмущенъ поведеніемъ внука и отказываетъ ему наотрѣвъ. Представитель истаго то- ризма, чистокровный аристократъ никогда не запятнаетъ своего древняго герба родствомъ съ мѣщанами, чуть ли не «хамами», не говоря ужъ о старой враждѣ, существовавшей между се- мействами лорда и фабриканта. Онъ остается глухъ къ тео- ріямъ внука объ отождествленіи торійскихъ интересовъ съ по- требностями рабочаго люда. Въ наказаніе за подобное отступ- ничество, старикъ передъ смертью лишаетъ его наслѣдства. По вскрытіи духовнаго завѣщанія оказывается, что лордъ Монмоузеъ завѣщаль все свое громадное состояніе незаконной дѣвочкѣ, прижитой съ одной французской актрисой, а Ко- нингсби оставилъ, въ видѣ наслѣдства, сущіе пустяки, что-то около 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (100,000 руб.), что, по мнѣнію героевъ Дизраэли, знаменуетъ крайнюю степень ни- щеты. Въ эту-то критическую минуту является на сцену Си- доній, которому удается поддержать и утѣшать Конингсби въ его скорбяхъ, побѣдоносно доказавъ непререкаемость прописной морали, гласящей, что не въ деньгахъ счастье, а въ личномъ трудѣ, самоуваженіи и вѣрѣ въ будущее. Конингсби принялся за работу. Успѣхъ увѣнчалъ его труды, онъ женится на миссъ Мильбанкъ, и въ довершеніе блаженства, обратно получаетъ дѣдовское состояніе. Чахоточная дѣвочка, дочь любви стараго Волокиты, умираетъ, завѣщавъ все свое имущество Конингсби, котораго, какъ оказалось, она втайнѣ любила.

Вотъ канва романа, по которой Дизраэли разрисовалъ уди- вительные узоры. Бытовая сторона англійской общественной жизни, въ особенности высшаго круга, изображена съ парази- тельнымъ реализмомъ и безпристрастіемъ. Авторъ не щадитъ ни торіевъ, ни виговъ; досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Напоминая во многомъ содержаніе «Вивьена Грея», этотъ ро- манъ долго будетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ жизни лон-

донскаго общества конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ. Типическій образъ стараго Монмоуза имѣеть мало соперниковъ въ англійской литературѣ. Безпощаднымъ разоблаченіемъ распатанности семейнаго быта и общественнаго растлѣнія британской знати, Дизраэли въ значительной степени очистился отъ упрековъ въ льстивомъ отношеніи къ дворянству. Злѣйшій врагъ послѣдняго не можетъ поспорить съ авторомъ въ отрицательномъ, чтобы не сказать враждебномъ, отношеніи къ этому отживающему фактору исторической жизни страны. «Пончъ» по своему, весьма удачно схватилъ язвительную тенденцію этого романа. «Диззи» нарисованъ въ видѣ дѣтскаго Геркулеса, задушившаго въ своихъ объятіяхъ двуглавою гидру, изображающую двухъ ядовитыхъ змѣй, съ надписями: «тори» и «вигъ». Устами одного изъ своихъ героевъ авторъ высказывается довольно недвусмысленно, что парламентаризмъ, если не отжилъ, то доживаетъ свою миссію—на смѣну ему идетъ новая сила, единственно спасительная и народная. Это—общественное мнѣніе, въ лицѣ неподкупныхъ органовъ печати. Страна управляется и во время распущенія парламента, но нѣтъ возможности представить себѣ страну, гдѣ бы хоть на одинъ день была прекращена функція великой общественной силы—періодической печати, всезнающей, всевидящей и всеобъясняющей.

«Конингсби» имѣлъ несравненно болѣе грандіозный успѣхъ, чѣмъ всѣ прежнія творенія Биконсфильда, съ «Вивенномъ Греемъ» включительно. Достаточно сказать, что въ одной Америкѣ онъ разошелся въ количествѣ 50,000 экземпляровъ! Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ появилось восемь изданій, пять комментариевъ или такъ называемыхъ «ключей», нѣсколько пародій, множество критическихъ статей и брошюръ. О вниманіи, оказанномъ роману сатирическими листками, и говорить нечего.

XVI.

Черезъ годъ послѣ изданія чисто политическаго романа «Конингсби», Дизраэли предсталъ предъ англійской публикой

съ новымъ романомъ, исключительно посвященнымъ рабочему вопросу. Первый романъ служитъ отголоскомъ государственныхъ теорій, высказанныхъ въ брошюрѣ, посвященной анализу англійской конституціи. Тамъ онъ совѣтуетъ перемѣнить отношенія къ Ирландіи, относиться къ ней такъ же человѣчно, какъ это дѣлалъ Карлъ I, а не подражать крутымъ традиціямъ Кромвеля, урегулировать отношенія труда къ капиталу, позаботиться о согласованіи политическихъ реформъ съ народными нуждами, а не съ отвлеченными вождельніями предводителей партіи. Второй романъ является, въ сущности, лишь дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей, выраженныхъ въ его извѣстномъ парламентскомъ заступничествѣ за чартистовъ. Подкладка его чисто-соціалитическая; заглавіе— «Сивилла, или двѣ націи»*.

Рѣчь идетъ о двухъ частяхъ одного и того же народа,—богатыхъ и бѣдныхъ, капиталистахъ и рабочихъ. Глухая, мучительная борьба за существованіе, ожесточенная вражда обездоленныхъ пасынковъ природы, перебравшихся, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, изъ селъ и деревень въ промышленные центры, служитъ мрачнымъ фономъ соціальной картины, съ потрясающимъ реализмомъ нарисованной художникомъ. Дизраэли изучилъ на мѣстѣ рабочій вопросъ, извѣздивъ всю Англію съ этою цѣлью. Безъ посторонней помощи Виргилія, не довѣряя ни предвзятымъ теоріямъ, ни пристрастнымъ объясненіямъ представителей двухъ враждующихъ лагерей, исколесилъ онъ сельскую глушь, затѣмъ спустился въ преисподнюю фабричнаго ада, въ шахты рудокоповъ, и плодомъ его личныхъ наблюденій явился объективный романъ— «Сивилла». При всемъ стараніи автора нѣсколько освѣтитъ слишкомъ мрачныя стороны картины, она въ цѣломъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Это впечатлѣніе усиливается не столько отсутствіемъ плаксиваго резонерства, свойственнаго большинству общественныхъ бытописателей, сколько бойкимъ, чисто-дизраэлевскимъ юморомъ, отъ котораго подчасъ коробить,

* „Sybil, or the two Nations». London, 1845.

какъ отъ прибаутокъ иного оператора, когда онъ, съ хирургическимъ ножомъ въ рукахъ, приступаетъ къ исполненію своей тяжелой обязанности.

Дизраэли вводитъ читателя сначала въ помѣщичье село, затѣмъ въ фабричный городъ и, наконецъ, въ подземныя рудниковыя сферы.

Подъѣзжая къ деревнѣ, путникъ очарованъ прелестнымъ пейзажемъ. Готическія башенки и архитектурные орнаменты средневѣкового замка, служащаго лѣтнимъ обиталищемъ лорда-владѣльца, очень мило выдѣляются посреди окружающей зелени и садовъ. Въ замкѣ шикарная обстановка, вездѣ изысканный комфортъ, все на своемъ мѣстѣ. Владѣлецъ, просвѣщенный лордъ, членъ парламента, не прочь пофилософствовать о матеріяхъ важныхъ. Его душевный покой смущается только неаккуратнымъ взносомъ оброка и арендной платы, вследствие чего онъ палець о палець не ударяетъ, чтобы поддержать разваливающіяся крестьянскія лачуги, предоставленныя на волю бурныхъ стихій. Благородный лордъ не можетъ выносить назойливыхъ мужицкихъ выклянчиваній отсрочки платежей. Тутъ поддаваясь этимъ надоѣдливымъ жалобамъ, онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, отчего эти скоты пропиваютъ все свое имущество въ кабакѣ. Эмиграція такихъ лѣнтяевъ и пропойцевъ представляется ему единственнымъ, вполне желаннымъ разрѣшеніемъ аграрныхъ недоразумѣній.

Дополненіемъ сельской идилліи служить, конечно, жилища пейзанъ. Вездѣ грязь, гадость, кучи навоза, избы съ дырявыми крышами, разбитыми окнами, съ слабыми признаками дверей. Кругомъ царствуетъ мерзость заустѣнія. Мужъ постоянно на фабрикѣ, жена въ полѣ, ребятишки гибнутъ отъ недосмотра. Еженедѣльный заработокъ—8 пенсовъ, едва ли хватитъ, чтобы голодать прилично. Горячая пища составляетъ рѣдкость въ домѣ; согрѣваются поселяне, купно съ чадами и домочадцами, алкоголемъ въ кабакѣ. Въ тѣсной избѣ помѣщается иногда нѣсколько поколѣній; вся многочисленная семья

присутствуетъ, *volens nolens*, при потугахъ роженицы, что, конечно, усугубляетъ родильныя муки. Идиллія да и только.

Очередь за фабричнымъ городомъ. Это—извѣстный городокъ Уодэтъ. Населеніе состоитъ сплошь изъ рабочихъ. Въ теченіи дѣллой недѣли раздаются тамъ звуки молота и пилы, а по воскресеньямъ и отчасти по понедѣльникамъ—крики подгулявшихъ или опохмѣляющихся гражданъ. Въ городѣ нѣтъ ни церкви, ни школы, ни театра или клуба. Есть только два сорта общественныхъ зданій: фабрики и кабаки. Народъ проводитъ подневольное время за египетской работой, а свободное—за стаканомъ водки. Молодежь обоого пола имѣетъ такое же понятіе о книгѣ или о цвѣтахъ, какъ глухой о музыкѣ. Религіозныя воззрѣнія находятся въ самомъ зачаточномъ или, вѣрнѣе, невозможномъ состояніи. Народъ смутно сознаетъ, что нужно вѣрить «въ нашего Господа и Спаса, Понтія Пилата, посѣтившаго міръ, въ сопровожденіи Моисея, Голааа и иныхъ прочихъ апостоловъ». Но зато они слѣпо повинуются своему духовному владыкѣ, извѣстному силачу-кузнецу, котораго величаютъ «епископомъ». Этотъ «епископъ», находящійся подъ башмакомъ у своей жены-мегеры, считается у нихъ праведникомъ, чуть ли не святымъ. Онъ совершаетъ религіозныя требы, обряды вѣнчанія, посредствомъ раздачи брачующимся посоленнаго куска ростбифа, причемъ бормочетъ «Отче нашъ», переставляя не только слова, но и цѣлые молитвенные періоды, по своему усмотрѣнію. «Епископъ» шутить не любитъ. Съ послушниками онъ расправляется, по свойски, какъ со своими провинившимися подмастерьями: лупитъ пиллою по уху или гдѣ попало.

На улицѣ происходитъ дѣтскій торгъ. Новорожденныхъ отдаютъ, при посредствѣ нищихъ старухъ, наемнымъ кормилицамъ, по 3 пенса въ недѣлю. Ребенокъ остается у кормилицы только днемъ, до возвращенія матери съ работы въ свое логовище. Кормятъ ихъ не грудью, а опіумомъ, сиропомъ, а подчасъ—водкой. Результаты подобнаго ухода не трудно угадать—дѣти мрутъ какъ мухи. «Дѣтоубійство,—говоритъ по этому поводу Дизраэли,—происходитъ въ Англіи такъ же часто

и на такомъ же законномъ основаніи, какъ и на берегахъ Ганга, на что, вѣроятно, мало обращаютъ вниманія находящіеся тамъ общества для распространенія Библии». Но если, паче чаянія, ребенокъ выдержалъ всѣ пытки младенчества, не былъ раздавленъ экипажемъ на улицахъ, искалѣченъ родителями, растерзанъ звѣрьемъ и дошелъ до того завиднаго состоянія, что успѣлъ сдѣлаться работникомъ, то вотъ что его ожидаетъ въ жизни:

Спустимся къ нему въ шахту рудокопа. «На встрѣчу — говоритъ Дизраэли — попадаютъ цѣлыя банды крѣпкихъ, широкоплечихъ мужчинъ, вспотѣвшихъ отъ работы, почернѣвшихъ точно негры; цѣлыя полчища подобной молодежи обоого пола, одинаково одѣтыхъ въ мужской костюмъ, одинаково переругивающихся между собою. Съ женскихъ устъ, созданныхъ для произнесенія ласкательныхъ словъ, срывается брань, отъ которой краснѣютъ мужчины... И это будущія, а нѣкоторыя, пожалуй, уже настоящія, англійскія матери! Удивляться тутъ, впрочемъ, нечему, стоитъ только присмотрѣться къ ихъ суровому образу жизни. Съ обнаженнымъ до бедръ тѣломъ, съ желѣзною цѣпью, прикрѣпленною къ кожанному поясу и продѣтою между ногъ, англійскія дѣвушки, одѣтыя въ холщевые шаровары, руками и ногами тащатъ и спускаютъ въ теченіи шестнадцати часовъ въ день, тачки, нагруженныя каменнымъ углемъ, по крутымъ, темнымъ и сырымъ спускамъ подземныхъ ходовъ, — обстоятельство, незаслуживающее вниманія со стороны «общества уничтоженія торговли неграми», вѣроятно потому, что многіе изъ достопочтенныхъ членовъ этого общества сами пользуются подобными работницами въ своихъ шахтахъ...»

Одному изъ интеллигентныхъ представителей рабочихъ, Дизраэли влагаетъ въ уста слѣдующее разсужденіе: Развитіе машиннаго производства довело мускульныхъ тружениковъ до сумы. Въ странѣ оказалась цѣлая армія пролетаріевъ, въ 600,000 человекъ, объ интересахъ которыхъ мало кто заботится. Когда, продолжаетъ онъ, французское дворянство лишилось, во время великой революціи, своихъ помѣстій, то вся

Европа пошла войной, чтобы возвратить отнятыя у нихъ права; стоимости помѣстій были имъ возвращены съ лихвой, благодаря щедрымъ подпискамъ и подачкамъ. А кому какое дѣло до насъ, во всякомъ случаѣ также неповинныхъ, какъ и означенные дворяне! Мы тоже лишились всего, мы ежедневно падаемъ все ниже, а никто и въ усъ не дуетъ. Что намъ въ нашемъ, иногда проявляющемся сочувствіи? Бѣднякъ долженъ довольствоваться этимъ дешевымъ сочувствіемъ, какъ единственнымъ утѣшеніемъ въ горѣ, а богачу—платять наличными деньгами, въ видѣ вознагражденія за вредъ и убытки!

Вотъ сущность общественныхъ взглядовъ, высказанныхъ Дизраэли въ этомъ романѣ, изобилующемъ не одними романтическими положеніями, но и политическими разсужденіями, составляющими сколокъ съ программы «Молодой Англій», достаточно выясненной въ «Конингсби». Фабула романа не сложна. Въ мѣстности, изобилующей шахтами, проводить вакаціонное время, молодой членъ парламента, Чарльзъ Игрмонтъ, сторонникъ Дизраэлевской партіи, т. е. Молодой Англій. Случайная встрѣча молодого человѣка, — родня котораго состоитъ изъ завзятыхъ крѣпостниковъ-лордовъ, притѣсняющихъ сельскій и фабричный людъ, — съ двумя обывателями, толковымъ рабочимъ, Джерардомъ, и несомнѣнно даровитымъ самоучкой, редакторомъ мѣстнаго социалистическаго листка, Стифенъ Морли, посвящаетъ туриста во всѣ таинства окружающей жизни. Народъ взволнованъ движеніемъ чартистовъ. Безобразное отношеніе парламента къ знаменитой петиціи вызвало всеобщее негодованіе. Коноводомъ мѣстныхъ рабочихъ считается Джерардъ, вполне годный играть выдающуюся роль во время народнаго движенія. Дочь его, красавица Сивилла, страстно преданная народному дѣлу, поддерживаетъ отца въ проведеніи и отстаиваніи своихъ возрѣній. Эта восторженная дѣвушка, играющая въ движеніи чартистовъ роль библейской Деборы, является воплощеніемъ народнаго духа, выразительницей его задушевныхъ вожделѣній. Первая бесѣда, происходящая въ церковномъ саду, въ присутствіи Сивиллы, между ея отцомъ, редакторомъ и

Игрмонтомъ, производить на послѣдняго ошеломляющее впечатлѣніе. Неопытный кабинетный законодатель не подозрѣвалъ присутствія въ народѣ такой массы легко воспламеняющейся ненависти ко всѣмъ барамъ, консервативнымъ и либеральнымъ, безъ исключенія. Тутъ только пришлось ему увидѣть всю несостоятельность правительственныхъ полумѣръ къ залѣченію социальныхъ болячекъ. Народъ жалѣетъ объ отнятіи земель у монастырей, гдѣ онъ все таки находилъ кой-какую матеріальную поддержку и нравственное утѣшеніе. Огульное хищничество, обуревающее современное общество, находило нѣкоторый отпоръ за монастырской оградой. Древній патріархальный идеалъ общенія людей во имя народнаго блага замѣненъ изолированной погоней каждаго отдѣльнаго индивида за личной наживой. Въ этой-то погонѣ состоитъ цѣль новѣйшихъ ассоціацій. Христіанство, говоритъ Джерардъ, нѣкогда учило любить ближняго какъ самого себя; теперешнее общество совершенно игнорируетъ этого ближняго—онъ очутился за штатомъ.

Игрмонтъ глубоко потрясенъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ въ средѣ тружениковъ, копошавшихся на реальномъ, неподкрашенномъ «лонѣ природы». Образъ экзальтированной Сивиллы, ея рѣзкія, но дышація [неподдѣльною искренностью] мнѣнія довершаютъ остальное. Лондонскій аристократъ новѣйшей формаціи влюбился въ дочь плебея-рабочаго. Драматическими коллизіями этихъ двухъ характеровъ, столь противоположныхъ по своему происхожденію, воспитанію и идеямъ, всосаннымъ съ молокомъ матери, переполненъ романъ. Сивилла наотрѣзъ отказывается своему обожателю, готовому, изъ за обладанія ею, порвать всѣ свои прежнія связи и начать новую жизнь, при совершенно иной обстановкѣ. Но убѣдившись, подъ конецъ, что это не минутная вспышка избалованнаго лорда, а дѣйствительно сильное чувство, она перемѣняетъ гнѣвъ на милость и въ свою очередь влюбляется въ своего новаго учителя, проповѣдь котораго падаетъ на благодарную почву. «Повѣрь, Сивилла,—говоритъ онъ ей—что англійскіе аристократы далеко не тираны и угнетатели, какъ ты продолжаешь упорно

думать. Не только ихъ умъ, но и сердце проникнуты отвѣтственностью своего вѣковаго положенія... Они—естественные вожди народа; повѣрь, Сивилла, что народъ имѣетъ въ нихъ своихъ единственныхъ руководителей».

Въ этихъ словахъ заключается не только мораль романа, но и самыя затаенныя мысли позднѣйшаго премьера. Въ лицѣ новобрачныхъ, Игрмонта и Сивиллы, авторъ указалъ на возможность реального единенія его единомышленниковъ съ народомъ, умѣющимъ отличить друга отъ врага. Возможность и неизбежность этого единенія занимали помыслы романиста Дивраэли, озабочивали парламентскаго борца и служили предметомъ глубокихъ думъ многоопытнаго премьера Биконсфильда.

Объ успѣхѣ этого романа нечего и говорить. Аристократы, которыхъ онъ больно погладилъ противъ шерсти, все таки не бросили своего любимца, точно не ихъ пробрали. Но кругъ читателей этого романа увеличился новымъ элементомъ—интеллигентными рабочими, отнесшимися къ элегантному автору съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ, нѣсколько лѣтъ спустя, ихъ германскіе товарищи относились къ другому щеголю-жиду, имя котораго произносилось со скрежетомъ зубовнымъ въ канцеляріяхъ и казармахъ, въ юнкерскихъ усадьбахъ и пасторскихъ домикахъ. Звали этого жидка—Фердинандомъ Лассалемъ...

Перейдемъ къ разсмотрѣнію послѣдней части трилогии—«Танкреду».

XVII.

Послѣ эмансипаціи католиковъ въ Англіи, настала очередь рѣшенія еврейскаго вопроса. Безобразные остатки средневѣковаго режима не могли ужиться рядомъ съ неотложными требованіями прогрессирующей жизни свободной страны. Кампанія въ пользу отмены ограничительныхъ законовъ, тяготѣвшихъ надъ англійскими семитами, открылась въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Кружокъ Дивраэли игралъ въ этой борьбѣ роль застрѣльщикова. Одинъ изъ его самыхъ закадычныхъ друзей, извѣстный юристъ, лордъ Линдгерстъ, внесъ въ 1844

году билль о дозволеніи евреямъ занимать муниципальные должности. Не смотря на отчаянную оппозицію Гладстона, билль прошелъ. Цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, отмѣнявшихъ унизительныя ограниченія и даровавшихъ новыя права, — начиная отъ права пріобрѣтенія поземельной собственности до права вступленія въ парламентъ включительно, — ознаменовалось слѣдовавшее затѣмъ десятилѣтіе. Борьба была упорная, разжигаемая богословскою литературой, принявшей тогда острый характеръ, вслѣдствіе сектаторскаго рвенія сторонниковъ и противниковъ новшествъ въ мало подвижной жизни англиканской церкви. Излишне говорить о страстномъ участіи, принятомъ Веняминомъ въ этомъ завѣтномъ, близкомъ его сердцу дѣлѣ. Отъ автора «Ольроя» и «Контарики Флеминга» нельзя было ожидать иного отношенія къ вопросу о равноправности его соплеменниковъ. Одно непредвидѣнное обстоятельство переполнило чашу, и Дизраэли — locutus est.

Когда, въ началѣ 40-хъ годовъ, вниманіе всей Европы было обращено на столкновеніе отоманской Порты со своимъ непослушнымъ вассаломъ, египетскимъ вице-королемъ Мегметомъ-Али, стариннымъ знакомцемъ Венямина — возникло въ Дамаскѣ знаменитое дѣло, по обвиненію мѣстныхъ евреевъ въ умерщвленіи нѣкоего италіанскаго патера Оммы, съ цѣлью употребленія его крови для приготовленія пасхальныхъ опрѣсокъ. Ходъ этого возмутительнаго дѣла слишкомъ извѣстенъ, чтобы распространяться о немъ. Оно нашло отголосокъ на островѣ Родосѣ. Чуть ли не всѣ европейскія правительства были вынуждены вмѣшаться въ это дѣло. Поведеніе англійскаго консула въ Родосѣ и французскаго въ Дамаскѣ было самое предосудительное. Поѣздка маститаго Монтефіоре и покойнаго Кремье увѣнчались успѣхомъ: они добились отъ султана фирмана объ освобожденія узниковъ. Страшно возмущенный дамасскимъ дѣломъ, Дизраэли рѣшилъ не ограничиваться одними парламентскими рѣчами и агитаціей на митингахъ, а разъ навсегда покончить съ еврейскимъ вопросомъ, высказаться категорически передъ обществомъ, повѣдать ему свое наболѣвшее

горе и затаенныя думы. Результатомъ этой рѣшимости быть знаменитый романъ—«Танкредъ или новый крестовый походъ»*.

Романъ по формѣ, смѣсь богословскаго трактата, смѣлой политической программы будущаго премьера и провозглашенія превосходства семитическаго начала передъ арийскимъ по существу, «Танкредъ» занимаетъ въ жизни Биконсфильда средину между юношескими грезами и ихъ практическимъ осуществленіемъ на закатѣ дней его. Не советѣмъ ясныя думы, волновавшія Олроя при посѣщеніи «царскихъ гробницъ» въ Палестинѣ, вылились въ такую законченную форму, что могли быть предъявлены, 30 лѣтъ спустя, въ видѣ категорическихъ требованій, на берлинскомъ конгрессѣ. Изобилуя массою увлекательно написанныхъ жутевыхъ впечатлѣній, проникнутый страстною любовью къ еврейскому племени, дыша знойнымъ колоритомъ святой земли, одинъ этотъ оригинальный романъ, преисполненный фантастическихъ идей и осуществимыхъ плановъ, ироніи и мистицизма, сотканный, такъ сказать, изъ *Dichtung und Wahrheit*, могъ-бы составить литературную репутацію любого писателя. Не менѣе оригинальна и судьба этого романа. На него обратили сугубое вниманіе, его перевели чуть-ли не на всѣ европейскіе языки, ровно черезъ 31 годъ послѣ своего перваго появленія въ Лондонѣ. Вотъ ужъ, по истинѣ—«*habent libelli sua fata!*»**.

Единственный сынъ богатаго лорда Монтэкиотъ достигъ совершеннолѣтія. Имя его—Танкредъ. Юноша идеально честный, мечтатель, стремящійся къ подвижничеству, раздѣляющій, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ воззрѣнія партіи «Молодой Ант-

* „Tancred, or the New crusade“. London, 1847.

** Въ 1878 г. „Танкредъ“ появился, въ извлеченіи и въ русскомъ переводѣ. Кромѣ „Танкреда“ сколько намъ извѣстно, переведены на русскій языкъ два самыхъ неудачныхъ романа Биконсфильда: „Лотаръ“, подъ страннымъ заглавіемъ „Римскіе проски“ или римскія интриги—хорошенько не помнимъ, и „Эндиміонъ“. Переводъ послѣдняго, который мы случайно видѣли, ниже всякой критики. Къ нему вполнѣ примѣнима извѣстная италіанская поговорка: „Traduttore—traditore“.

ли». Чадолубивый отецъ спѣшитъ предложить своему дѣтищу мѣсто въ палатѣ лордовъ. Юноша отклонилъ предложеніе. Въ виду царящаго сумбура въ понятіяхъ о народоправствѣ, въ виду полнѣйшей безпринципности заправителей государственной машины, онъ не считаетъ пока возможнымъ заняться политикой. Ему хочется путешествовать по чужездальнымъ странамъ. Куда? Въ Парижъ, въ Римъ? допытываются родители. Ни за что. Онъ стремится, по примѣру своихъ предковъ-кредитососцевъ въ Иерусалимъ, въ обѣтованную землю, гдѣ нѣкогда люди сподобились откровенія, гдѣ совершались величайшія историческія событія, символомъ которыхъ донинѣ служатъ: Синай и Голгоа.

Родители въ отчаяніи. Какъ уговорить Танкреда отказаться отъ этого рискованнаго, безразсуднаго пилигримства? Духовная особа навѣрное совладеетъ съ этою нелегкою задачей. Другъ дома, епископъ, берется уладить это дѣло. Но передъ силой религіознаго энтузіазма чистаго идеалиста падаютъ всѣ банальныя увѣщанія архіерея, человѣка, вдобавокъ, довольно ограниченнаго, хотя порядочнаго интригана и карьериста. Танкредъ непреклоненъ. Тогда, по совѣту родныхъ, стараются затянуть поѣздку, подъ предлогомъ пріисканія надлежащей свиты провожатыхъ, приготовленія собственной яхты, а пока онъ начинаетъ посѣщать high-life. Тамъ онъ не замедлилъ попасть въ сѣти опытной кокетки, занимающейся, между прочимъ, аферами и «проведеніемъ» дѣлъ. Сердце не камень; нашъ герой увлекается бѣдовой барыней и мысль о пилигримствѣ принимаетъ довольно туманныя формы. Но разъ, въ будуарѣ, онъ случайно узнаетъ, что его богиня хлопочетъ о концессіи желѣзнодорожной линіи въ Иерусалимъ. «Иерусалимъ и концессія!.. Синай и акціонеры!...»—эти кощунственныя слова показали Танкреду спасительнымъ ударомъ молніи, озарившей передъ нимъ зіяющую пропасть. Вонъ изъ этого ада, подальше отъ этихъ биржевыхъ сиренъ, надругивающихся надъ лучшими, свѣтозарными помыслами безусловно чистаго юноши! И Танкредъ отправился въ Иерусалимъ, снабженный совѣтами и неограни-

ченнымъ кредитивомъ нашего стараго знакомаго, Сидонія, къ мѣстному Ротшильду, — Адаму Бессо.

Личность Сидонія, устами котораго высказываются самыя сокровенныя помышленія автора, выступаетъ здѣсь въ полномъ блескѣ, развертывается во всю свою ширь. Этотъ всесвѣтный банкиръ-мыслитель, патріотъ и филантропъ, знающій тайны европейскихъ кабинетовъ какъ свои пять пальцевъ, всюду проникающій и все пріурочивающій къ своей любимой идеѣ, одержимъ одною страстью, озаряющей его жизнь. Это—вѣра въ великую будущность своего народа. Могучій умъ, изучившій à fond философію и исторію, непреоборимый діалектикъ и увлекательный собесѣдникъ, лично знакомый съ самыми выдающимися государственными людьми Европы, мистически-настроенный Сидоній составилъ себѣ своеобразное понятіе о способѣ рѣшенія не только восточнаго вопроса, но, какъ онъ называетъ, и «великой азіатской тайны». Въ Азіи, по его мнѣнію, ключъ рѣшенія грядущихъ судебъ человѣчества. Мѣстность, лежащая между горами Синай, Хоривъ и Голгооѣй, привилегированная, какъ и народъ, оканчивающій свой тысячелѣтній скитальческій искусь. Не даромъ Азія имѣетъ такое вліяніе на ходъ историческихъ событій древняго и новаго міра. Выдающуюся роль въ рѣшеніи «азіатской тайны» суждено играть Англіи, при помощи евреевъ, далеко не выполнившихъ свою провиденціальную миссію. Очередь послѣднихъ впереди. Они шибко выдвигаются не въ одной области мысли, искусства, но и на всѣхъ поприщахъ практической дѣятельности.

Коснувшись этой любимой темы, Сидоній иллюстрируетъ многочисленными примѣрами вѣрность своей основной идеи. Куда бы судьба ни заносила его, онъ вездѣ сталкивается съ евреями, — въ академіи, въ оперѣ, въ лабораторіи, на фабрикѣ, биржѣ, въ арміи, въ лачугѣ и дворцѣ, въ храмѣ, парламентѣ и министерскомъ кабинетѣ. И это явленіе встрѣчается повсюду, даже въ странахъ съ діаметрально пртивоположнымъ государственнымъ устройствамъ, какъ, на примѣръ, во Франціи, съ одной стороны, въ Испаніи и Россіи — съ другой. Главой фран-

пузскаго кабинета былъ тогда маршалъ Сультъ, родомъ еврей; испанскимъ премьеромъ оказался его родичъ, потомокъ Менди-зибала, а въ тогдашнемъ заправителѣ русскими финансами онъ узналъ своего соплеменника—графа Канкринъ *.

Напутственные совѣты Сидонія пришли по сердцу Танкреду, какъ и Игрмону въ романѣ «Конингсби». Прибытіе Танкреда въ Иерусалимъ, съ неограниченнымъ кредитивомъ на Бессо, произвело немалую сенсацію въ средѣ мѣстныхъ разноязычныхъ политикановъ. Танкредъ—рѣшили они—непремѣнно братъ англійской королевы; онъ даже лицомъ на нее похожъ. Все это каверзы Пальмерстона, точно также какъ прїѣздъ нѣкоего французскаго офицера—интриги кабинета Гизо. Дѣти пустыни чутко прислушиваются къ малѣйшимъ перипетіямъ развитія восточнаго вопроса, рѣшеніе котораго имѣетъ для нихъ жизненное значеніе. Имена министровъ Викторіи и Луи-Филиппа: Канинга, Пальмерстона, Абердина, Сульта и Гизо имъ достаточно извѣстны. За каждымъ шагомъ ихъ дипломатическихъ агентовъ на Востокѣ арабы слѣдятъ съ неукоснительною подозрительностью. Между арабскими политиками первое мѣсто занимаетъ эмиръ Факрединъ.

Главными персонажами романа, кромѣ представителя англійскаго мировоззрѣнія, Танкреда, являются: дочь банкира Бессо, красавица Ева, прозванная арабами «Розой Сарона», и ея молочный братъ—эмиръ Факрединъ. Какъ всѣ героини Дизраэлевскихъ романовъ, Ева во всѣхъ отношеніяхъ идеальная дѣвушка. Въ ея жилахъ течетъ непримѣсная семитическая кровь; отецъ ея еврей, по матери же она приходится внучкой главному

* Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ родился въ еврейскомъ семействѣ въ одномъ мелкопомѣстномъ княжествѣ Германіи. Отецъ его былъ раввиномъ. По окончаніи университетскаго курса, молодой Канкринъ отправился въ Россію, гдѣ его выдающіяся способности были достойнымъ образомъ оцѣнены. Время его управленія нашими финансами считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи русской финансовой политикѣ. Онъ умеръ въ концѣ 40 годовъ, въ званіи графа, должности министра финансовъ и въ чинѣ генерала-отъ-инфантаеріи. См. извѣстныя записки Ф. Ф. Вигеля, напечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1864 и 1865 годы.

арабскому шейху. Будучи представительницей семитическаго начала, Ева олицетворяетъ собою его религіозную сторону, какъ Сидоній—политическую. Принадлежа къ роду, между многочисленными членами котораго находятся послѣдователи Моисея, Христа и Магомета, Ева старается уяснить себѣ сущность и сравнительное достоинство этихъ трехъ міровыхъ вѣроученій. Мы застаемъ ее за изученіемъ Новаго Завѣта, даннаго ей англиканскимъ епископомъ. Ученіе Христа производитъ на дѣвушку сильное впечатлѣніе, но причина раздѣленія церквей представляется ей несовсѣмъ понятной. По ея мнѣнію, христіанскіе народы распадаются на двѣ группы: поклоняющихся Христу и Дѣвѣ Маріи, или, какъ она ихъ называетъ по своему: боготворящихъ Еврея и Еврейку.

Въ рѣзкой противоположности съ созерцательнымъ характеромъ Евы, находится ея молочный братъ Факрединъ. Это молодой человѣкъ съ геніальными способностями, немного знакомый съ европейскою культурой, честолюбивый авантюристъ, преслѣдующій одну цѣль—созданіе независимаго сирійскаго царства. Самые широкіе политическіе планы исходятъ изъ буйной головы предпріимчиваго эмира. Нравственныя соображенія, религіозныя требованія для него не существуютъ; онъ ихъ не понимаетъ и врядъ ли подозрѣваетъ ихъ право на существованіе. Для него деньги и интрига—все, лучшее средство для достиженія конечной цѣли въ жизни. Интрига—его культъ; передъ нею онъ преклоняется, потому что на ней, по его мнѣнію, зиждется политическій строй всего міра. Факрединъ по уши въ долгахъ; все, что у него было, онъ успѣлъ заложить, для снабженія оружіемъ ливанскихъ горцевъ, надъ которыми онъ надѣется получить верховную власть. «Устройте мнѣ ливанскій заемъ—твердитъ онъ Евѣ—и я буду государемъ». Онъ прошелъ хорошую школу у ростовщиковъ, у которыхъ, какъ не разъ комористически замѣчалъ Дизразли, долго томившійся въ ихъ когтяхъ, можно научиться борьбѣ «змѣи съ тигромъ». Два стимула въ дѣятельности эмира—юность и долги. Всякій молодой князь, разсуждаетъ онъ, въ состояніи завоевать Ливанъ, но молодой

князь, обремененный долгами,— тотъ долженъ покорить весь міръ. Будучи христіаниномъ, Факрединъ готовъ пристать къ какой угодно вѣрѣ, чтобы только достигнуть желаемого. Потомокъ знаменосца Пророка, принадлежащій къ христіанской церкви, но вскормленный матерью Евы, онъ готовъ сдѣлаться евреемъ, магометаниномъ, чѣмъ угодно, чтобы только владѣть надъ потомками родныхъ братьевъ, Измаила и Израиля, а, въ случаѣ нужды, и надъ христіанами, своими единовѣрцами! Когда Ева возмущается подобными безнравственными доктринами, онъ ей отвѣчаетъ пренаивно:

— Посмотрите, развѣ въ Европѣ какойнибудь англійскій или французскій принцъ, ищущій трона, колеблется перемѣнить вѣру? Я той вѣры, которая дастъ мнѣ корону...

Развивая передъ Евой свои хитро сплетенныя «комбинаціи», Факрединъ до крайности смущенъ скептическимъ отношеніемъ своей очаровательной собесѣдницы.— Никогда вы не будете имѣть успѣха, твердить ему Ева, интрига васъ погубить.

— Но интрига—это жизнь, восклицаетъ съ жаромъ эмиръ. Въ интригѣ все. Какимъ инымъ путемъ, какъ не интригой, сдѣлались министрами: Абердинъ и Гизо? Какъ, полагаете, дѣйствовалъ Мегметъ-Али? А сэръ Канингъ развѣ чуждается интриги? Да не будь ея, онъ давно былъ бы уже отозванъ... Интрига?... Но, вѣдь, Англія добыла Индію путемъ интриги! Вы думаете, они теперь не ведутъ интриги въ Пенджабѣ? Половина троновъ въ Европѣ созданы и держатся интригою!..

Пріѣздъ Танкреда въ Іерусалимъ распевелилъ любостяжательныя инстинкты этого курьезнаго сторонника Талейрана и Меттерниха. Онъ сталъ выслѣживать мнимаго брата англійской королевы. Узнавъ, что послѣдній собирается на гору Синай, эмиръ сразу придумалъ слѣдующую пакостную «комбинацію». Зачѣмъ онъ пробирается на Синай? Ужъ, конечно, не для поклоненія. По его убѣжденію, «англичане, вѣдь, не евреи и не христіане, а исповѣдуютъ свою собственную вѣру, которая составляется ежегодно ихъ епископами въ какомъ-то парла-

ментъ, т. е. собраніи муфтій». Эмиръ устроитъ засаду, юношу возьмутъ въ плѣнъ и королева заплатитъ за него богатый выкупъ, котораго хватить и на покупку карабиновъ, и на доставку ихъ горцамъ. «Пусть Ибрагимъ-паша, Луи-Филиппъ или самъ Пальмерстонъ придумаютъ болѣе ловкую комбинацію!» захлебывается отъ восторга молодой претендентъ, котораго Ева считаетъ предназначеннымъ для выполненія въ Сиріи роли Шамиля на Кавказѣ и Абдэль-Кадера, въ Алжирѣ.

Ничего не подозрѣвая о готовящихся противъ него козняхъ, Танкредъ благоговѣнно осматриваетъ святыни іерусалимскія, горячо молится вездѣ, гдѣ только встрѣчаетъ уцѣлѣвшій памятникъ библейской старины, — къ нему явился даже, во время молитвеннаго экстаза, «ангелъ хранитель Аравіи» — и, наконецъ, побывавъ въ Геесиманскомъ саду, послѣ солнечнаго заката, отправился одинъ, безъ прислуги, въ Виванію. Утомленный знойнымъ днемъ и долгимъ хожденіемъ, онъ зашелъ въ какой-то роскошный садъ, чтобы нѣсколько освѣжиться и отдохнуть возлѣ фонтана. Усталость взяла свое и онъ, растянувшись на душистой травѣ, вскорѣ заснулъ богатырскимъ сномъ, какъ обыкновенно спятъ въ 22 года. Проснувшись, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что незнакомая рука набросила на него во время сна богатое покрывало. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него чудный женскій образъ. Это была — Ева, «Роза Сарона».

— Простите, лэди, пробормоталъ сконфуженный Танкредъ, я здѣсь незваный гость....

Ева поспѣшила его успокоить, прося не перемѣнять позы, причемъ посовѣтовала ему носить тюрбанъ, безъ котораго трудно обойдтись на Востокѣ. Танкредъ сталъ, въ свою очередь, восхвалять садъ вообще и Виванію въ особенности. Завязался оживленный разговоръ.

— Вы, франки, любите Виванію?

— Конечно. Это мѣсто намъ въ высшей степени дорого.

— Извините, пожалуйста. Вы изъ тѣхъ франковъ, которые поклоняются Еврейкѣ или изъ тѣхъ, которые Ее не признаютъ?

— Я почитаю Богоматерь, хотя и не поклоняюсь ей.

— А, Мать Иисуса! Онъ, слѣдовательно, вашъ Богъ. Онъ долго жилъ въ этой деревнѣ. Это былъ великій человекъ, но Еврей, и вы Ему поклоняетесь?

— Да развѣ вы Ему не поклоняетесь? уставился въ нее Танкредъ, покраснѣвъ.

— По временамъ мнѣ сдается, что я должна была бы это дѣлать, такъ какъ я одной съ нимъ расы, а своей собственной расѣ надо симпатизировать.

— Да вы развѣ еврейка?

— Я той же крови, что и Марія, которую вы почитаете, но не поклоняетесь.

Это признаніе даетъ иное направленіе бесѣдѣ, принимающей характеръ страстнаго диспута между двумя красивыми представителями двухъ, безъ основанія враждующихъ, культовъ. Танкредъ, какъ и слѣдовало ожидать, рекомендуетъ Евѣ перейти къ христіанской церкви.

— Къ которой?—недоумѣваетъ Ева—ихъ такъ много въ Иерусалимѣ! Есть тамъ: греческая, латинская, англиканская, армянская, абиссинская, маронитская и коптская. Вотъ почему я предпочитаю остаться въ лонѣ самой древней изъ всѣхъ церквей, въ той, къ которой, по своему рожденію, принадлежалъ Иисусъ, никогда ее не оставлявшій. Ибо онъ родился евреемъ, жилъ и умеръ евреемъ, какъ и подобаетъ принцу изъ дома Давидова, за котораго и вы его считаете.

Разговоръ незамѣтно переходитъ къ современному положенію ея соплеменниковъ, разсѣянныхъ по всему земному шару, еще отбывающихъ свое предопредѣленное наказаніе... За что? допытывается Ева. «За отверженіе и распятіе Христа», отвѣчаетъ Танкредъ, какъ сказано: «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ». Ева не соглашается съ этимъ выводомъ. Такъ говорили преступники, но не судьи. Развѣ подсудимымъ предоставляется назначать себѣ наказаніе? Положимъ, они заслу-

жили самое суровое возмездіе, но приче́мъ тутъ ихъ неповинное потомство? Не самъ ли Христосъ просилъ Іегову простить ихъ, ибо не «вѣдаютъ что творять?» Да, развѣ неистовые крики буйной черни, присутствующей при соверше́ніи смертной казни, обязательны для цѣлаго народа? Подобный аргументъ не только не богоугоденъ, но онъ составляетъ самое возмутительное богохульство.

Опроверженіе этого дикаго аргумента долго занимало Биконсфильда, посвятившаго ему не одну страницу въ біографіи лорда Бентинка, о которой скажемъ ниже, и въ другихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ. Устами своей героини, Биконсфильдъ старается доказать несостоятельность этого ходячаго мнѣнія слѣдующими историко-догматическими доводами.

— Это положеніе, говоритъ Ева, невѣрно исторически. Еврейскій народъ, какъ извѣстно, состоялъ изъ 12 колѣнъ, изъ числа которыхъ 10 были отведены въ плѣнъ задолго до Рождества Христова и разсѣяны по всему Востоку и побережью Средиземнаго моря. Это настоящіе предки современныхъ евреевъ. Какое же участіе могли они принять въ казни, въ чемъ заключается ихъ совиновность? Остальныя два колѣна были тогда точно также разсѣяны. Въ Александріи было столько же евреевъ, сколько въ Іерусалимѣ. Черезъ два мѣсяца послѣ распятія Христа, пришли въ Іерусалимъ множество «богобоязненныхъ мужей, принадлежавшихъ ко всѣмъ народамъ подъ небесами» *, были между ними паряяне, мидяне, персы, евреи изъ Месопотаміи, Сиріи, Малой Азіи и даже изъ Рима. Что же, и они подлежали наказанію за участіе? Не надо забывать о тогдашней широкой системѣ изгнанія и выселенія, примѣнявшейся на Востокѣ, къ возставшимъ и усмиреннымъ гражданамъ Іерусалима. Но допустимъ на минуту, что іудеи всего земного шара происходятъ отъ той кучки черни, навлекшей на себя проклятіе своими преступными криками. Чтожь изъ этого слѣдуетъ? Вотъ, къ примѣру сказать, возьмите мою род-

* См. Дѣянія Апостоловъ, II, 5.

ню. Мой дѣдъ родомъ бедуинъ, владыка одного изъ самыхъ могущественныхъ племенъ пустыни. Онъ исповѣдуетъ Моисеево ученіе, какъ и весь его родъ, прилежно читающій Пятикнижіе, живущій въ шатрахъ, владѣющій тысячами верблюдовъ и кровныхъ арабскихъ рысаковъ. Они знаютъ только Іегову, Моисея и—своихъ рысаковъ. Что же, и они повинны въ томъ, что нѣкогда чернь орала въ Іерусалимѣ, гдѣ ихъ тогда и не было? Или, напримѣръ, мать моя? Она вышла замужъ за еврея, который достоинъ носить Соломоновъ скипетръ. И тѣмъ не менѣе послѣдній уличный мальчишка, продающій винныя ягоды въ Смирнѣ, при встрѣчѣ съ нею, переходитъ черезъ дорогу изъ боязни оскверниться прикосновеніемъ къ убійцѣ своего Спасителя, происходящаго, какъ это ему доподлинно извѣстно, изъ нашего же царскаго рода. Нѣтъ, ни за что не сдѣлаюсь христіанкой, потому что у васъ теорія идетъ въ разрѣзъ съ практикой. Отчего же армяне разсѣяны по всему свѣту,—вѣдь они не распяли же Христа? Да и какое это вѣковое наказаніе, когда мои соплеменники принадлежатъ къ самымъ богатымъ людямъ Европы, гдѣ погоня за наживой развита такъ какъ нигдѣ, гдѣ единственный культъ—деньги!

Догматическую несостоятельность этой теоріи вѣчнаго наказанія Ева доказываетъ слѣдующими соображеніями. Нельзя доказать съ историческою очевидностью, чтобы даже ничтожная часть тогдашняго еврейскаго населенія Палестины отвергла Христа. Не будь евреевъ, Европа, можетъ быть, и доннынѣ не была бы знакома съ Евангеліемъ. Первые апостолы были евреи; первые евангелисты—исключительно евреи. Почти цѣлое столѣтіе одни іудеи исповѣдывали ученіе Христово. Галилейскому еврею удалось сокрушить языческіе храмы Греціи и Рима, обративъ ихъ въ алтари, посвященные Богу Синая и Кальваріи. Не римскому сенатору и не афинскому философу удалось быть основателями первыхъ семи церквей въ Азіи, а опять таки еврею, уроженцу города Тарса *. Между моралью

* Т. е. апостолу Павлу.

обоихъ ученій не было никакой разницы. Если же господа, претендующіе быть теологами, находятъ, что ветхозавѣтная мораль имѣетъ мало общаго съ евангельскою, то они жестоко ошибаются. Ходячее мнѣніе, что вторая ипостась св. Троицы проповѣдуетъ мораль, существенно отличающуюся отъ вѣлній первой ипостаси, составляетъ не только прискорбное заблужденіе, но явно грѣшитъ противъ третьей ипостаси—св. Духа. На вопросъ, обращенный книжникомъ къ Иисусу, какъ онъ долженъ поступить, чтобы попасть въ царство небесное, великій Учитель Галилеи указалъ ему на Моисеево Пятикнижіе—тамъ онъ найдетъ объясненіе всего, что ему нужно въ жизни. Слѣдовательно, не въ ученіи разница, а въ искупительной жертвѣ, опять таки доставленной еврейскимъ народомъ, для спасенія рода человѣческаго. Ну, а еслибы евреи не распяли Христа, то развѣ спасенія не послѣдовало бы? Оно непременно совершилось бы и не иначе, какъ при посредствѣ еврейскаго принца, изъ царскаго дома Давидова. Дѣйствительно, есть изъ-за чего преслѣдовать и презирать эту злосчастную расу.

— Преслѣдуйте насъ!—восторженно заканчиваетъ Ева свой диспутъ.—Но если вы искренно вѣруете въ то, что исповѣдуете, то вы должны преклоняться передъ нами. Герою, спасшему свою родину, воздвигаютъ памятникъ! Мы спасли родъ человѣческій и вы насъ за это—преслѣдуете!..

Читатель, конечно, догадывается, чѣмъ кончились эти глубоко захватывающіе споры. Юные богословы по уши влюбились другъ въ друга, хотя Ева была обручена уже съ однимъ родственникомъ. Между тѣмъ Танкредъ, отправляясь на Синай, попался въ ловушку, устроенную ему эмиромъ. Не смотря на отчаянную оборону, раненый Танкредъ былъ увезенъ въ плѣнъ къ одному изъ арабскихъ шейховъ, гдѣ онъ познакомился и сошелся съ Факрединомъ. Какъ ни старался послѣдній эксплуатировать молодого человѣка, но, въ концѣ концовъ, онъ окон-

чательно былъ очарованъ имъ. Чистыя стремленія экзальтированного юноши-мистика, но идеально честнаго человѣка дѣйствуютъ обаятельно на загрубѣлую натуру изолгавшагося степнаго героя, томимаго жаждой подвиговъ и—интригъ. Значить, Ева права,—разсуждаетъ онъ,—на однѣхъ интригахъ далеко не уѣдешь! Этого мнѣнія придерживается и молодой франкъ, братъ могущественной королевы. Какъ видно, не всѣ франки похожи на своихъ дипломатическихъ агентовъ на Востокѣ. Между ними есть и настоящіе праведники; вотъ хоть бы этотъ Танкредъ, душевно полюбившій арабовъ, серьезно изучающій ихъ бытъ, вѣрующій, что Богъ могъ говорить только съ человѣкомъ арабскаго происхожденія, жалѣющій о томъ, что онъ не принадлежитъ къ семитамъ, а происходитъ, по прямой линіи, отъ морскихъ разбойниковъ. Факрединъ посвящаетъ своего новаго друга во всѣ свои планы, дикіе, фантастическіе, безразсудные, но подчасъ даетъ такіе совѣты королевѣ Викторіи, что многіе въ Европѣ ахнули, узнавъ объ этомъ, ровно черезъ 30 лѣтъ.

Совѣтуя Англійи осуществить старыя португальскія планы, состоящія въ томъ, чтобы промѣнять свою маленькую, истощенную метрополию на обширную колонію, Факрединъ развиваетъ передъ своимъ собесѣдникомъ слѣдующій грандіозный планъ. Пусть, говоритъ онъ, ваша королева соберетъ свой флотъ, нагрузитъ имъ свои сокровища, свое золото, свое дорогое оружіе, и, окруженная первыми вельможами, перенесетъ свою столицу изъ Лондона въ Дели. Тамъ она найдетъ громадную имперію, первоклассную армію и огромные доходы. О Сиріи и Малой Азіи я уже позабочусь. Афганами можно управлять только посредствомъ Персіи и арабовъ. Мы всѣ будемъ подъ главенствомъ императрицы Индіи и обезпечимъ ей всѣ берега Леванта. Если она захочетъ, то можетъ овладѣть Александріею, какъ теперь владѣетъ Мальтой — это дѣло не трудное. Ваша королева молода, у нея есть будущее. Такого совѣта не дождаться ей отъ Абердина и сэра Пилля—они слишкомъ стары и лукавы. Я ей, какъ видите, предлагаю

самое большое государство, когда либо существовавшее, и при этомъ возможность избавиться отъ хлопотъ, доставляемыхъ объѣмами палатами. Все это легко осуществимо, потому что главная трудность задачи, о которую споткнулся Александръ Великій—Индія—уже завоевана вами.

Не даромъ вся Европа заговорила о «Танкредѣ», во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Если замѣнить Александрію, — которую Биконсфильдъ, можетъ быть, присоединилъ бы къ Англіи, еслибъ онъ остался дольше у кормила правленія—островомъ Кипромъ, то совѣтъ Факредина былъ, за малыми исключеніями, приведенъ въ исполненіе, буква въ букву, іота въ іоту. Биконсфильдъ на дѣлѣ доказалъ, что центръ тяжести англійскаго могущества въ Азіи. Викторія была провозглашена императрицею Индіи. Малая Азія признаетъ ея протекторатъ. Наслѣдникъ престола совершилъ свое знаменитое путешествіе по этой странѣ, былъ въ Дели, окруженный первыми сановниками съ подобающею пышностью. Приобрѣтеніемъ всѣхъ акцій Суэцкаго канала, Биконсфильдъ обезопасилъ дорогу въ Индію. *Даже столкновеніе съ парламентомъ, по поводу перевозки индійскихъ полковъ въ Европу, въ эпоху, слѣдовавшую за заключеніемъ сан-стефанскаго договора, оправдалось въ такой же мѣрѣ, какъ и заключительныя слова его «дѣвственной рѣчи» въ парламентѣ.

Опуская всѣ мытарства, пройденныя Танкредомъ, выкупленнымъ изъ плѣна его родителями, прибывшими въ Іерусалимъ, мы скажемъ два слова о развязкѣ. Танкредъ женится на Евѣ. Этотъ символъ единенія Англіи съ еврействомъ и Востокомъ, въ лицѣ лучшихъ представителей молодого поколѣнія, напоминаетъ другія части трилогіи, единеніе народа съ торіями, въ лицѣ Игрмонта и Сивиллы, аристократіи и буржуазіи—въ лицѣ Конингсби, женившася на дочери фабриканта Мильбэнка.

Изобрѣтателю «великой азіатской тайны», для разоблаченія

которой отправился герой его романа за тридевять земель, досталось порядкомъ за это дерзостное порицаніе незыблемости основъ, на которыхъ зиждется англійское правовѣріе. Представители послѣдняго возопили гласомъ велимъ противъ безбожнаго Веніамина, котораго прозвали «азіатскимъ сфинксомъ», двуликимъ Янусомъ, начавшимъ за здравіе и кончившимъ за упокой, сведшимъ крестовый походъ къ апологіи еврейства. «Азіатскій сфинксъ», по обыкновенію, не остался въ долгу передъ своими лицемѣрными зоилами и далъ имъ слѣдующую отвѣдь, въ высшей степени правдивую и характерную.

«Если-бы вы—говорить онъ—были, на самомъ дѣлѣ, послѣдовательны и искренно вѣрующіе, то вы бы дѣйствовали, en masse, съ такимъ-же энтузіазмомъ, простодушіемъ, вѣрою и безуміемъ, какъ мой герой. Будь вы правдивы, вы бы согласились съ нимъ, что вы обязаны евреямъ и юдаизму всѣми своими драгоценнѣйшими клейнодами и, подобно ему, стали бы ихъ уважать, а не презирать и преслѣдовать. Но такъ какъ вы непослѣдовательны и неправдивы, не религіозны и не воодушевлены энтузіазмомъ, а не болѣе какъ заурядные мѣщане, тупоумные филистры-націоналисты — въ чемъ вамъ совѣстно и сознаться—то попробуйте-ка своими губами раскусить мою книгу».

«Танкредъ» — самое крупное и оригинальное изъ всего того, что успѣлъ написать Биконсфильдъ въ своей жизни. Это въ то же время лебединая пѣсня писателя, талантъ котораго достигъ въ этомъ твореніи кульминаціонной точки своего развитія. Онъ надолго, почти на четверть столѣтія, разстался съ литературой и весь ушелъ въ сферу государственной дѣятельности, бывшей въ сущности практическимъ осуществленіемъ давнишней программы, изложенной въ разнообразныхъ формахъ изящной словесности. Послѣдующіе его два романа — «Лотаръ» и «Эндиміонъ» — были не болѣе какъ послѣдними проблесками померкнувшаго таланта, слабымъ, старческимъ воспоминаніемъ былой мощи. Литературная слава Дизраэли ни

мало не пострадала бы, если-бы ихъ совсѣмъ не было въ номенклатурѣ его сочиненій. Съ «Танкредомъ» сошелъ со сцены талантливый писатель. Его замѣнилъ великій министръ-патріотъ. Этой-то дѣятельности будутъ посвящены заключительныя главы нашего очерка.

П. Левенсонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЯШКА И ЮШКА *

ПАРАЛЛЕЛЬ СЪ НАТУРЫ.

(Окончаніе).

ІХ.

Я замѣтилъ, что и Валерка каждое утро, въ опредѣленный часъ, отправляется куда-то въ городъ. Я спросилъ объ этомъ шорника.

— Это она въ магазинъ, къ швей ходитъ,—отвѣтилъ мнѣ послѣдній.

— Вы готовите ее въ швей? спросилъ я.

— Нѣтъ, совсѣмъ не для этого,—отвѣтилъ Кукавка.—Но шить, кроить должна умѣть всякая женщина: это въ хозяйствѣ большая подмога, потому если за каждую мелочь платить портному или портнихѣ, то денегъ не напасешься. Моя жена все сама шьетъ на дѣтей и нѣсколько десятковъ рублей въ годъ—тоже расчетъ для такого труженика, какъ я. Вотъ Валерка и ходитъ въ магазинъ учиться до обѣда, а послѣ обѣда она дома къ хозяйству приучается, потому стирать, гладить, штопать и проч. тоже умѣть надо: чужими руками хорошо только жаръ загребать.

— А я думалъ, что вы Валерку отдадите въ гимназію,—замѣтилъ я нарочно, чтобы вызвать шорника на объясненіе, въ которомъ, вѣроятно, скажется его взглядъ на этотъ предметъ.

* См. „Восходъ“, кн. X.

— Въ гимназію?—переспросилъ шорникъ, вперивъ въ меня недоумѣвающій взглядъ, чтобы убѣдиться, шучу ли я или говорю серьезно.—Какъ же въ гимназію? На что Валеркѣ гимназія? Она грамотѣ научилась—и довольно съ нея.

— Въ гимназіи она получила бы высшее образованіе.

— Можетъ и высшее, но на что ей барское образованіе? Она не обывателька и обывателькой никогда не будетъ.

— Почему знать?—попробовалъ я возбудить въ немъ честолюбивыя мечты и надежды.—Она дворянка — и недурна собой; при порядочномъ-же свѣтскомъ образованіи она будетъ вращаться въ высшемъ кругу и, чѣмъ чортъ не шутить?.. можетъ подцѣпить себѣ жениха изъ офицеровъ, чиновниковъ или помѣщиковъ. Развѣ это невозможно? И развѣ это не было-бы для васъ лестно?

— Помилуйте, что въ томъ лестнаго?—возразилъ Кукавка, разводя руками. — Очень мнѣ нужно, чтобы дочь моя сдѣлалась фанаберіей, носъ задирала, на родителей фыркала и на порогъ къ себѣ не пускала! Нѣтъ-съ, это намъ не ко двору. Намъ офицеровъ и чиновниковъ не нужно. Я ремесленникъ и мой зять долженъ быть ремесленникомъ; такъ буду имѣть, по крайней мѣрѣ, къ кому въ гости ходить и кого къ себѣ приглашать, на «колдуны» или на пироги. Моя Пеля отлично умѣетъ дѣлать эти штуки, никакой поваръ такъ не сдѣлаетъ, у пана маршалка не подадутъ вамъ такихъ колдуновъ, честное слово! Вы думаете, она на маслѣ ихъ дѣлаетъ?

— А то на чемъ-же?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Масло своимъ порядкомъ, безъ масла нельзя, но отъ одного масла приторно, не вкусно. Нѣтъ-съ. Она вотъ какъ дѣлаетъ: она наливаетъ въ кастрюлку полстакана виннаго уксуса и...

У Кукавки слюнки потекли отъ одного воспоминанія объ этомъ національно-литовскомъ блюдѣ, о которомъ онъ еще долго распространялся-бы, еслибы я не прервалъ его словами:— А вотъ, вашъ сосѣдъ Крепхъ отдалъ-же свою дочку въ гимназію.

— И покается!—воскликнулъ Кукавка, энергически ударивъ молоткомъ по какой-то работѣ, которую онъ держалъ теперь на своихъ колѣняхъ.—Помяните мое слово, сосѣдь, покается, потому гимназія такъ идетъ къ его Голдкѣ, какъ къ коровѣ сѣдло. А впрочемъ, — прибавилъ онъ, махнувъ рукой,—Богъ съ нимъ, я ему зла не желаю: человѣкъ онъ хорошій, глуповатъ немножко, но человѣкъ ничего себѣ. Я противъ него ничего не имѣю и желаю ему всего лучшаго, потому хлѣба у меня не отбиваетъ: онъ позументщикъ, а я шорникъ. Мы даже шабровъ * другъ другу рекомендуемъ. Хорошій человѣкъ; что правда, то правда. А что его дочкѣ совсѣмъ не слѣдъ ходить въ гимназію, такъ это тоже правда.

Находилъ-бы это правдой и всякій, кто замѣтилъ бы, при какой обстановкѣ наша гимназистка учить свои уроки. Въ комнатѣ невообразимо тѣсно отъ парней и дѣвокъ, занятыхъ работою. При столахъ, на скамьяхъ и даже на подоконникахъ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста. Голдка взбирается на стоящій тутъ же комодъ и устраиваетъ на немъ «учебную». Какой-то ящикъ служитъ ей столомъ, а опрокинутый горшокъ—стуломъ. Расположившись съ возможною при этихъ условіяхъ комфортабельностью, она начинаетъ твердить: «Владиміръ Мономахъ... Владиміръ Мономахъ...»

— Трах-тара-рахъ! передразниваютъ ее сидящія у стола мастерицы.

— Молчать, сороки!—кричитъ на нихъ Голдка.—«Владиміръ Мономахъ...»

— Трах-тара-рахъ!

— Не перестанете, чертовки вы этикія? кричитъ Голдка уже въ сердцахъ. Но чертовки не только не перестаютъ, но, крякнувъ, затягиваютъ на всю комнату самыми невѣроятными сопрано:

Gestojgen, gefojgen der güldene Vojgel
Auf'm hojchen Ba-arg! **

* Покупателей, заказчиковъ.

** Взялась, взлетѣла золотая птичка на высокую гору.

Сидящіе-же за другимъ столомъ подмастерья, изъ соревнованія къ пѣвицамъ, затыгиваютъ съ своей стороны густыми баритонами:

Ach, was is dass für ein Welt!

Такимъ образомъ въ мастерской идетъ концертъ двухъ безформенныхъ хоровъ, старающихся перекричать другъ друга и наполняющихъ комнату цѣлымъ моремъ диссонансовъ, отъ которыхъ нужно бѣжать изъ дому. Голдка затыкаетъ себѣ уши, ругаетъ цѣлуновъ и пѣвуній на чемъ свѣтъ стоитъ, бросаетъ въ нихъ книжками и чѣмъ попало, рветъ на себѣ волосы, ломаетъ руки и плачетъ:

— Учиться мнѣ не даютъ! Урока не буду знать! Учитель едваицу мнѣ поставитъ, ој, weј mir geschehen!

И учитель дѣйствительно часто ставилъ ей единицы, потому что при такомъ содомѣ она не имѣла ни малѣйшей возможности готовить свои уроки хоть сколько нибудь сносно.

Рѣшено было, чтобы Голдка приговляла свои уроки у своей подруги Тилки. Хотя салоны у ветошницы Бейлки не Богъ вѣсть какіе просторные, но уже то было хорошо, что въ нихъ не раздавался непрерывный концертъ изъ двухъ нестройныхъ хоровъ, отъ которыхъ можно было съ ума сойти. Слѣдовательно, кое-какъ заниматься уже возможно было. Но бѣда была въ томъ, что подруги, сходясь вмѣстѣ, находили для себя болѣе пріятнымъ болтать и хихикать, чѣмъ учиться, тѣмъ болѣе, что никто за ними не надзиралъ, такъ-какъ старая Бейла, по долгу своей профессіи, шлялась по городу съ самаго утра до поздняго вечера, ни разу во весь день не заглядывая въ свою квартиру. Кромѣ того, у нашихъ гимназистокъ немало времени уходило на бѣганіе то туда, то сюда, то за забытой книжкой, то за чѣмъ нибудь другимъ, — и во время этихъ бѣганій по тротуару бойкой улицы, въ особенности въ сумеркахъ, дѣло не всегда обходилось безъ маленькихъ «приключеній», о которыхъ наши гимназистки толковали потомъ долго и не безъ удовольствія. Голдка и Тилка были довольно стройныя

дѣвушки, развитыя и кокетливыя не по лѣтамъ, а потому случайности въ образѣ юнкеришекъ, новоиспеченныхъ прапорщиковъ и тому подобныхъ субъектовъ были весьма естественны, тѣмъ болѣе, что наши гимназистки уже на столько усвоили себѣ русскую рѣчь, что умѣли огрызаться довольно колко, что, какъ извѣстно, еще больше поощряетъ къ сумеречному ферлакурству.

Прошло пять-шесть лѣтъ. Голдка, по новѣйшему Ольга, съ свойственной ей ловкостью и смышленностью уже добралась до высшихъ классовъ женской гимназіи. Прилежно-же занималась она только своею наружностью, которая въ самомъ дѣлѣ была безукоризненна. Эта безукоризненность и умѣнье держаться доставили ей доступъ въ христіанскіе дома, чѣмъ она весьма дорожила, а ея родители гордились: для послѣднихъ, разумѣется, не могло не быть лестнымъ, что ихъ Голдка—за панибрата съ дочерьми разныхъ совѣтниковъ и полковниковъ, предъ которыми позументщикъ стоитъ безъ шапки. Дома она бывала очень рѣдко и входила всегда задними дверями и съ разными предосторожностями, дабы, храни Богъ, никто изъ ея знакомыхъ не замѣтилъ ея родственной принадлежности къ «такому дому». Болтливая отъ природы, она съ родителями была односложна: для нихъ у нея уже словъ не хватало и она насилу кое-какъ отвѣчала имъ на ихъ вопросы. Она была бы рада прекратить съ ними всякое сношеніе, но принуждала себя «терпѣть» ихъ до поры и времени, такъ какъ они были «полезною вещью», доставлявшею ей все, что ей нужно было. Оттуда — ея недовольство собою и всѣмъ окружающимъ, ея утрюмость и раздражительность, отъ которой приходилось терпѣть всѣмъ домашнимъ: она язвила всѣхъ и каждого по малѣйшему поводу и даже безъ всякаго повода. Это доставляло ей удовольствіе или нѣкоторое удовлетвореніе. Родители, приписывавшіе такое расположеніе духа своей дочери ея большой учености, не обращали на него особеннаго вниманія и оставляли ее въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что при малѣйшемъ требова-

ни объясненія причины ея недовольства, она надѣвала шляпку и уходила, не произнося ни одного слова. Въ разговорахъ же со мною она часто выражалась, что она очень несчастна, что ей въ пору утопиться или удавиться.

— Неужь-то уже нѣтъ другаго исхода? спрашивалъ я.

— Обь этомъ-то другомъ исходѣ я день и ночь думаю,— гласилъ отвѣтъ.

— А когда вы его найдете, исходъ-то, вы мнѣ сообщите?

— Н... не знаю. Можетъ быть — да, а можетъ быть — нѣтъ.

— Почему нѣтъ?

— А потому, что теплаго участія я въ васъ не замѣчаю.

— Будто?

— Я въ томъ увѣрена. Я для васъ только предметъ для наблюдений.

— Я такъ отношусь ко всѣмъ людямъ.

— Вы, можетъ быть, и правы, но наблюдатель не можетъ претендовать на откровенность со стороны наблюдаемаго предмета.

— Я и не претендую, да ваша откровенность мнѣ совсѣмъ и не нужна: я на лицѣ вашемъ читаю, къ какому рѣшенію вы прійдете.

— Повѣшусь?

— Нѣтъ: вы слишкомъ любите жизнь.

— Это правда. Не жизнь мнѣ надоѣла, а только ерунда въ этой жизни. Что же я, по вашему, сдѣлаю, чтобы выбраться изъ этой ерунды?

— Въ моей записной книжкѣ уже отмѣчено, что вы сдѣлаете, но «наблюдаемый предметъ» не можетъ претендовать на откровенность со стороны наблюдателя. Одно только скажу вамъ, уже не какъ наблюдатель, а какъ сосѣдъ и добрый знакомый: не увеличивайте новою ерундою ту, въ которой вы теперь обрѣтаетесь...

Ольга покраснѣла до корней волосъ и потушилась: она, какъ видно, поняла, что я угадалъ ея мысль, ея планы.

— Вы, конечно, надѣюсь, до времени не выдадите меня? проговорила она умоляющимъ и упавшимъ голосомъ.

— Слѣдующій аблюдатель, — отвѣтилъ я, — мое дѣло — сторона. Намекъ или совѣтъ я вамъ далъ, а дальше... дѣляйте, какъ знаете. Я своихъ взглядовъ никому не навязываю. Промажнетесь, — такъ сами поплатитесь.

X.

Мѣсяца два спустя послѣ этого разговора, однажды вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ, влетѣли ко мнѣ Хаська и Юшка, блѣдные, разстроенные и отъ волненія едва переводившіе дыханіе.

— Вы слышали о нашемъ несчастіи? спросила меня Хаська прерывающимся голосомъ, заламовавъ руки.

— Что такое?

— Голдка...

— Исчезла?

— Вы уже знаете?

— Н...да, то есть, нѣтъ, — пробормотала я нервнито. И откуда мнѣ знать? Никто мнѣ не говорилъ.

— Исчезла, разбойница, убѣжала, — проговорила Хаська, заплакавъ и опустившись въ изнеможеніи на стулъ. — Какъ вамъ это нравится?

— А вамъ какъ это нравится? спросилъ я въ свою очередь.

— О, въ недобрый часъ я отдала ее въ гимназію! — проговорила Хаська, отчаянно качая головой. — Помню, вы предупреждали меня, отсовѣтовали, но я, несчастная, не послушалась васъ, — вотъ и вышелъ мнѣ такой конецъ, помилуй Боже!

— Расскажите, однакоже, какъ дѣло происходило, то есть, почему вы полагаете, что она убѣжала?

— Дѣло такъ было, — началъ Юшка, — къ обѣду она не пришла. Ну, думаемъ себѣ, занята она очень или изъ гимназіи къ кому нибудь изъ своихъ подругъ пошла и засидѣлась, потому это съ нею часто случалось: не придетъ въ три, придетъ въ четыре. Но бьетъ четыре, пять, шесть, — а Голдка не

приходить. Что бы это значило? Должно быть, не спроста, что нибудь да случилось.

— О, сердце мое уже тогда стало стучать какъ молотками, — всхлипывала Хаська, ломая руки, — чуяло оно, что съ нашею дочерью что-то не ладно.

— То да се, — продолжалъ Юшка, — бьеть между тѣмъ семь. Вечерѣть. Тогда и я началъ тревожиться, потому никогда не случалось, чтобы Голдка такъ долго оставалась, не обѣдавши. Я бросился туда и сюда, — я всё мѣста ея знаю, — спрашиваю, нѣтъ-ли Ольги Осиповны, — такъ приказала она мнѣ спрашивать о ней у христіанъ. Нѣтъ, говорятъ, и сегодня не бывала... Мурашки у меня побѣжали по спинѣ. Стою на улицѣ и думаю, куда мнѣ идти, гдѣ искать ее? А часы уже бьютъ девять, уже совсѣмъ темно. Ну, думаю себѣ, была не была, и опять звоню у подъѣздовъ. Спрашиваю: не приходила-ли? Нѣтъ, не приходила, да и ругаютъ меня лакеи на чемъ свѣтъ стоять, чего я шляюсь по ночамъ и напрасно ихъ безпокою. А одинъ даже схватилъ было меня за шиворотъ и хотѣлъ потащить въ участокъ, думалъ, что я воръ, но потомъ отпустилъ. Слава Богу и за это. Еще-бы не доставало, чтобы меня засадили, какъ вора!.. Пришелъ я домой полчаса тому назадъ. Хватаюсь... Говорить-ли имъ все? спросилъ онъ, многозначительно переглянувшись съ женою.

— Говори все, какъ предъ Богомъ, — отвѣтила Хаська, охая, вздыхая и ломая руки. — Предъ ними нечего скрывать всего стыда нашего, всей бѣды нашей: они намъ другъ, никому не расскажутъ, да и добрый совѣтъ намъ дадутъ.

Юшка кашлянулъ и продолжалъ.

— Мнѣ зачѣмъ-то понадобилось въ комодъ, а тамъ, въ верхнемъ ящикѣ, въ потайникѣ, лежали выигрышный билетъ 2-го займа и триста рублей чистогана, въ бумажкахъ. Хватаюсь... билетъ лежитъ на своемъ мѣстѣ, но денегъ нѣтъ. Въ сто денегъ, я нашелъ вотъ этотъ клочекъ бумаги. Почеркъ ея. Я-бы узналъ его между тысячами. Буквы крупныя, красивыя

и стоять, какъ солдаты во фронтѣ. Потрудитесь, пожалуйста, прочитайте намъ, что она пишетъ.

Я прочелъ:

«Никого не обвиняйте въ покражѣ: я взяла эти деньги. Не знаю даже, сколько тутъ есть, не считала. Беру, потому что мнѣ нужно на дорогу и когда нибудь возвращу вамъ ваши деньги съ лихвою. Не ищите меня, потому что будетъ напрасно. Не ходите къ гимназическому начальству, потому что я уже больше не ученица: мѣсяцъ тому назадъ я отъ вашего имени подала объ увольнении и получила свидѣтельство. Прощайте и не поминайте меня лихомъ. Бывшая *Ольга Крепакъ*, а нынѣ я по документамъ называюся иначе».

— Такъ вотъ тебѣ *подяка* * за всѣ труды, за всѣ заботы наши! заголосила Хася, ломая руки и горько рыдая. — Чего ей недоставало? Она-же у насъ какъ сыръ въ маслѣ каталась. Мы себѣ во многомъ отказывали, но ей ни въ чемъ отказа не было: ботинки-ли, шляпки-ли, перчатки, зонтики; какъ только заикнется, сейчасъ и справляемъ. Генеральской дочери не могло быть лучше. Куда-же чортъ ее понесъ? Чего она хочетъ? Чего ищетъ? Вотъ чему научили ее въ гимназiи!

— Гимназія тутъ не виновата,—проговорилъ я коротко и авторитетно.

— Кто-же виноватъ? Мы развѣ?

— Можетъ быть, вы.

— Чѣмъ?

— Да оставь, пожалуйста, свои пустые разговоры! крикнулъ на свою жену Юшка, энергически махнувъ рукой.—Нашла время разбирать, кто виноватъ! Дѣло теперь не въ этомъ, а въ томъ, что намъ дѣлать, за что прежде взяться?

И онъ умоляюще-вопросительно сталъ смотрѣть на меня въ упоръ, ожидая отвѣта.

— Ничего не дѣлать,—отвѣчалъ я.

— То есть, какъ-же это ничего?

* Спасибо, благодарность.

— Просто ничего, потому что не поможетъ; шумомъ-же, оглаской вы только испортите ея репутацію на всю жизнь. Предоставьте дѣло его естественному ходу. Такъ будетъ лучше.

— Чтоже намъ всѣмъ отвѣчать, когда спросятъ, гдѣ Голдка?

— Отвѣчайте, что къ родственникамъ уѣхала или въ гурвернантки пошла.

— Вы, ей Богу, почти правы,—отозвалась Хася, нѣсколько обрадовавшись.—Это будетъ самый лучший отвѣтъ. Но мнѣ однако хотѣлось-бы знать,—какъ вы полагаете, она когда нибудь вернется къ намъ или нѣтъ?

— Это я знать не могу, потому что не знаю, куда она уѣхала и съ какими намѣреніями. Можетъ быть вернется, а можетъ быть и нѣтъ. Это будетъ зависѣть отъ хода дѣла, для котораго она уѣхала. Можно, впрочемъ, надѣяться, что она перебѣсится и возвратится къ вамъ съ повинною. Теперь многія дѣти бѣсятся, въ особенности у насъ, у евреевъ, потому что и родители съ ума спятили и толкаютъ всѣхъ своихъ дѣтей безъ разбора на верхушку крыши или на край пропасти. Очень нужно было вашей Голдкѣ ходить въ гимназію, хвататься верхушекъ и сдѣлаться барышней! Вы своею барышней теперь довольны?

— Мы, кажется, желали ей всего лучшаго.

— Но въ томъ-то и бѣда, что мы заботимся только о лучшемъ и пренебрегаемъ тѣмъ, что для насъ хорошо, здорово и прилично. Для вашей Голдки, которая, между нами будь сказано, къ наукамъ вовсе неспособна, да и не прилежна, было бы всего приличнѣе сидѣть за рабочимъ столомъ или за прилавкомъ вашего магазина, работать иглой, смотрѣть за мастерицами, продавать, покупать, словомъ, быть вашею правою рукою въ вашемъ заведеніи. А вы что, по необразованности своей, изъ нея сдѣлали? Вы думаете—образованную барышню? Нѣтъ! Вы сдѣлали изъ нея ученую обезьяну, ловко передразнивающую дочерей высшихъ сословій, что въ высшей степени смѣшно и жалко. А что еще говорить о томъ, что она сдѣлалась безсовѣстной дѣвушкой, неблагодарной дочерью, ставящей

спокойствіе, заботы, честь и слезы своихъ родителей ни во что? А потому, какъ она ни провинилась своимъ бѣгствомъ, вы однакоже обвинять ее не имѣете никакого права, потому что сами толкнули ее на этотъ путь. Если-бы вы не гнали за лучшимъ, то теперь не имѣли бы причины оплакивать свою дочь, которая, можетъ быть потеряна для васъ навсегда, а если и возвратится, то.... Богъ знаетъ, въ какомъ положеніи.

Я не щадилъ ихъ родительскихъ чувствъ, потому что съ темными людьми нужно говорить вразумительно, а не иносказательно. Они выслушали меня молча, охая и вздыхая и, можетъ быть, внутренно соглашаясь съ моими доводами.

Прошло около полугода. О Голдкѣ ни слуху, ни духу, точно она въ воду канула. Родители ея крѣпко хранили тайну настоящей причины ея отсутствія, говоря всѣмъ, что она на кондиціи, что они получаютъ отъ нея хорошія письма и къ ней пишутъ. Но въ тиши они плакали много и горько и только предо мною изливали свое сердце, часто докучая мнѣ вопросомъ: какъ я полагаю, вернется она или нѣтъ?

— Не знаю—отвѣчалъ я,—я не пророкъ.

— Пророкъ не пророкъ, а все таки...

— А все таки могу сказать вамъ: можетъ быть да, а можетъ быть нѣтъ.

Вдругъ получаю письмо со штемпелемъ на конвертѣ: Вегн. Письмо было отъ Голдки. Она мнѣ писала:

«Пишу къ вамъ, сама не зная, съ какой стати. Впрочемъ, это не совсѣмъ такъ, и хотя мысли въ головѣ моей теперь ужасно путаются, но то хорошо помню, что если я рѣшилась писать къ вамъ, то это потому, что я, какъ мнѣ кажется, имѣю нѣкоторое право считать васъ своимъ нравственнымъ сообщникомъ»...

— Это съ какой стати? спросилъ я себя, пожавъ плечами и читая дальше:

«Сообщникомъ своимъ считаю васъ потому, что вы о планѣ моемъ знали, т. е. догадывались; по крайней мѣрѣ, вы

не сомнѣвались, что я, раньше или позже, выкину какое нибудь безразсудное колѣнце. И мнѣ кажется, что если-бы вы не ограничивались безстрастнымъ наблюденіемъ за мною, а постарались-бы вызвать меня на большую откровенность, то вамъ, можетъ быть, удалось-бы удержать меня отъ совершенія того, что я совершила. Васъ я, можетъ быть, послушалась-бы. Говорю «можетъ быть», потому что утверждать положительно, что вамъ удалось-бы подѣйствовать на меня, я по чистой совѣсти не могу. Вѣрнѣе всего, что я тогда никого не послушалась-бы, потому что мое положеніе было въ высшей степени непріятное, отчаянное. Жить у родителей я дольше не могла: между ими и мною уже давно не было и не могло быть ничего общаго; каждое ихъ вульгарное слово, каждый ихъ вульгарный жестъ раздражалъ меня, бѣсилъ, выводилъ изъ себя. Ждать окончанія курса и сдѣлаться гувернанткой въ какомъ нибудь полудикомъ еврейскомъ семействѣ—не соответствовало ни моимъ вкусамъ, ни... моей гордости. Да, гордости. Вамъ, вѣроятно, смѣшно, что дочь Юшки Крепиха можетъ быть горда, но это такъ. Быть же принятой въ христіанское общество я разсчитывать не могла. Какъ «гимназистку», меня кое-какъ еще терпѣли въ нѣкоторыхъ домахъ, менѣе предубѣжденныхъ противъ нашего племени; но, переставъ быть гимназисткой, я сдѣлалась-бы даже и для этихъ домовъ «жидовкой», — и мнѣ не поручали-бы обученіе не только ребенка, но даже собаченки. Не больно далеко я ушла въ наукахъ, но понимать дѣло — понимаю, потому царь въ головѣ есть....

«Такимъ образомъ, другаго исхода для меня не было, кромѣ бѣгства, бѣгства въ тѣ страны, въ которыхъ, какъ я слышала, нѣтъ ни жидовъ, ни не-жидовъ, а есть только французы, швейцарцы, итальянцы, голландцы и т. д.

«Убѣжала я, разумѣется, не одна, а въ сопровожденіи и въ разговорѣ съ однимъ «товарищемъ», «развивателемъ», гувернерствовавшимъ въ одномъ домѣ, въ который я была вхожа. Онъ былъ бездомный, я была бездомная, — это насъ и

сблизило. Онъ—статный юноша, я—недурна собой,—это еще больше насъ сблизило. Онъ говорилъ съ жаромъ, съ паесомъ, иногда и со слезами на глазахъ, я слупшала развѣся уши, — и мы укатили по чугункѣ. Съ нами вмѣстѣ имѣла бѣжать и дочь сказаннаго дома, но въ рѣшительную минуту она раздумала или струсила или, что вѣроятнѣе всего, ей жаль было отца-полковника, который не сегодня-завтра будетъ произведенъ въ генералы, стало быть, она будетъ генеральской дочкой, да и красивый адъютантикъ увивался,—букеты присылалъ, бонбоньерки презентовалъ. Мнѣ моего отца-позументщика не могло быть жаль, и ему никакого производства не предстояло, да и по части увиванія не замѣчалось не только офицера, но даже лекаришки *изъ нашихъ*,—предмета мечтаній всѣхъ нашихъ — дѣвичьяго пола, но, откровенно говорю, «героя—не моего романа».

«Словомъ, я ничего не потеряла. А что я выиграла, — такъ объ этомъ читайте дальше.

«Попали мы въ кружокъ не то искреннихъ фанатиковъ, не то шарлатанствующихъ крикуновъ. Ученія ихъ я не совсѣмъ поняла. Поняла я только то, что дѣло идетъ о благополучіи всего рода человѣческаго. Но что мнѣ до всего рода человѣческаго? Не я его создала, не мнѣ о немъ и заботиться. Мнѣ кажется, что если каждый человѣкъ сдумѣетъ такъ или сякъ пристроить самого себя, то и весь родъ человѣческій будетъ не дурно пристроенъ.

«Но... зачѣмъ распространяться объ идеалахъ и цѣляхъ здѣшнихъ кружковъ, о которыхъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно изъ газетъ, брошюръ и политическихъ процессовъ? Скажу вамъ коротко: я нашла эти идеалы и цѣли не совсѣмъ для меня подходящими, вырвалась изъ кружка и удрала, такъ-какъ я считаю свою личность принадлежащею исключительно мнѣ, а не всему роду человѣческому. Мой-же «товарищъ» остался въ кружкѣ и... Богъ съ нимъ совсѣмъ! Я въ немъ очень мало теряю.

«Не думайте, что я пишу это письмо изъ Берна: живу въ

совершенномъ захоластьѣ, а *какъ* я живу, такъ объ этомъ лучше и не говорить. Другому я сказала-бы, что положеніе мое — отчаянное до самоубійства, но вамъ я этого сказать не могу, ибо вы знаете, что я слишкомъ привязана къ жизни, чтобы наложить на себя руку. Коротко вамъ скажу: *skwer-nissimo*.

«Хочу домой, то есть не совсѣмъ домой: жить у родителей я никоимъ образомъ не могу. Хочу только въ Россію. Какая она ни есть, а все таки родина, не чужбина, и отъ тоски по ней страдаю больше, чѣмъ отъ другихъ лишеній. Существовать будетъ у меня чѣмъ; время, проведенное мною здѣсь, пропало для меня не совсѣмъ даромъ: я выучилась здѣсь стенографическому искусству по само-новѣйшей методѣ и на-вострилась во французскомъ діалектѣ. Надѣюсь, что этимъ я въ Россіи прокормлюсь. Но чтобы добраться до Россіи, мнѣ необходимы 200 франковъ,—расплатиться съ долгами и на проѣздъ.

«А потому просьба моя къ вамъ состоитъ... извѣстно, въ чемъ. Если вы скажете моимъ родителямъ только одно слово, то, я увѣрена, они забудутъ все прошлое и охотно протянутъ руку помощи своей несчастной, но не совсѣмъ еще погибшей дочери».

Въ концѣ прописанъ былъ адресъ, по которому деньги могутъ быть высланы.

Если на свѣтѣ существуетъ любовь, чистая, безкорыстная, беззавѣтная, то это любовь матери. Какъ только я сообщила Крепхамъ о желаніи ихъ дочери вернуться домой, Хася всплеснула руками, схватилась за грудь, крикнула и лишилась чувствъ отъ внезапной радости, съ которой она не въ состояніи была совладать.

— Пишите, телеграфируйте, сейчасъ, сію минуту!—кричала она, пришедши въ себя и цѣлуя мои руки. — Пошлемъ ей, сколько ей нужно, даже больше, чѣмъ нужно, лишь-бы

она пріѣхала хоть на одинъ часъ, на одинъ мигъ, чтобы только взглянуть на нее и умереть.

Черезъ недѣлю Голдка пріѣхала, и Хася въ первыя минуты свиданія чуть не задушила ее въ своихъ объятіяхъ, проливая потоки радостныхъ слезъ. Голдка была грустна и серьезна и на восторженные ласки родителей отвѣчала сдержанно: онѣ хотя и трогали ее, но еще больше тяготили. Было видно, что между нею и ея родителями уже нѣтъ ничего общаго и она только по необходимости позволяетъ имъ любить себя. Родители были довольны и этимъ, тѣмъ болѣе, что они холодность и сдержанность своей дочери приписывали ея чувству стыда и глубокому раскаянію. А потому они уже слишкомъ докучали ее своимъ непрощеннымъ утѣшеніемъ, удвоеннымъ и утроеннымъ вниманіемъ къ ея малѣйшимъ желаніямъ и капризамъ; но это еще больше раздражало ее и превращало ея пребываніе въ родительскомъ домѣ въ непрерывную нравственную пытку.

Проживъ у родителей меньше мѣсяца, Голдка, съ вынужденнаго согласія послѣднихъ, уѣхала въ Петербургъ—утилизировать свое умѣнье стенографировать.

— Мнѣ извѣстно,—между прочимъ, сказала она мнѣ, предъ своимъ отъѣздомъ, — что вы всегда были противъ посѣщенія мною гимназій. Когда то я на васъ сердилась за это, но теперь нахожу, что вы были правы: совершенно заурядной дочери Юшки позументщика совсѣмъ не мѣсто было въ гимназій, а въ какойнибудь профессиональной школѣ. Я и повисла теперь между небомъ и землею, и что со мною будетъ—я сама не знаю. Но то я хорошо знаю, что мои младшія сестры не должны быть поставлены въ мое смѣшное положеніе. Родителямъ я крѣпко-на-крѣпко наказывала, чтобы они не вздумали и изъ моихъ младшихъ сестеръ сдѣлать барышень, но, какъ темные люди, они, можетъ быть, опять дадутъ себя увлечь какойнибудь взбалмошной ветошницей. А потому прошу васъ слѣдить за ними, чтобы вы могли во время пріостановить ихъ.

Послѣ примѣра со мной, вамъ не трудно будетъ вліять на нихъ въ этомъ смыслѣ. Вы мнѣ объщаете?

. Я объщаль.

Первое ея письмо изъ Петербурга извѣщало, что она кое-какія занятія уже нашла и въ пособіи отъ родителей не нуждается. Два-же мѣсяца спустя, письмо получено было уже изъ Твери. Въ этомъ письмѣ было сказано, что она поселилась въ этомъ городѣ на довольно выгодныхъ условіяхъ, благодаря которымъ она въ состояніи возратить родителям *инявые* у нихъ 500 рублей, которые при письмѣ и были приложены.

По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что «довольно выгодныя условія», на которыхъ она поселилась въ Твери, состоятъ въ томъ, что она нашла себѣ «покровителя» въ лицѣ очень богатаго помѣщика, влюбившагося въ нее по уши.

— Слава Богу! часто говорятъ мнѣ ея простые, ничего не понимающіе родители, не могущіе нарадоваться, что ихъ Голдка такія большія деньги зарабатываетъ выученнымъ ею за границей ремесломъ.

Я ихъ, разумѣется, не разочаровываю, потому... незачѣмъ.

XI.

Чѣмъ же кончила Валерка, дочь Кукавки?

Въ одно воскресное утро, мой человѣкъ доложилъ мнѣ, что какой-то господинъ, повидимому, полякъ, хочетъ меня видѣть. Я велѣлъ просить.

Ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ на ципочкахъ молодой человѣкъ роста выше средняго, довольно благообразной, хотя немножко и мѣшковатой наружности, брונетъ съ длинными волосами, сильно напомаженными, блѣднымъ, почти истощеннымъ, но весьма выразительнымъ лицемъ, сильно напоминавшимъ еврейскій, во всякомъ случаѣ, восточный типъ. Онъ былъ одѣтъ довольно прилично и даже съ претензіями на щегольство, но это именно щегольство и притомъ низкой пробы, свидѣтельствовало, что вошедшій щеголь вчера не былъ такъ вы-

франчень и завтра, вѣроятно, тоже не будетъ, но сегодня онъ «одѣлся» ради праздника. Въ лѣвой рукѣ, обтянутой свѣжей перчаткой, онъ держалъ поярковую шляпу, а правая рука, безъ перчатки, была здоровенная, красная, моволистая и съ невыводимыми желтыми пятнами. Я уже не могъ сомнѣваться, что предо мною не джентльменъ, не панъ, а...

— Каретный мастеръ такой-то—отрекомендовался онъ мнѣ, глубоко поклонившись и шаркнувъ ногами.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, я экипажа не держу, а потому воскресный визитъ ко мнѣ каретнаго мастера показался мнѣ нѣсколько страннымъ, ибо какое дѣло онъ можетъ имѣть ко мнѣ? Тѣмъ не менѣе однакоже я жестомъ указалъ ему на стулъ, на который онъ осторожно опустился.

— Боюсь, не помѣшалъ-ли я вамъ? спросилъ онъ робко и подобострастно.

— Нѣтъ, ничего,—успокоилъ я своего гостя.

Онъ вынулъ изъ кармана своего *новаго* пиджака *новый* носовой платокъ, который, какъ видно, вчера еще покоился на полкахъ магазина, и вытеръ выступившій у него на лбу потъ.

— У меня есть до васъ просьба; — сказалъ онъ; немного погодя и какъ бы собираясь съ мыслями.—Вы мнѣ не откажете?

— Увидимъ, въ чемъ состоитъ ваша просьба.

— Но прежде я долженъ спросить васъ: вы... меня не узнаете?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я, пристально всматриваясь въ лицо сидѣвшаго предо мною молодого человѣка.—Кажется, я имѣю удовольствіе видѣть васъ въ первый разъ.

— Это такъ,—подтвердилъ мой гость,—однако, я... вашъ братъ. И онъ опустилъ глаза и даже покраснѣлъ, начиная поглаживать свою шляпу.

— То есть, какъ же это мой братъ?—спросилъ я, въ высшей степени удивленный словами каретнаго мастера.—Сколько

мнѣ извѣстно, я до сихъ поръ имѣлъ всего только одного брата и я его знаю въ лице.

— Извините, — послѣшилъ объясненіемъ мой внезапный братъ, я не такъ выразился и вы не совсѣмъ меня поняли. Я хотѣлъ сказать, что я вамъ братъ въ томъ смыслѣ, что я... тоже изъ вашихъ, изъ нашихъ... понимаете?

— То есть, изъ евреевъ?

— Именно. Я, однимъ словомъ, выкрестъ, вотъ въ чемъ штука. Крестился я, когда мнѣ было семь-восемь лѣтъ: случай такой вышелъ. Повѣрьте, я теперь сильно сожалѣю объ этомъ, но... прошлаго за хвостъ не поймаешь. Надѣюсь, однакоже, что это для васъ все равно?

— Все равно.

— Благодарю, проговорилъ онъ съ чувствомъ, поклонившись мнѣ съ своего мѣста. Онъ опять вынулъ платокъ, опять вытеръ свой вспотѣвшій лобъ и перевелъ дыханье. Видно было, что послѣ вступительнаго разговора ему на душѣ легче стало.

— Теперь къ дѣлу, — началъ онъ опять послѣ минутной паузы. Я, изволите видѣть, вхожъ къ господамъ Кукавкамъ. Почтенные люди, хорошее семейство.

Я съ этимъ согласился.

— А панну Валерію, ихъ дочь, вы, чай, знать изволите? спросилъ онъ далѣе.

— Еще бы! Она на моихъ глазахъ и выросла.

— Какъ вы, примѣрно, ее находите?

— Нахожу, что она очень хорошая, тихая, скромная, словомъ, примѣрная дѣвушка.

— Я очень радъ, что и вы ее одобряете; значитъ, я въ ней не ошибаюсь. Я, изволите видѣть, къ ней сватаюсь.

— И хорошо дѣлаете, потому и жена изъ нея выйдетъ хорошая, вѣрная, да и хозяйство отлично понимаетъ. Но какъ на счетъ ея согласія?

— О, она согласна, — произнесъ молодой человѣкъ съ самодовольною улыбкою, поглаживая свое правое колѣно, изъ чего

я долженъ былъ заключить, что онъ надъ сердцемъ панны Валеріи одержалъ полную, несомнѣнную побѣду.

— А ея родители?

— И родители согласны. Сегодня назначена помолвка и я именно пришелъ за тѣмъ, чтобы просить, не будете-ли столь добры удостоить своимъ присутствіемъ...

Ѣ вопросительно взглянулъ на моего собесѣдника, недоумѣвая, зачѣмъ ему, человѣку совершенно мнѣ незнакомому и чужому, понадобилось мое присутствіе при его помолвкѣ.

Онъ мой взглядъ понялъ и началъ объяснять:

— Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что мнѣ очень хотѣлось-бы, чтобы при такомъ торжественномъ событіи въ моей жизни присутствовалъ кто нибудь *изъ нашихъ*, а то я буду чувствовать себя одинокимъ, какъ перстъ, всѣми покинутымъ и оставленнымъ, и праздникъ будетъ не въ праздникъ. И хотя я съ *ними*, съ христіанами, уже совѣмъ сжился, однако, знаете... я очень часто чувствую себя отрѣзаннымъ ломтемъ. Они, кажется, и любятъ меня, но... они все таки мнѣ чужіе, да и на меня смотрятъ, какъ на чужого. Я это чувствую... Однако, въ обыкновенное время я мало объ этомъ забочусь, да стараюсь и не думать, потому некогда: работа торопитъ. Но теперь... будетъ мнѣ жутко, если на моей помолвкѣ не будетъ присутствовать хоть одинъ *изъ нашей собственной крови*. Могутъ подумать, что я изъ камня родился, подкидывая какой нибудь. Валерія и то иногда спрашиваетъ меня, такъ себѣ, безъ всякаго умысла: откуда ты родомъ? гдѣ твои родные? Я отвѣчаю ей и такъ и эдакъ, стараясь замаять разговоръ, потому я самъ не знаю, гдѣ мои родные и что съ ними. Помню, что мы жили въ какомъ то мѣстечкѣ, что были у меня и братья, и сестры, и какая-то тетка, горбатая, но добрая, которая насъ кормила, голубила и въ обиду никому не давала; но гдѣ они теперь и какъ называлось это мѣстечко,—я рѣшительно не знаю и не помню, хоть убейте.

На глазахъ молодого человѣка появились слезы. Онъ отчаянно махнулъ рукой, отвернулся и умолкъ.

— Вотъ я подумалъ о васъ, — продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, осушивъ свои слезы. — Мнѣ было извѣстно, что вы съ Кукавками, по сосѣдству, очень хорошо знакомы, иногда и въ мастерскую завернете посидѣть, побесѣдовать и къ работѣ присматриваться, и они очень уважаютъ васъ, какъ родители, такъ равно и моя Валерка, которую вы разъ даже проэкзаменовали, когда она еще въ школу ходила, — она сказала мнѣ это. Дай-ка, думаю себѣ, попрошу васъ, авось вы не откажете мнѣ въ этой милости. Я хоть и выкрестъ, а все таки братъ вашъ по крови и вы, какъ человѣкъ образованный и свѣтскій, не будете презирать меня за то, что случилось со мною въ моемъ дѣтствѣ, самъ не знаю какимъ образомъ. Вѣрно-ли я говорю?

— Вѣрно.

— Стало быть, вы мнѣ не отказываете?

— Нѣтъ.

— О, благодарю васъ! воскликнулъ молодой человѣкъ, вскочивъ съ своего мѣста и бросившись цѣловать мои руки. Вы не можете себѣ представить, какую милость вы мнѣ оказываете! Я по гробъ жизни не забуду этого. Это подниметь меня въ моихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ моей Валерки. Пусть она видитъ, что вы не брезгаете мной. Приглашеніе вы сейчасъ получите. Самъ панъ Кукавка придетъ просить васъ и съ своей стороны, какъ добраго сосѣда. Онъ, вчера говорилъ мнѣ. Стало быть, вы сегодня вечеромъ у насъ будете?

— Непремѣнно, — ради васъ и ради панны Валеріи, которая всегда мои платки обрубливаетъ и мѣтитъ.

— Въ такомъ случаѣ не смѣю больше докучать вамъ.

Онъ всталъ и, крѣпко пожавъ мою руку, вышелъ, глупо боко мнѣ кланаясь и любовно улыбаясь.

Часъ спустя вошелъ ко мнѣ панъ Кукавка собственной персоной, и въ напыщенныхъ выраженіяхъ сталъ отъ своего имени и отъ имени жены и дочери приглашать меня къ себѣ на вечеръ.

— Все-таки мы столько лѣтъ сосѣдями состоимъ,—говорилъ онъ между прочимъ,—никогда не ссорились, а теперь мы, значить, и родственниками будемъ.

Изъ этого я заключилъ, что молодой человѣкъ немножко расширилъ свои полномочія, но ради торжественности случая я простилъ ему его поэтическую вольность и не выводилъ его будущаго тестя изъ заблужденія относительно степени родства моего съ его будущимъ зятемъ.

Я попросилъ Кукавку сѣсть, поподчивалъ его папирской и мы разговорились.

— Откровенно вамъ скажу, — сказалъ онъ между прочимъ,—я сначала и руками и ногами былъ противъ этого, потому все-таки выкрестъ, т. е. старозаконный, а я, прошу не обижаться, никогда не думалъ и не гадалъ, чтобы моя дочь да была за старозаконнымъ! И хотя это, можетъ быть, одно суевѣріе, потому Богъ у васъ и у насъ одинъ, однако я все-таки, Божьею милостью, католикъ отъ дѣда и прадѣда, да и шляхтичъ тоже, гербъ въ печати имѣю. Притомъ, что скажутъ люди? Паненка не браковная, изъ себя видная, поведенія прекраснаго и не безъ приданаго. Какая же тутъ нужда выдавать ее за нехристианина родомъ? Но, когда мы съ женой стали прикидывать и такъ и эдакъ, то вышло, что можно, потому парень хорошій, не пьющій, старательный, мастерство свое знаетъ въ совершенствѣ,—это мнѣ его хозяинъ сказалъ,—стало быть, дочь наша будетъ за нимъ сыта, обута и одѣта,—чего же больше? А что старозаконный, такъ онъ вѣдь крещенъ, въ костель ходитъ, на исповѣди бываетъ, значить христианинъ. Такъ вѣдь?

— Такъ,—согласился я.

— Ну, и то нужно имѣть въ виду, что онъ, какъ мы замѣтили, дѣвкѣ нашей сильно приглянулся, потому онъ парень стройный, красивый, совсѣмъ на паныча похожъ, никакихъ хамскихъ манеръ за нимъ нѣтъ. А что онъ Валерку обожаешь, такъ объ этомъ и говорить нечего. А потому препятствовать счастью молодыхъ людей, которые, можетъ быть, свѣше пред-

назначены другъ для друга, — большой грѣхъ, котораго мы на свою душу взять не можемъ. Такъ вѣдь?

— Такъ, — согласился я и съ этимъ.

Когда я вечеромъ вошелъ къ Кукавкамъ, то былъ принятъ съ большими почестями, какъ желанный и почетный гость. Съ паномъ Кукавкой я долженъ былъ три раза облобызаться, какъ со сватомъ, а женихъ подъ руку съ невѣстой, сія радостью, счастьемъ и любовью, подскочили ко мнѣ и стали цѣловать мои руки, прямо называя меня дядушкой. Ну, дядушка, такъ дядушка и я своему, съ неба свалившемуся мнѣ племяннику не препятствовалъ титуловать меня весь вечеръ этимъ именемъ, такъ какъ я замѣтилъ, что это доставляетъ ему невыразимое удовольствіе.

Вся квартира Кукавокъ была биткомъ набита гостями изъ ремесленного сословія. Ожидали только моего прибытія, чтобы пиръ начался. Какъ только я пришелъ, столъ былъ выдвинутъ на средину комнаты — и пиръ начался. Когда же онъ, нѣсколько часовъ спустя, окончательно вступилъ въ свои права, послышалось обязательное на подобныхъ польскихъ банкетахъ:

А кто не выпіе,
Того ве два кі-я, —
Цуна-луна, луна-цуна и т. д.

На свадьбѣ я тоже долженъ былъ разыгрывать роль дядушки, роль, какъ я убѣдился, не очень трудную и не совсѣмъ неблагодарную: имѣть право цѣловать въ лобъ красивую якобы «племянницу» чего нибудь да стоять.

Л. Леванда.

ТОРМАЗЫ СЛІЯНІЯ ЕВРЕЕВЪ

СЪ КОРЕННЫМЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ *.

Меня пригласили, чтобы я на этихъ страницахъ первая поговорила съ вами, сограждане, и въ день, важный для вашихъ народныхъ обычаевъ, первая привѣтствовала васъ, братья мои, искреннимъ: «Богъ въ помощь!» Являюсь на это приглашеніе тѣмъ охотнѣе и скорѣе, что всегда есть много предметовъ, о которыхъ мнѣ желательно поговорить съ вами, и, такъ какъ польскому слову, въ наипопулярнѣйшей его формѣ, предстоитъ теперь вступить въ дома ваши, то надо, чтобы съ нимъ за одно вступили въ сердца и память ваши, тѣ, которые несутъ предъ народомъ знамя провозглашаемыхъ ими идей.

Одна изъ идей, все чаще и сильнѣе находящихъ отголосокъ въ умѣ, совѣсти и рѣчахъ народа нашего, это—сліяніе двухъ населеній, обитающихъ на землѣ нашей: христіанскаго и нехристіанскаго, въ одно мирное и соединенное цѣлое, сліяніе, которому широкимъ и прочнымъ фундаментомъ служили бы здравое пониманіе общей пользы, а также чувства справедливости и благожелательства. Объ этой-то идеѣ да скажетъ вамъ нѣсколько словъ первая страница этого новаго ежегодника.

Совершенно-ли и всесторонне-ли единеніе, составляющее

* Предлагаемая статья, принадлежащая перу звѣстной польской романистки и публицистки, г-жи Элизы Оржешко, появилась въ вышедшемъ недавно въ Варшавѣ первомъ „Еврейскомъ календарѣ“ на польскомъ языкѣ и озаглавлена въ подлинникѣ: „Wstępne Słowo“ (Вступительное слово). Мысли и идеи, въ ней изложенныя, показали намъ такими здравыми и интересными, что мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи познакомить съ ними читателей „Восхода“.

Цер.

одну изъ самыхъ животрепещущихъ идей нашего времени? Со взаимнымъ, конечно, сожалѣніемъ, но изъ любви къ правдѣ, долженствующей руководить всякимъ движеніемъ мысли нашей, мы должны отвѣчать: нѣтъ! Для подтвержденія этого положенія нѣтъ надобности въ приведеніи доказательствъ: оно бросается въ глаза, рѣжетъ сердце, вопіетъ въ области интересовъ. Каждый изъ насъ замѣчаетъ обособленность, порождающую неудовольствіе, и, чувствуя неудовольствіе, поддерживаетъ обособленность.

Спросимъ же: по какой причинѣ единеніе это не сдѣлалось еще ни совершеннымъ, ни всестороннимъ, и на какихъ именно пунктахъ намъ слѣдуетъ искать двигателя, сближающаго раздѣленныхъ, факела, разгоняющаго тьму?

Отвѣчая на эти вопросы, я буду имѣть въ виду общества обоихъ исповѣданій, въ особенности же средній, относительно интеллектуальнаго развитія, слой, такъ какъ то, что мы обыкновенно называемъ *народомъ*, *массой*, — здѣсь и тамъ — наврядъ ли можетъ служить закладкой соціальной и цивилизаціонной силы; обращаться же къ тѣмъ, которые стоятъ на вершинѣ умственнаго и нравственнаго развитія, — все равно, что поучать знающихъ и обращать вѣрующихъ.

Люди, смотрящіе только на поверхность предмета, замѣчаютъ только его частности; но, чтобы подмѣтить связи и пружины громадной соціальной машины, нужно умѣть смотрѣть въ ея глубину и понимать ея двигательныя силы, ихъ дѣйствіе и противодѣйствіе.

На поверхности занимающаго насъ вопроса выступаютъ слѣдующія частности: различіе вѣроисповѣданія, различіе расы, различіе рѣчи и обычаевъ и соперничество на полѣ труда и заработковъ. Но, вникая глубже въ дѣло, мы можемъ убѣдиться, что всѣ эти причины не суть ни основныя, ни первичныя, а что, напротивъ, ихъ усиленіе или ослабленіе, или же совершенное исчезновеніе, какъ причинъ розни, тѣсно связаны съ дѣйствіемъ одной пружины, которая наифундамен-

гальнѣйшимъ образомъ управляетъ всеми двигательными силами соціальной машины и которая называется *простынею*.

Разсмотримъ прежде всего вопросъ о вѣроисповѣдномъ различіи. Можетъ ли оно считаться основной и конечной причиной розни, непріязни и обособленности? Судя по примѣрамъ, мы видимъ, что ни одинъ изъ высокоцивилизованныхъ народовъ не состоитъ изъ людей, исповѣдующихъ одну какую либо вѣру; напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ въ этомъ отношеніи самое пестрое разнообразіе. Но перестаютъ ли они отъ этого быть крѣпко сплоченными цѣлыми? Распадаются ли они на непріязненныя, копающія другъ другу ямы, части? Развѣ французскіе и англійскіе евреи не французскіе и англійскіе патриоты? Развѣ на улицахъ Нью-Йорка, населенныхъ цѣлыми десятками сектъ, правда, христіанскихъ, но находящихся между собою въ бѣльшемъ антогонизмѣ, нежели разныя христіанскія и нехристіанскія исповѣданія, — развѣ на этихъ улицахъ существуютъ тоже десятки разрозненныхъ и непріязненныхъ другъ другу обществъ? Мы хорошо знаемъ, что этого нѣтъ. Ибо кто теперь, будучи вскормленникомъ современной цивилизаціи, можетъ считать себя вправѣ прорубить окно въ совѣсть ближняго, дабы въ нее заглядывать? Кто изъ знакомыхъ съ нынѣшнимъ положеніемъ знанія и человѣческой мысли можетъ приказывать ближнему, — подѣ страхомъ отталкиванія и ненависти, — чтобы онъ непременно въ той или другой формѣ представлялъ себѣ непонятное и поклонялся непостижимому? Нужно быть грубымъ невѣждой, чтобы думать, что какая бы то ни была религія предписываетъ злословить и злодѣйствовать; нужно быть ослѣпленнымъ фанатизмомъ, этимъ исчадіемъ невѣжества, чтобы за то, что сущность какой нибудь религіи выражается въ той или другой формѣ культа, злословить и злодѣйствовать. А потому причина розни и непріязни лежитъ не въ вѣроисповѣдномъ различіи, а въ невозможности смотрѣть на это различіе съ точки зрѣнія современной науки и мысли, невозможности, происходящей отъ недостатковъ, кроющихся въ народномъ образованіи.

Опять же, съ другой стороны, вѣрно то, что ничто такъ не портитъ самихъ же религій, какъ умственная темнота, подавляющая и заслоняющая отжившими формами ихъ внутреннее содержаніе, окружая ихъ кольцами предрасудковъ и предписаній, которыя, какъ остатки времени давно минувшихъ, потеряли съ теченіемъ времени всякій практической или философской смыслъ, всякое духовное или житейское значеніе. Отжившія формы эти могутъ быть дороги тѣмъ, которые срослись съ ними и которые сдѣлали ихъ правиломъ своей совѣсти и нравственного существа своего; но нечего удивляться, если тѣ, которые этому вѣроисповѣданію совершенно чужды, впадаютъ въ большія ошибки и, глядя на внѣшнюю окаменѣлую скорлупу религіи, какъ на ея сердцевину и главное содержаніе, вырабатываютъ себѣ ошибочныя понятія, порождающія несправедливыя чувства и поступки.

Различіе расы было бы дѣйствительно важнымъ, на законахъ природы основаннымъ, факторомъ ровни, если бы не фактъ громаднаго значенія: исконное пребываніе евреевъ въ нашей странѣ. Если этнографическія условія вырабатываютъ въ подчиненномъ населеніи извѣстныя племенные отличія, то оттуда — логическое заключеніе, что когда это населеніе будетъ перенесено въ другую широту и подвергнется другимъ вліяніямъ, отличія эти должны, конечно, постепенно, но непремѣнно сглаживаться или же совершенно измѣняться. Возможно ли, чтобы еврейское населеніе, въ теченіи нѣсколькихъ * вѣковъ, — изъ неба, подъ которымъ оно живетъ, изъ пицци, которой оно питается, изъ ландшафтовъ, на которые оно смотритъ, изъ сношеній, въ которыхъ оно принимаетъ дѣятельное участіе, — возможно ли, чтобы изъ всего этого оно не восприняло въ себя ничего изъ того, что вырабатываетъ соотвѣтственные этимъ факторамъ темпераменты, племенные склонности и способности? Конечно, естественныя вліянія эти дѣйствуютъ обыкновенно не шибко; но тутъ ихъ ассимилирующее воздѣйствіе

* Не нѣсколькихъ, а цѣлыхъ восьми вѣковъ!

еще встрѣтило препятствія соціально-психической натуры. Однако, съ другой стороны, цивилизація новѣйшаго времени выработала безчисленное множество понятій, стремленій, цѣлей и манеръ общежитія, въ области которыхъ не только различные народы, но и различныя расы встрѣчаются между собою мирно и до извѣстной степени дѣлаются даже похожими другъ на друга. Правда, расовое различіе между двумя населеніями можетъ даже считаться болѣе глубокимъ и болѣе сильнымъ препятствіемъ къ полному слиянію, нежели различіе вѣроисповѣдное; тѣмъ не менѣе однакоже эта глубина и эта сила должны уменьшаться подъ вліяніемъ уходящаго въ даль времени и возрастающей цивилизаціи. Извѣстно, впрочемъ, что современная цивилизація обладаетъ силой ускорять вліяніе времени. То, что когда то совершали вѣка, совершаютъ теперь десятки лѣтъ, вспомоществуемые громаднымъ развитіемъ человѣческой мысли и ея служебныхъ орудій; почти часы выполняютъ теперь задачи, которыя когда то доступны были долгимъ лѣтамъ.

И такъ, мы видимъ, что препятствія, проистекающія отъ вѣроисповѣднаго и расоваго различія, могутъ быть сведены къ одному основному фактору: недостаткамъ цивилизаціоннымъ. Тамъ, гдѣ эти недостатки исчезли, то-есть, между обывателями нашего края дѣйствительно цивилизованными, исчезли и препятствія къ мирному, братскому единенію, исчезла даже память о вѣроисповѣдномъ и расовомъ различіи. Однако, въ предметѣ цивилизаціи существуетъ, относительно еврейскаго населенія, одинъ пунктъ, на которомъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Нельзя безъ большой несправедливости утверждать, что евреи пятятся отъ цивилизаціи или чувствуютъ къ ней нерасположеніе. Напротивъ, какъ только предъ ними открылись ея двери, ихъ высшіе и средніе слои стали вступать въ нихъ толпами и съ восторгомъ. Но, вслѣдствіе ли извѣстныхъ, выработанныхъ исторіей и удержавшихся и понынѣ, племенныхъ свойствъ, или же потому, что новѣйшая цивилизація лишена въ ихъ средѣ традиціи, не переносила испыта-

ній, не обогащена рядомъ примѣровъ,--евреи болѣе, чѣмъ ихъ христіанскіе земляки, склонны къ ложному пониманію цивилизаціи. Никто изъ безпристрастныхъ не станетъ оспаривать, что значительная часть еврейской молодежи, даже той, и именно той, которая достигла болѣе или менѣе высокой степени образованія, смотритъ на цивилизацію съ внѣшней, поверхностной, матеріальной ея стороны, понимая ее въ смыслѣ орудія къ достиженію исключительно личныхъ цѣлей. Цѣли эти разнообразны: удовлетвореніе тщеславію или насыщеніе желаній, возвышеніе по лѣстницѣ общественной іерархіи или достиженіе наибольшей суммы какого-либо рода удовольствій. Отъ такого пониманія цивилизаціи весьма недалеко до совершеннаго равнодушія къ общественнымъ дѣламъ и интересамъ, до уваженія блеска и физической силы, даже когда они менѣе всего могутъ быть достигнуты честнымъ путемъ, и до презрѣнія правды и справедливости, коль скоро преступное насиліе наложило на нихъ печать несчастія и униженія. Такимъ образомъ понятая цивилизація не можетъ способствовать ни осуществленію великихъ идеаловъ человѣчества, ни установленію между ними единенія и чувствъ пріязни.

Что такое собственно цивилизація? Чтобы исчерпать этотъ вопросъ, нужно было бы говорить долго. Скажемъ, однако же, и въ короткихъ словахъ, что весьма ошибается тотъ, кто видитъ существо ея въ благосостояніи или богатствѣ, или даже въ тѣхъ пышныхъ проявленіяхъ ея, каковы: желѣзныя дороги, телеграфы, гладкость и эстетичность свѣтскихъ формъ, пріятности и удовольствія общественной жизни и т. п. Всѣ эти несомнѣнно драгоцѣнныя приобрѣтенія суть только орудія цивилизаціи, помощью которыхъ она стремится къ усовершенствованію и осчастливленію человѣчества, но... все это не есть сущность ея. Нагроможденные богатства дѣлаютъ возможнымъ для извѣстныхъ общественныхъ группъ предаваться умственному труду и чрезъ то двигать впередъ науки и искусства, усовершенствованные пути сообщенія сближаютъ людей и облегчаютъ между разными частями человѣчества раздѣленіе труда и рас-

предѣленіе между ними плодовъ его; общественная жизнь, если не злоупотреблять ею, смягчаетъ нравы и междулическія отношенія, внося въ нихъ сердечную теплоту и эстетическій вкусъ и т. д. Однакожь, въ сущности, человѣкъ, пользующійся даже большимъ богатствомъ, часто катающійся по желѣзнымъ дорогамъ и усвоившій себѣ не только приличное, но и блестящее обхожденіе съ людьми, можетъ быть полу-дикаремъ, имѣющимъ очень мало общаго съ цивилизаціей. И, напротивъ, существуетъ на свѣтѣ не одинъ человѣкъ, духъ котораго, прозябая въ тиши и мракѣ и, будучи покрытъ ржавчиной матеріальнаго убожества и шероховатостью внѣшнихъ формъ, вбираетъ въ себя всѣ тѣ понятія и чувства, для выработки которыхъ трудились тысячи поколѣній, и поэтому имѣетъ полнѣйшее право представлять собою цивилизацію.

Въ сущности же, цивилизація — это совокупность понятій и чувствъ, выработанныхъ въ теченіи вѣковъ, всестороннею дѣятельностью человѣчества на поприщѣ всесторонняго развитія людской общественности. Выработывали ее: религія, законодательство, философія, системы нравственности, наука, — въ особенности и преимущественно наука. Но эта послѣдняя, сама по себѣ, не есть еще цивилизація. Самый свѣдущій математикъ или медикъ тоже можетъ быть полудикаремъ, если его ученость держится только формулъ, фактовъ, цифръ, оставаясь чуждой общимъ понятіямъ и идеямъ, выработаннымъ человѣческимъ интеллектомъ, а также тѣмъ чувствамъ и направленіямъ, которыя подъ вліяніемъ этихъ идей возникли и развиваются. Цивилизація — это чувство справедливости, гнушающееся всякаго насилія и жестокости, будь они даже вооружены всесильнымъ мечемъ и облечены въ ослѣпительный пурпуръ, и всегда стоящее на сторонѣ правды и закона, хотя бы нога угнетателя втаптывала ихъ въ грязь и покрывала ихъ лохмотьями нищеты. Цивилизація — это отождествленіе личнаго интереса съ интересомъ общества и такое умѣнье держаться въ предѣлахъ перваго, чтобы никому ни откуда не было нанесено ни ущерба, ни обиды. Цивилизація — это по-

ниманіе своихъ обязанностей, которыя, возникая изъ обмѣна услугъ и раздѣленія чувствъ, платятъ нравственные долги съ неменьшею аккуратностью, нежели матеріальные. Цивилизація — это простота и скромность, которыя ничѣмъ не кичатся, ибо хорошо знаютъ, что за тѣмъ, чѣмъ онѣ обладаютъ, существуетъ еще цѣлый міръ благъ и почестей, которыя для нихъ недоступны. И еще много, очень много понятій, добродѣтелей и чувствъ составляетъ существо цивилизаціи. Исчислить ихъ нѣтъ возможности, но кто не обладаетъ или и не выполняетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и насколько позволяетъ слабость человѣческой природы, — тотъ не можетъ назваться цивилизованнымъ. Хотя бы онъ ходилъ въ золотѣ и багряницѣ, обиталъ въ дворцахъ и управлялъ людьми, — цивилизованнымъ онъ считаться не можетъ. Знай онъ даже наизусть всѣ науки міра, но если онъ не обладаетъ вѣнцомъ ихъ, ихъ послѣднимъ выводомъ, онъ можетъ называться ученымъ, попугаемъ, но онъ не цивилизованный человѣкъ. Поверхностно-цивилизованныхъ людей существуетъ въ христіанскомъ обществѣ огромное количество; но между евреями, вѣроятно, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ, явленіе это повторяется сравнительно чаще, такъ часто, что въ еврейскомъ населеніи, обитающемъ на широкомъ пространствѣ Литвы и Руси, оно сдѣлалось почти всеобщимъ.

Такая фальшивая и поверхностная цивилизація, довольствующаяся щепоткой одностороннихъ и сухихъ научныхъ знаній, свѣтскимъ доскомъ, часто, впрочемъ, сомнительнымъ поклоненіемъ всему, что блеститъ и физически преобладаетъ, и усматривающая въ каждомъ дѣлѣ, общественномъ или частномъ свой исключительно личный и матеріальный интересъ, словомъ, такое профанированіе цивилизаціи не можетъ способствовать ни осуществленію идеала братскаго единенія, ни забвенію религіознаго и расоваго различія. Равнымъ образомъ, такая цивилизація не можетъ благотворно вліять на низменные, темные слои населенія и чрезъ то уменьшать и смягчать рознь и столкновенія на бытовомъ и экономическомъ по-

прицахъ. Темные, низменные слои пребываютъ неподвижно въ своей обособленности, предрасудкахъ и дурныхъ наклонностяхъ; тѣ же, которые по силѣ вещей должны бы были служить ихъ проводниками къ свѣту, идутъ, правда, другой дорогой, но тоже темной и только освѣщаемой мишурнымъ блескомъ, который они, по простотѣ душевной, считаютъ солнцемъ, звѣздами.

Какими-же способами еврейское населеніе должно и можетъ усвоивать себѣ болѣе соотвѣтственную и болѣе благотворную по своимъ послѣдствіямъ цивилизацію? Еслибы мы находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно внутренней организаціи и внѣшнихъ обстоятельствъ, то мы могли-бы предложить къ примѣненію нѣсколько средствъ для достиженія цѣли. Такими средствами казались-бы намъ:

1) Школы какъ элементарныя, такъ и среднія и высшія, управляемыя не мертвой буквой, вырабатывающей мертвые плоды цивилизаціи, но оживленныя духомъ высокой нравственности и тѣми идеями, которыя служатъ вѣнцомъ или даже капитальными стѣнами сооруженнаго наукой зданія; 2) Повсемѣстное и обязательное обученіе въ этихъ школахъ какъ евреевъ, такъ и христіанъ, на лонѣ и подъ крыломъ одной рѣчи, однихъ правъ и одинаковыхъ стремленій; 3) Заключеніе между членами обѣихъ народностей родственныхъ союзовъ, которые съ физиологической стороны имѣли бы слѣдствіемъ болѣе скорое исчезновеніе расоваго различія, а съ социальнo-психической стороны много способствовали бы усвоенію мѣстной традиціи и всѣхъ тѣхъ качествъ и чувствъ, которыя суть ея прямое послѣдствіе.

Но мы помнимъ, что живемъ не на берегахъ Атлантическаго океана что какъ внутренняя организація наша, такъ равно и наши внѣшнія условія такого рода, что мы о всякой вещи должны долго хлопотать и что мы всего должны ожидать не отъ насъ самихъ, а отъ обстоятельствъ, отъ насъ независящихъ. Но если усовершенствованное, къ цѣлямъ истинной цивилизаціи направленное и обязательное публичное вос-

питаніе и возможность заключенія родственныхъ союзовъ могутъ быть только мечтою или, точнѣе, теоріей, принципомъ, долженствующимъ еще созрѣвать въ умахъ нашихъ,—то гдѣ же тѣ средства, которыя хотя бы медленно и отчасти вели насъ къ цѣли и предупреждали бы усиленіе зла?

Средства эти мы можемъ найдти: 1) въ домашнемъ воспитаніи еврейской молодежи, которое хотя бы отчасти устраняло недостатки публичнаго воспитанія, 2) въ соответственномъ влияніи просвѣщеннаго класса евреевъ на темные слои своихъ соплеменниковъ и 3) въ сношеніяхъ и сближеніяхъ, доставляемыхъ совмѣстною жизнью.

Не колеблюсь сказать здѣсь окровенно и ясно, что домашнее воспитаніе, если оно имѣетъ быть направлено къ тѣмъ цѣлямъ, о которыхъ говоримъ, должно заключать въ себѣ не только этическіе и умственные элементы, представляющіе собою истинную цивилизацію, но должно быть и народнымъ. Народнымъ оно должно быть въ широкомъ фундаментальномъ значеніи этого слова, т. е. оно должно заключать въ себѣ все народное знаніе, или знакомство съ языкомъ, исторіей, литературой, вообще съ культурой края. Безъ этого знанія, искренняя, постоянная и активная любовь къ краю существовать не можетъ, а безъ этой любви, тѣсное, прочное и всестороннее единеніе двухъ народностей должно оставаться въ сферѣ благихъ, но неосуществимыхъ желаній. Сліянiе въ высшихъ, просвѣщенныхъ сферахъ уже состоялось, но въ низкихъ сферахъ еще существуетъ съ обѣихъ сторонъ много предубѣжденій, колебаній и непріязни. Я далека отъ мысли, чтобы эти чувства существовали только у евреевъ. Напротивъ, болѣе значительная сумма ихъ остается за христіанскимъ обществомъ, обращеніе и направленіе котораго на болѣе резонный и болѣе спасительный путь составляютъ задачу и долгъ его умственныхъ руководителей. Но, имѣя въ виду специально евреевъ, льстецомъ былъ бы тотъ, кто утаивалъ бы отъ нихъ, что уваженіе и любовь земляковъ должны быть ими заработаны, точно такъ какъ каждая еди-

ница, отдѣльная или собирательная, должна зарабатывать каждое благо, каждый шагъ на пути почестей и счастья. Единственные и непреложные пути и способы къ этому зарабатыванію: сознаніе его необходимости, лучшее, нежели до сихъ поръ, пониманіе цивилизаціи, превращеніе домашняго воспитанія въ мастерскія для выработки въ молодомъ поколѣніи истинно цивилизаціонныхъ элементовъ, народовѣдѣнія и любви къ краю; наконецъ, вырваніе низменныхъ темныхъ слоевъ изъ окаменѣлаго и обособленнаго состоянія, въ которое погрузили ихъ печальной памяти историческіе факторы, за которые ихъ не слѣдуетъ упрекать и отталкивать, но которые по необходимости лежатъ тяжелымъ камнемъ препятствія и преткновенія на пути къ единенію.

Я хорошо понимаю, что всякая социальная эволюція совершается по законамъ и правиламъ, установленнымъ для общаго развитія челоуѣчества, что она должна совершаться среди множества запутанныхъ и скрепляющихся препятствій и затрудненій, что силой слова, даже самаго энергическаго, она совершиться не можетъ. Не должно однакоже думать, что слово уже ничего не значить. Какъ теорія, рассматривающая и обтекающая идеаль со всѣхъ его сторонъ, пока онъ не начинается осуществляться на практикѣ; какъ будильникъ, ударяющій по струнамъ сердца и ума и будящій къ труду и борьбѣ; какъ піонерскій топоръ, очищающій отъ сорной травы дорогу, приближающую правду къ головамъ людей, — слово даетъ достаточной силой или парализировать дѣйствія, враждебныя этой эволюціи, или же помогать такимъ дѣйствіямъ, которыя ей благопріятствуютъ. А потому, хотя мы хорошо знаемъ, что такой важный историческій актъ, какъ слияніе и тѣсное соединеніе двухъ социальныхъ группъ, бывшихъ до сихъ поръ раздѣленными, не можетъ совершиться ни быстро, ни легко, и хотя я вижу, что на пути къ этому слиянію лежатъ многія и сильныя препятствія, не считаю однакоже лишнимъ и ненужнымъ указывать на него, какъ на звѣзду, свѣтящуюся на концѣ длинной, темной галереи. И опять-же поэтому я для

новогодняго подарка для васъ, мои сограждане, не отыскала въ моей фантазіи ничего изъ тѣхъ сновидѣній и образовъ, среди которыхъ вы, на фонѣ общей намъ страны, не разъ будете фигурировать, но принесла эти нѣсколько словъ, бѣглыхъ и сухихъ. Естественно, слова эти могутъ быть только краткимъ очеркомъ предмета обширнаго и многосложнаго, но если имъ удастся обратить на себя ваше вниманіе и сочувствіе, то вы уже сами выведете изъ нихъ дальнѣйшія заключенія; а сердечная теплота ускоритъ движеніе мысли....

Элиза Оржешко.

СТЕПНЯКЪ-СОЛОМОНЪ *.

(Посвящается Н. Н. З.).

VI.

Широкій и желтый оврагъ разсѣкалъ зеленую скалу у берега. На скалѣ, кругомъ поросшей рѣдеющей травкой и каменистое подножіе которой омывалъ зеркальный тихій Днѣпръ, стояла изба съ ветхой приподнятой почернѣвшей соломенной крышей. Это было сельское еврейское училище въ Малиновкѣ, мѣсто, куда стекались со всѣхъ концовъ села худосочныя, изжелта-блѣдныя дѣти евреевъ; это былъ убогій деревенскій пріютъ, просторная «хата», въ которой сѣдая старина-меламедъ съ одной стороны и молодой, въ синихъ очкахъ, учитель Борисъ Заславскій съ другой просвѣщали дѣтей Малиновскихъ евреевъ. Три крошечныхъ окна съ голубыми ставнями смотрѣли изъ этой избы прямо на разстилавшійся внизу широкій, точно бѣло-атласной мягкой лентой извивающійся Днѣпръ, туда далеко на противоположный заросшій берегъ и въ маленькихъ стеклахъ ихъ отражалась синяя даль, золотомъ играли лучи утренней и вечерней зари. Изъ этихъ трехъ оконъ—два смотрѣли изъ просторной съ низкимъ потолкомъ хаты, гдѣ стояли все черныя скамьи, столы, доска, и отбуда цѣлыми днями выносилось надъ рѣкой жужжаніе дѣтей, а третье выходило изъ досками отдѣленной конуры, жилища Бориса Заславскаго. Порогъ этой избы, какъ и порогъ избы Тараса, зачастую пе-

* См. «Восходъ» кн. X.

реступала нога Шлемы. Сюда, въ эту конуру Заславскаго, вся мебель которой состояла изъ кровати, стола и стула, но которая въ безпорядкѣ была забросана книгами и увѣшана кой-какими старыми портретами литераторовъ и ученыхъ, безъ рамокъ, запыленныхъ,—въ тихіе вечера приходилъ Шлема, и здѣсь онъ до глубокой лѣтней полночи засиживался въ безконечныхъ бесѣдахъ съ учителемъ.

Когда круглый, золотой шаръ волшебюо закатывался за далекій противоположный берегъ, когда потухшая заря застилалась синими, тонкими кисеями вечерняго тумана и когда наконецъ сквозь медленно наплывающіе ароматные сумерки тихонько надъ старымъ Днѣпромъ вставалъ бѣлый мѣсяцъ, блѣднымъ сребристымъ сіяніемъ заливалъ его воды, безмолвные берега, Малиновку,—дверь избы тихо пріоткрывалась, и изъ нея, утомленные длинными бесѣдами, выходили подышать сладкимъ воздухомъ лунной ночи Заславскій и Шлема. Они садились подъ окнами, на землю, на свѣжѣвшую траву и продолжали свои бесѣды. Бѣлая ночь осѣняла ихъ фигуры и лица. Внизу серебрянный Днѣпръ, надъ тихими водами котораго то тамъ, то здѣсь склонялись и спали темные, вѣтвистые дубы; надъ головами миллионы звѣздъ, разсыпанные по лазури, игравшіе по небосклону, и среди нихъ серебряное, чистое свѣтило ночи внимали ихъ тихой бесѣдѣ. Заснувшій берегъ, на немъ сномъ замороженное село, казалось прислушивались къ звукамъ ихъ разговора. Они долго и страстно говорили въ эти ночи, много учитель сообщалъ Шлемѣ того, чего онъ не зналъ, много свѣтлаго и умнаго воспринималъ здоровый мозгъ «степняка», много сладости, святыхъ прекрасныхъ чувствъ пила душа Шлемы въ эти тихія ночи изъ этихъ горячихъ задушевныхъ бесѣдъ учителя. Заславскій говорилъ долго; голосъ его, мягкій, музыкальный, искренно звучалъ, а Шлема слушалъ, слушалъ и молчалъ. Потому Заславскій смолкалъ и Шлема говорилъ. Не такъ ровно, не такъ мягко, музыкально звучалъ его голосъ, не такъ вольно лилась его рѣчь, какъ у Заславскаго, онъ говорилъ запинаясь, отрывисто, останавливаясь, раздражительно щипая траву подъ

собою, неустанно поправляя картузь на головѣ, но онъ говорилъ со всей силой своей горячей, сомнѣніями наполненной души; онъ не говорилъ, онъ почти шепталъ, но шепталъ страстно, рѣчь его была цѣпь, безконечная цѣпь мучительныхъ вопросовъ, грозно возстававшихъ въ его библейскомъ умѣ подѣ влияніемъ рѣчей Заславскаго. Увлечение его подѣ таинственный шопоть ночи до того доходило, что нерѣдко ему желалось тутъ же сейчасъ постигнуть божественную тайну жизни. Заславскій перебивалъ его, умѣрялъ расходившійся пылъ его души. Постоянно неудовлетворенный Шлема разставался съ учителемъ уже въ полночь.

Прошла цѣлая недѣля послѣ свадьбы. Въ такую же бѣлую ночь, на завѣтномъ мѣстѣ, подѣ тѣми же маленькими окнами избы, облитыми блѣднымъ сіяніемъ лунной ночи сидѣли, въ первый разъ свидѣвшись послѣ трехъ разгульныхъ дней свадебнаго торжества, «степнякъ» и Заславскій. Вслѣдъ за угасшей зарей, изъ-за Днѣпра, изъ-за зеленыхъ дубовъ, едва только встала луна. Золотая точно выглянувшая изъ заснувшихъ бѣлыхъ водъ Днѣпра, она мѣрно выплывала въ открытое небо и постепенно дрожа и поднимаясь въ синевѣ все выше и выше, теряла свой золотой блескъ, бѣлѣла и серебрилась въ серебрянномъ туманѣ необозримо-звѣздныхъ полей. Было тихо. Ночь все окутывала и окутывала Днѣпръ, два огромныхъ берега и засыпающее село. Бѣлый, прозрачный воздухъ осѣнилъ избы, и онѣ спали. Легкія тѣни незамѣтно побѣжали по крышѣ и стѣнѣ и неподвижно легли по улицамъ, переулкамъ сонныхъ избъ; легли эти тѣни бѣлой ночи и подѣ окнами училища, гдѣ сидѣли Заславскій и Шлема. Въ парусиновой блузѣ, черной шляпѣ, съ дымящейся папиросой во рту, растянулся и нѣжился на мягкой землѣ Заславскій; Шлема же въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ и соломенной шляпѣ съ опущенной головой на колѣни, сидѣлъ и щипалъ траву. Заславскій говорилъ, онъ молчалъ. Онъ молчалъ, но что происходило въ его груди? какія чувства томили теперь его душу, еще болѣе разгораясь и терзая его наболѣвшее сердце подѣ влияніемъ страстно-ча-

рующей бѣлой ночи? Онъ молчалъ, потому что глоталъ и душилъ въ себѣ накапливающіе вздохи. Заславскій не зналъ, какъ больно билось въ немъ его бѣдное сердце; но когда онъ подымалъ голову, когда серебрянные лучи луны освѣняли его лицо, въ широко-раскрытыхъ глазахъ его читалось многое, въ нихъ горѣли и не прогорали душевныя муки. Всѣ страданія, какими была упитана душа его, всѣ были знакомы его задушевному другу Заславскому; одного страданія, одной муки не вѣдалъ только его честный наставникъ. Онъ не зналъ того ужаснаго узла, который связала его страстная молодость, который крѣпко, можетъ быть на всю жизнь, связалъ одинъ неудержанный порывъ его юности, и никогда не развяжетъ чувство его мучительнаго и долгаго раскаянія. И Заславскому, тому съ кѣмъ онъ единственно раздѣлялъ всѣ свои душевныя ощущенія, мучительныя и радостныя, онъ не повѣдалъ печальную исторію его любви, его связи съ Марусей. На самомъ днѣ души своей скрылъ онъ отъ него свои муки; червь совѣсти медленно, поюще болью сосалъ его сердце, но онъ молчалъ передъ Заславскимъ. Онъ молчалъ послѣ того, когда Маруся указала ему на тотъ узелъ, который навсегда связала злая судьба; онъ молчалъ до свадьбы, прошла свадьба, онъ все молчалъ. Но теперь... Прошла недѣля, онъ мужъ, будущій отецъ семейства, прошла недѣля, которая сладко проходить для молодыхъ, новобрачныхъ, пьющихъ полною грудью чашу блаженства первыхъ дней. И передъ нимъ была эта чаша и онъ пилъ ее, какъ еврей, по священному велѣнію единого Бога; но когда онъ пилъ, когда вкушалъ эту сладость блаженства, передъ нимъ съ голубыми глазами, полными слезъ, съ печатью глубокихъ страданій на блѣдномъ лицѣ, вставалъ и стоялъ образъ Маруси, той Маруси, которая, впервые въ него глаза свои, стояла на порогѣ палатки, гдѣ происходилъ его пиръ, и которую онъ, счастливый среди золотого веселья, прогналъ, какъ гонять муху съ глазъ сомкнутыхъ сладкимъ сномъ. Да, теперь, когда онъ сидитъ возлѣ Заславекаго, онъ сказалъ бы ему наконецъ свою «сердечную тайну», онъ рас-

крыль бы наболѣвшую душу въ эту тихую лунную ночь, среди этой таинственной вызывающей тишины, послѣ недѣли супружеской жизни, недѣли жизни мучительной и отравленной. Да онъ и скажетъ, онъ болѣе не въ силахъ скрывать, онъ скажетъ ему, иначе его грудь разорвется отъ мукъ раскаянія, онъ скажетъ потому, что Маруся ждетъ его—и онъ попроситъ совѣта, помощи. А между тѣмъ, Заславскій продолжалъ говорить.

— И теперь—продолжалъ онъ — теперь я думаю, Шлема, вамъ должно быть хорошо. Вамъ строить домъ, лавку переведутъ въ Малиновку, отецъ вамъ отдалъ степь и вы можете сдѣлаться полнымъ хозяиномъ. Чего же вамъ еще? Живите себѣ счастливо и занимайтесь тѣмъ, чего душа ваша хочетъ. Теперь вы не будете знать ни отца, ни братьевъ... Мужики васъ еще больше полюбятъ, потому что вы будете самостоятельно жить и никто не посмѣетъ вамъ указывать, какъ вамъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Въ дѣлахъ съ мужиками вы будете слушаться вашего сердца... И я не знаю... отчего вы опустили голову?.. Скажите мнѣ, Шлема — проговорилъ Заславскій обернувшись къ нему лицомъ — вы не рады теперь? Вы не довольны развѣ, что отецъ васъ женилъ? Освободилъ васъ отъ тѣхъ страданій, которыя вы испытывали въ семьѣ? А? Говорите?

— Нѣтъ, отчего? Я же вамъ самъ говорилъ еще до свадьбы, что я бы желалъ жениться и жить отдѣльно..

— Ну такъ чѣмъ же вы недовольны? Отчего вы такъ скучны, какъ никогда еще не были? а?

— Такъ... Шлема вздохнулъ; онъ не подымалъ головы и смотрѣлъ на свои сапоги, увязшіе въ травѣ.

— Нѣтъ, вѣдь что-нибудь же у васъ да есть на сердцѣ... Что же, скажите? Можетъ быть вамъ молодая жена ваша не нравится? Я не знаю, какая ваша жена, что она за женщина, но сколько я слышалъ о ней, она, по моему мнѣнію, какъ-разъ вамъ пара. Она умная дѣвушка.

— Да Борисъ — перебилъ Шлема — это вѣрно. Она умная

женщина, она знаетъ даже немножко библію и я ею очень доволенъ. Я думаю, что Богъ пошлетъ мнѣ счастливую жизнь съ нею. Шлема говорилъ какимъ-то тихимъ, равнодушнымъ тономъ.

— Ну такъ чего же вы? Ну вотъ и отлично. Насколько я слышалъ она хозяйская дочь, практическая женщина и вы спокойно можете поручить ей лавку, можете даже не мѣшать-ся въ коммерцію, къ которой не лежитъ ваше сердце. Я не знаю — по моему, для васъ теперь самая счастливая жизнь настаетъ,—увѣренно закончилъ Заславскій и отбросилъ въ стору докуренную папиросу, которая задымилась въ травѣ.

— Конечно—только отвѣтилъ Шлема—я и не говорю...

Заславскій молчалъ; молчалъ и Шлема. Пытливый умъ Заславскаго старался разгадать внутреннее душевное безпокойство Шлемы. Онъ видѣлъ, что «степнякъ» не въ духѣ, что его что-то мучить. Любопытство и интересъ тѣмъ болѣе разгорались въ Заславскомъ, что теперь въ первый разъ, Шлема, тотъ Шлема, который никогда ничего передъ нимъ не скрывалъ, держалъ въ своей душѣ какую-то тайну, видимо мучившую его, видимо не дававшую ему покою. Онъ заворочался на травѣ. Онъ началъ усиленно думать.

Шлема нѣсколько разъ задвигался на мѣстѣ; неустанно поправляя соломенную шляпу на головѣ, онъ началъ вздыхать и звучно, какъ-то болѣзненно каплять. Онъ то подымалъ, то опускалъ голову и когда, подымая ее, онъ устремлялъ въ даль глаза, бѣжалъ взоромъ полнымъ грусти въ серебрянную туманную даль извивающагося Днѣпра — эта таинственная волшебная даль, гдѣ умчавшаяся зеркальная лента рѣки сливалась съ небомъ, гдѣ надъ бѣлыми водами шептались звѣзды, почему-то особенно сильно щемила его сердце. Шлема зналъ состояніе, которое испытывалъ невѣдѣніемъ томившійся Заславскій; онъ началъ ощущать въ себѣ всю неприятность натянутого положенія, въ эту минуту ему было до слезъ горько за себя и за своего любимаго друга. Все болѣе и болѣе охватывало его волненіе, и онъ впалъ наконецъ въ то

мучительное, душевное состояніе, когда накопѣвшее на сердцѣ горе съ неудержимой силой просится наружу, но когда сердце замираетъ, а языкъ нѣмѣетъ... Хочется сказать, выговорить, излить переполнившую душу, но къ горлу приливаетъ кровь, сдавлиываетъ, душитъ—и конечности холодѣютъ. Въ такія минуты человѣкъ мучится, но онъ выскажется, цѣлымъ потокомъ заговоритъ онъ, если уже заговоритъ. Шлема нѣсколько разъ оглянулся, окинулъ взоромъ огромный заснувшій противоположный берегъ, опустилъ голову, потомъ опять поднялъ, посмотрѣлъ на Заславскаго, неподвижно лежавшаго на травѣ въ глубокой задумчивости, зашевелилъ ногами и, вырвавъ цѣлую охапку травы, тихо заговорилъ:

— Борисъ — почти шопотомъ произнесъ онъ -- любилы вы въ молодости?

Заславскій сперва слегка вздрогнулъ, а затѣмъ вопросительно посмотрѣлъ на Шлему. Удивленный неожиданнымъ вопросомъ, онъ не скоро отвѣчалъ.

— Любили? повторилъ Шлема, сдерживая въ себѣ дыханіе.

— На что вамъ? Почему вы это спрашиваете, Шлема?

— Скажите мнѣ, Борисъ! Я васъ прошу, скажите! Любили вы когда-нибудь дѣвушку всѣмъ сердцемъ, всей вашей жизнью? Шлема начиналъ говорить, все громче и громче, онъ сжалъ подъ собою руки и глаза у него загорѣлись.

— Шлема—спросилъ присѣвшій Заславскій—вы любите?

— Да, Борисъ, я люблю, я уже три года люблю! Борисъ, родной мой, около васъ сидитъ еврейскій сынъ, несчастный Шлойма, мужъ еврейской дочери и отецъ...

— Шлема, отецъ уже?! почти крикнулъ Заславскій.

— Да, отецъ и подлецъ Шлойма, который не могъ сдержать свое сердце, не могъ сказать себѣ: нельзя, и прижилъ ребенка съ дочерью мужика!

— Мужика?

— Да, съ русской, съ крестьянкой... Слушайте меня, Борисъ: я люблю уже три года Марусю, дочь нашего мельника

Тараса. Простите меня, Борисъ, что я вамъ до сихъ поръ не говорилъ, я боялся вамъ говорить, я боялся себѣ самому объ этомъ говорить, потому что я боялся нашего Бога! Не отворачивайтесь отъ меня, Борисъ, я несчастный человѣкъ, я плачу передъ Богомъ и людьми за мой поступокъ, сердце мое обливается кровью, когда я подумаю, что я, можетъ быть, погубилъ эту дѣвушку. Но не говорите, Борисъ, отчего я полюбилъ русскую дѣвушку? Для меня все равно, я хотѣлъ полюбить, сердце мое меня не спрашивало кого любить, и я полюбилъ крестьянку. Только не это мучить меня, Борисъ, не то лютой змѣей гложетъ мое сердце, рветъ его на куски, что я полюбилъ дочь мужика; я зналъ, что я противъ Бога не пойду, я зналъ что пусть мое сердце хоть лопнетъ, разорвется отъ любви, но противъ нашего Бога я, еврейскій сынъ, не пойду. Мое сердце болитъ, я мучаюсь какъ въ огнѣ, Борисъ, оттого, что я смѣшалъ кровь, оттого что дѣвушка должна сдѣлаться матерью моего дитяти, моей крови... Борисъ, день и ночь я не нахожу себѣ мѣста, я хотѣлъ забыть, цѣлая недѣля прошла, какъ я уже женатъ, мужъ, но я не знаю куда мнѣ уйти, у меня темнѣетъ въ глазахъ, я не вижу дня, у меня кровь застываетъ въ груди, волосы болятъ у меня на головѣ и я васъ прошу... я плачу передъ вами, Борисъ, скажите мнѣ, научите что дѣлать? Я васъ умоляю—Шлема держалъ холодныя руки блѣднѣвшаго Заславскаго—вы одинъ, который понимаете мое сердце, научите меня, какъ дитя прошу васъ, скажите что я долженъ дѣлать?...

— Шлема, ну что же я могу сказать...—Заславскій едва могъ говорить отъ охватившаго его волненія.

— Скажите, что мнѣ дѣлать, посоветуйте! Чтонибудь скажите...

Съ ужасной силой сдерживалъ себя Шлема, глаза у него широко раскрылись и изъ груди просились рыданья, моленья. Заславскій молчалъ. Нахмутивъ брови, онъ едва въ состояніи былъ постичь печальную вѣсть и придумывалъ совѣтъ. Шлема смотрѣлъ ему въ глаза и ждалъ отвѣта.

— Ну, Борисъ...

Заславскій молчалъ. Онъ не зналъ, что сказать.

— Вы молчите, Борисъ? Но я не выдержу, но вы должны мнѣ сказать...

Странно было видѣть теперь лицо «степняка». Блѣдный, съ выступающими на глазахъ слезами, онъ походилъ на ребенка. Руки у него тряслись и черныя кудри выбивались изъ подъ шляпы, пряди падали ему на лобъ.

— Отецъ ея знаетъ? — тихо спросилъ, наконецъ, послѣ томительнаго молчанія Заславскій.

Шлема вдругъ опустилъ голову.

— Нѣтъ... — тихо отвѣтилъ онъ.

— Не знаетъ? — опять переспросилъ Заславскій.

— Нѣтъ...

Заславскій всталъ и быстро заходилъ по травѣ. Оба молчали.

Наступила долгая, томительная пауза. Въ воздухѣ дѣлалось свѣжо; приближалось утро. Трава кругомъ окропилась росой. Луны уже не было, но звѣзды еще горѣли въ небѣ. Много потомъ переговорили между собою Шлема и Заславскій, много и горячо убѣждалъ учитель степняка и, наконецъ, когда начало румяниться небо, они встали.

— Прощайте, Шлема, спокойной ночи. Смотрите же, завтра идите и расскажите отцу. У васъ есть сердце, и вы должны это сдѣлать, вы должны пожалѣть стараго мужика и его дочь. Если вы не сможете сказать, пусть Маруся откроетъ ему. Что будетъ дальше, я не знаю, только первое, что нужно сдѣлать, это открыть отцу. Такъ сдѣлайте же такъ. Спокойной вамъ ночи и будьте добры сердцемъ!

Тихо стукнула калитка въ домъ Пейсаха, когда черезъ полчаса Шлема вернулся отъ Заславскаго. Въ то время, когда Заславскій во всю ночь не могъ преодолѣть грустныхъ думъ, Шлема до утра просидѣлъ въ комнатѣ у окна и ему было не легче. Чистосердечное признаніе его передъ учителемъ его не облегчило. Душа не излила накипѣвшаго, сердце у него все

такъ же жгло. На другой день съ самаго утра собирался онъ идти на мельницу, но ноги его подкашивались, какъ только онъ выходилъ за ворота. Пока строился новый домъ для Шлемы, онъ жилъ съ молодой женой у Пейсаха въ двухъ комнатахъ. Въ степь онъ не могъ ѣхать, а потому цѣлые дни онъ или расхаживалъ по двору, или садился и читалъ библію, или ходилъ къ Заславскому.

Въ этотъ день онъ все утро былъ на дворѣ и разъ пять выходилъ изъ воротъ, намѣреваясь пойти на мельницу. Нѣсколько разъ онъ уже уходилъ далеко по улицѣ, почти уже былъ у церкви, но потомъ возвращался или останавливался балакать съ мужиками. Наконецъ, уже къ вечеру, въ той же парусиновой одеждѣ и соломенной шляпѣ, она вышла изъ дому и поплелся улицей, но не по направленію къ мельницѣ. Задумчивый, онъ постоялъ на перекресткѣ улицы и вдругъ повернулъ, спустился по каменистой дорогѣ къ рѣкѣ. Стоялъ розовый туманъ наступившаго вечера, угасшей зари, былъ тотъ чудный лѣтній вечеръ въ деревнѣ, когда надъ селомъ стелется сѣрая густая пыль, поднятая возвращающимися съ поля коровами, овцами, когда послѣ спавшей жары воздухъ сперва теплый, парный, постепенно начинаетъ свѣжѣть и въ немъ раздаются, неустанно дрожать звуки, мычанье и крики бабъ по дворамъ. Пахнетъ точно парнымъ молокомъ, сѣномъ, ароматной травой, сладко начинаетъ дышать грудь и невольно прислушиваешься къ пріятному шуму стихающаго деревенскаго дня. Шлема шелъ съ опущенной головой и спускался съ горы по усыпанной бѣлыми мелкими камнями дорогѣ къ рѣкѣ. На встрѣчу ему подымались на гору въ село босые дивчата съ коромысломъ и ведрами черезъ плечо. Ему кланялись, обзывали его, онъ едва отвѣчалъ. Онъ весь ушелъ въ себя, въ душѣ у него шла борьба съ собой; болѣзненная нерѣшительность съ одной стороны и настойчивая необходимость пойти на мельницу съ другой—разѣдали ему грудь, мучительно передергивали его задумчивое, суровое лицо и, болтая ногами онъ спотыкался по камнямъ, шатался изъ стороны въ

сторону. Казалось, онъ не употреблялъ никакого усилія, чтобы двигать ногами, покатоеть спускающейся горы точно сама спускала его внизъ. Уже начало темнѣть, воздухъ дѣлался все свѣжѣе и свѣжѣе, село стихало, когда Шлема очутился у воды. Стекломъ, ровнымъ, чистымъ, безъ малѣйшей ряби по поверхности стлалась передъ нимъ рѣка, тихо лежалъ широкій Днѣпръ, и мягкіе безъ шума приливы изрѣдка набѣгали на мелкіе камни и песокъ, усыпавшіе берега его. Безъ цѣли, не глядя впередъ, Шлема поплелся вдоль берега. Сумерки сгущались и, окутывая, казалась, усыпляли утихающія воды Днѣпра. Кое-гдѣ столѣтніе дубы съ растрепанными зелеными кудрями на раздвоенныхъ низкихъ стволахъ склонялись надъ гладкой поверхностью и поникшіе листья, купаясь, тихо уснули въ теплыхъ согрѣтыхъ водахъ. Было тихо. Въ прозрачномъ небѣ кое-гдѣ замерцали двѣ-три звѣздочки. На середину рѣки съ шумомъ спустилась птица-рыболовъ, низко пронеслась надъ водой, нырнула длиннымъ носомъ и, ухвативъ добычу, взмахнула крыльями, поднялась въ высь. Шлема шелъ часъ, шелъ два. Передъ нимъ все тѣмъ же каменистымъ бѣлымъ полукругомъ тянулся берегъ, уходилъ все дальше и дальше. Куда онъ шелъ? Зачѣмъ онъ бродитъ безцѣльно въ позднія сумерки по берегу? Куда? и за чѣмъ? Вѣдь онъ прошелъ уже всю Малиновку. Онъ ни разу объ этомъ не подумалъ. Онъ только невольно поднялъ голову, когда сквозь тишину, гдѣ то вдали раздался плескъ воды, точно бросали ведро въ тихую воду. Онъ посмотрѣлъ впередъ и никого не замѣтилъ, онъ обернулся назадъ. «Гей!» раздавался какой-то женскій голосъ опять позади его. Онъ опять обернулся.

Недалеко передъ нимъ чернѣлъ у воды темный дубъ, съ густо разросшимися надъ водой зелеными вѣтвями. Сквозь поникшіе, спящіе листья заблѣбла какая то рубаха, кто-то набиралъ ведрами воду. Вдали по брюхо въ рѣкѣ стояла корова и пила воду. Едва Шлема разглядѣлъ корову, какъ сердце у него сильно забилося. Онъ узналъ ея хозяина. Онъ ускорилъ шаги и подошелъ къ дубу, изъ-за котораго заблѣбла рубаха.

Подъ зелеными, темными кудрями, нагнувшись надъ водой, съ коромысломъ и ведрами, стояла женщина. Это была Маруся. Она быстро обернулась и спустила подобранную по колъни юбку, слышавъ раздавшіеся позади нея шаги.

— Степнячку!— крикнула она, бросивъ ведра, и подбѣжала къ нему.

Шлема молчалъ и въ сильномъ волненіи прислонился къ дубу. Маруся посмотрѣла на суровое выраженіе его блѣднаго лица и печально опустила голову. Нѣсколько минутъ длилось тягостное молчаніе. Шлема все время не спускалъ съ Маруси уставленныхъ на нее глазъ.

Наконецъ глаза ихъ встрѣтились. Но оба они продолжали молчать. За то какъ много говорило сердце Шлемы! Съ серебрявшагося и все болѣе и болѣе свѣтлѣвшаго звѣзднаго неба лился блѣдный свѣтъ и освѣщаль все рельефнѣе и рельефнѣе лицо Маруси. Передъ нимъ стояла та, чей образъ съ послѣдняго дня свадьбы какъ живой отлился въ его душѣ, отлился и стоялъ все время съ глубокой печатью страданій на лицѣ, у порога дрожавшей отъ пира палатки, кусая концы поднятаго передника и ища глазами сквозь разгульную толпу его, и только его. Стоялъ и не исчезалъ передъ нимъ, разбудивъ въ немъ столько безъисходныхъ мукъ раскаянія, столько сердечной боли. Съ тѣхъ поръ, съ того послѣдняго вечера его свадьбы, онъ ее не видѣлъ. А теперь она снова тутъ передъ нимъ. Онъ видитъ ея лицо. Потемнѣлъ уже румянецъ, на щекахъ выступили желтыя пятна, боязливо и грустно смотреть на него голубые глаза, а подъ глазами темные полукруги, слѣды можетъ быть, слезъ, можетъ быть, вѣчно терпѣливой тоски... На груди все на той же ленточкѣ, все тотъ же крестикъ. А лицо точно вздуто и оплыло, оплыли вѣки подъ черными арками бровей. Онъ видитъ во всемъ этомъ печать приближенія того момента, когда она должна будетъ сдѣлаться матерью.

— Маруся мать!—мелькнуло въ его умѣ.—Марусю, значить, ждетъ позоръ отъ всего села, отъ всѣхъ Малиновцевъ!..

Упорно устремленные глаза Шлемы начали слезиться. Ма-

руся опустила свои, она не выдержала его взгляда. Какъ ему жаль, какъ ему до ноющей боли жаль ее, ее, эту женщину, которая, страстно любя его, боится его, стоитъ передъ нимъ и молчитъ и не шлетъ ему заслуженнаго упрека. Онъ можетъ ее прогнать, какъ прогналъ на своей свадьбѣ—и она уйдетъ. Уйдетъ также молча, съ тою же любовью къ нему.

— Маруся!—сказалъ Шлема—ты сердилъся!

Маруся посмотрѣла на него изъ подлобья.

— Ні,—отвѣтила она тихо, ласково, такъ нѣжно, съ такою чистою любовью, что Шлема не удержался и подошелъ къ ней.

— Ты нѣ сердита?—спросилъ онъ ее опять, съ отгѣнкомъ сомнѣнія въ голосѣ.

— Ні,—все также тихо и ласково повторяла Маруся.

Шлема задрожалъ. Онъ бы хотѣлъ броситься къ ней, обнять ее со всей силой страсти, онъ бы хотѣлъ сжать, сильно сжать ея руки, но онъ не коснулся ни рукъ, ни милаго лица. Онъ стоялъ и думалъ...

— Ты нічого нѣ казала батькові? — спросилъ онъ сурово.

— Ні; нѣ казала...—шопотомъ, съ вырвавшимся вздохомъ отвѣтила Маруся.

— Маруся...—началъ Шлема дрожащимъ голосомъ—ты... ты...

Его голосъ оборвался, онъ замолчалъ. Онъ не былъ въ состояніи выговорить то, что хотѣлъ. Ему сдавило горло, въ груди у него закипали рыданья, онъ сжалъ застывшіе кулаки, поднялъ голову, посмотрѣлъ на золотившійся взоседшимъ мѣсяцемъ Днѣпръ и ему казалось, что сама вода плакала... Онъ не выдержалъ и быстро, съ такою силою ухватилъ руку Маруси, что она, испуганная, пошатнулась съ мѣста.

— Маруся,—началъ онъ опять,—кажи батькові!... Кажи що це я... Кажи що це Степнякъ... Слухаешь! Щобъ сказала!... Щобъ у цю нічъ сказала, Маруся! — Кровь загорѣлась въ жилахъ Шлемы, рука его дрожала отъ волненія и нервно, до боли сжимала маленькую руку Маруси.

— Щобъ нэ було, Маруся, а кажи! Кажи! — продолжалъ Шлема, — нэ бойся, кажи... кажи: Степнякъ...

Маруся блѣднѣла, она въ эту минуту боялась Степняка, она его никогда такимъ не видѣла. Страшное, передергивающееся лицо Шлемы пугало ее.

— Стѣпнячку... — шептала она, — на що? Колы то нэ треба... Не треба казаты, винъ тебе убье, та й моїхъ кісточокъ нэ пожаліе... Степнячку...

— Но бійся, Маруся, кажи! Я кажу тобі кажи! Усю вину я на себе візьму... Нэ бійся...

— Стѣпнячку, та колы-жъ то нэ треба... колы-то...

— Нэ говори міні цего, не говори! — кричалъ Шлема, — якъ прійдэшъ до дому то и заразь кажи...

Шлема не зналъ, чего онъ требовалъ отъ Маруси, но Маруся тряслась отъ одной мысли исполнить мольбу степняка, она еле стояла на мѣстѣ.

— Стѣпнячку, цінный, змілуйся... взмолилась она.

— Маруся, колы ты нэ хочешъ, я самъ побіжу та скажу... Скажи сама, слізами молюся...

Маруся опустила выпущенную руку и молчала...

— Кажи-жъ, Маруся! угрожающе повторилъ Шлема.

— Скажу Стѣпнячку, повідую... Въ голосѣ Маруси слышались слезы.

Шлема отошелъ въ сторону и голова его упала на грудь.

«Богъ мой, сердце мое, отецъ мой!» мысленно проговорилъ онъ и опять посмотрѣлъ на Марусю. Онъ любилъ, больше чѣмъ свою жизнь любилъ онъ ее теперь въ эту минуту.

— Прощай, завтра я буду... навідуюсь...

Онъ быстрыми шагами ушелъ отъ дуба и по первой узкой тропинкѣ взобрался на гору въ село.

Неподвижно стояла Маруся у воды и долго провожала своими влажными глазами быстро удаляющуюся бѣлую фигуру Шлемы. Двѣ слезы задрожали на ея рѣсницахъ, когда соломенная шляпа степняка скрылась на горѣ.

Была уже прозрачная бѣлая ночь. Среди звѣздного океана

по лазури торжественно плыль тихій мѣсяць. Свѣжая влага тихими волнами разливалась въ бѣломъ воздухѣ и на землю туманомъ лилось лунное, блѣдное сіяніе. Давно уже выгѣзшая изъ воды корова Тараса легла вдали на берегу и мирно дремала. Коромысло и ведра приплыли подъ заснувшій дубъ и лежали на серебрянной поверхности воды.

— Гей! болѣзненно, слабо раздалось на берегу и съ коромысломъ черезъ плечо, медленно погоняя корову, тихо поплелась Маруся, залитая блѣднымъ, какъ лицо ея, свѣтомъ прозрачной лѣтней ночи.

— Гей, Гей! Манька! все дальше и дальше замиралъ подъ горой ея голосъ. Какая-то грустно-унылая, слезная нота звучала въ этомъ все удалявшемся крикѣ....

VII.

Дождикъ, рѣденькій, лѣтній дождикъ медленно капалъ и шелестилъ по соломеннымъ крышамъ. Вечерѣло. По селу съ разныхъ концовъ носился послѣдній отдаленный вой собакъ. Становилось темнѣе и темнѣе и вездѣ по хатамъ огни уже пропадали. Въ избѣ Тараса тоже было темно и ворота были на запорѣ. Но неподалеку отсюда, по другую сторону оврага, тамъ, гдѣ уже кончались тянувшіяся хаты, изъ одной маленькой земляночки свѣтился огонекъ. Изъ крошечнаго окна въ одно стеклышко лился на дорогу тусклый свѣтъ лучины, маленькой, узенькой полосой освѣщая дорогу. Это была избушка бабуся «Олены» и въ ней теперь сидѣла Маруся. Съ кое-какъ наброшеннымъ на плечи платкомъ, съ растрепанной головой и, уткнувъ лицо въ мокрыя отъ слезъ руки, Маруся сидѣла на лавкѣ подъ большой иконой и всхлипывала. Она закрывала свое красное лицо поднятымъ передникомъ и давила въ себѣ слезы. Передъ нею, опираясь на длинную палку, въ коричневой подевкѣ стояла сѣдая семидесятилѣтняя старушка, сама «бабуся Олена». Слабый свѣтъ отъ лучины и отъ лампы едва освѣщаль хату и лица обѣихъ женщинъ.

— Годі-жъ тобі рыдать, будэ! говорила беззубымъ голо-

сомъ бабуся Олена. Ея темное, точно бронзовое лицо, все въ глубокихъ морщинахъ, съ сѣдыми усами на верхней губѣ сурово смотрѣло изъ подлобыя на Марусю и въ вялыхъ, впавшихъ вѣкахъ едва прорѣзывались ея маленькіе, сверкающіе глазки. Эта сухая, костлявая старушка, вѣчно съ палкой въ одной рукѣ и табакеркой въ другой, была одна изъ тѣхъ старухъ въ Малиновкѣ, которыя извѣстны по селамъ подъ названіемъ «повітухи», «лікарки», «ворожеи», «гадалки» и чуть ли даже не колдуньи. Крестьяне почти боялись имени «бабуси Олены» и только въ горѣ и болѣзняхъ прибѣгали къ ней за помощію. Въ трудныхъ случаяхъ и Тарасъ пользовался ея нравственною помощію. Бабуся Олена пользовалась особеннымъ, исключительнымъ уваженіемъ со стороны Тараса. По селу, давно тому назадъ, даже ходили всевозможныя легенды относительно ихъ отношеній. Но все это было чистый вздоръ. Никакой связи между Тарасомъ и бабусей Оленой не существовало. Правда, когда Тарасъ овдовѣлъ и остался одинъ съ малютками, онъ просилъ бабуся Олену вести ему хозяйство и присматривать за малютками. Съ теплымъ участіемъ отнесшись къ постигнутому его горю, бабуся Олена поселилась въ его избѣ. Десять лѣтъ прожила она въ избѣ Тараса, взростила малютокъ, въ томъ числѣ и Марусю. Когда же послѣдняя сдѣлалась уже «дівчиной», Олена оставила хату Тараса и поселилась опять въ своей землянкѣ. Она жила одна, вмѣстѣ съ старымъ котомъ, который вѣчно дремалъ и мурлыкалъ у нея на печи. Съ самаго дѣтства полюбивъ Марусю, Олена замѣнила ей мать. Вотъ почему Маруся теперь сидѣла у нея, и къ ней первой прибѣжала «повѣдать грѣхъ» и просить участія и защиты передъ Тарасомъ. Свѣтъ съ лампы лился на голову Маруси. Сдерживаемыя слезы душили ее, но наконецъ онѣ подступили съ такою силой, что Маруся не выдержала и разразилась громкимъ рыданіемъ.

— Та будэ вже—ну годі, унімала сердившаяся старушка, раздражительно постукивая палкой.

Утѣшеніе еще пуще разжигало горе Маруси.

— Та колы... колы нэ можна... нэ можна, бабуся,—залебывалась Маруся,—серденько болыть... важко міні... едва выговаривала она сквозь слезы.

— Нічого тепериньки нэ выйде зь тыхъ слезъ, дівчино! Нэ треба плакать, бо слізьми собі, дочко моя, не поможешь... Гріхъ, тяжкій гріхъ, що й казаты, нэ було ще на селі гріха такого щобъ дівчата жидівъ любыли... Ну та й годі-жъ хныкать, будэ... Нічого съ того не выйдэ...

Бабуся Олена заходила по избѣ, беззвучно шлепая губами, морщины ея лица все болѣе и болѣе принимали суровое выраженіе.

— Бабусенька, любенька...—взмолилась Маруся—ну кажи, що робить, куды прихилыться, кажи якъ поступыться... Гірько, тяжко міні.... бабусынька!...

— Нічого нэ треба робыть! Кажу-жъ годі плакать, та ходімо до дому...

— Якъ-же бабусенька колы... колы тато...

— Ну нічого нэ зробишь, дочко моя. Що будэ, то й будэ, а тілько треба йдти. Треба йдти та повідать ему гріхъ, дівчино. Вінъ, вінъ змилються... Вінъ нэ убье тебе, дитино моя, ну а колы що й зробіть то треба знести... Треба змовчать, та повинну принести.

— Боюся бабусенько, дуже боюся, нэ могу... Маруся неустанно вытирала все безъ конца лившіяся слезы.

— Нэ бійся, ты нэ дитина яка... ходімъ, бо дощикъ уже перейшовъ. Ходімъ умісті! ободряюцимъ голосомъ проговорила задвигавшаяся бабуся Олена. Старушка погасила лучину, и хата почти потемѣла. Лампада слабо освѣщала большую печь у дверей, висѣвший какой-то овечій тулупъ и лубочныя картины угодниковъ по стѣнамъ. Страхъ, болѣзненный, трепетный разомъ объялъ Марусю. Грудь ея учащенно дышала и слезы все больше и больше лились у нея изъ глазъ. Она была исполнена мучительнаго сознанія, что наконецъ наступила для нея тяжелая, страшная минута, когда нужно «повідать гріхъ», открыто признаться старику-отцу, нічого еще не знавшему.

Сердце ея такъ сильно билось въ груди, что она сама слышала его болѣзненный стукъ, быстрое трепетное біеніе.

— Ні бабусенька, нэ можу... ідiць... сами ідiць... слезно проговорила она, когда бабуся Олена взяла ее за руку.

— Ну кажу-жъ ходимъ—нэ упрямяся! Слухай що тобі балакаю, бо тобі-жъ лучше будэ! ходимъ, годі хныкать!

— Бабусенька, якъ я пiйду... Якъ я пiйду колы ноженьки нэ йдуть, колы нэ знести міні гнiва отъ тата, колы вінъ якъ собаку убье свою грiшну дочку, дрючкомъ ii отъ себе изъ хаты прогонять.

— Ходимъ, кажу, нэ бiйся! Со мною вінъ тобі нічого нэ зробыць! выкрикивала старушка.

— Якъ же нэ зробыць, колы я того стою, якъ-же бабусенько не зробыць, колы я въ такому грiхові повинна? Боже мій! якъ тяжело, якъ важко у мене на сердці, якъ больтъ воно крiпко... Бабусенька, любенька... Степнячку, степнячку, колыбъ ты знавъ, колыбъ тобі вiдомо було якъ страдае и плаче у цю нічъ Маруся. Якъ вона мучыцца... пропадае... Маруся, обезсиленная слезами, почти падала съ лавки. Молча смотрѣла старушка на нее, остановившись среди комнаты. Въ маленькыхъ глазахъ ея, по которымъ въ профиль сквозилъ слабый свѣтъ лампы, читалась глубокая жалость къ «бiдной дивчiнѣ», которую она сильно любила. Старушка долго молчала. Двигавшіяся морщины на ея испещренномъ лбу ясно говорили о тѣхъ усиленныхъ думахъ, которыя все болѣе и болѣе овладѣвали ею. Глаза ея далеко ушли въ глубокія впадины и тусклый свѣтъ едва замѣтно освѣщаль появлявшіся въ мутныхъ зрачкахъ ихъ слезинки. Старушка упорно, сурово смотрѣла на обливавшуюся слезами Марусю. Семьдесятъ лѣтъ прожила она на свѣтѣ, много на ея вѣку «грiшныхъ дивчатъ» у ногъ ея пролили слезъ, многихъ утѣшала она, мирила съ родителями, спасала отъ гибели, нѣкоторымъ въ темную ночь даже пріютъ давала у себя, много-много всякихъ случаевъ перевидала она, вездѣ она умѣла найтись, помочь какъ слѣдуетъ горю, но теперь передъ нею сидѣла ея «внучка»,

дивчина, которую она съ пеленокъ своими собственными руками выхолила, которую она почти съ нѣжною любовью «матки» вскормила, единственная дочка горемычнаго Тараса,—и передъ ея дѣвичьимъ горемъ, передъ ея слезами она опускала руки, не ощущала въ себѣ силы помощи. Горе Маруси было для нея серьезнымъ горемъ, она уже предчувствовала, что разражалось надъ головой Тараса, она видѣла, всей силой своего старческаго сердца понимала весь ужасъ обнаружившагося съ Марусей «грѣха». «Маруся злобылась съ жидівскимъ парнемъ». Старушка, стоявшая у преддверья гроба, въ первый разъ столкнулась съ такимъ случаемъ. Конечно, это былъ «степнякъ»—любимецъ малиновскихъ крестьянъ, но все-таки онъ былъ изъ «жидівъ». Бабуся Олена топталась на мѣстѣ, невольно, раздражительно стучала палкой и мягкій, отвисшій подбородокъ ея дрожалъ, передергивался, подымаясь къ беззубому рту. Семидесяти-лѣтняя старуха, съ уже вяло бившимся сердцемъ, въ эту минуту вдругъ перенеслась въ состояніе Маруси, ясно ощутила въ себѣ муки ея дѣвичьяго сердца, и ея сердце, ея старое сердце усиленно, больно забилось, точно въ груди румяной дивчины. Въ эту же минуту она поняла, почему такъ не хотѣла, такъ боялась идти домой Маруся, почему она обливалась слезами. Въ головѣ у нея предсталъ несчастный Тарасъ, пораженный извѣстіемъ старикъ, и затѣмъ только она поняла, какое ужасное «дѣло» предстояло ей уладить. Въ избѣ было тихо. Только Маруся рыдала и на печи печально мурлыкалъ котъ. Строго смотрѣлъ изъ угла священный образъ. Бабуся Олена тихо подошла къ Марусѣ, обѣими руками взяла ея горячую голову, нагнулась и поцѣловала. Она надолго приникла дрожащими губами къ растрепаннымъ и мокрымъ волосамъ, выступившія жилы на ея темной, корчами смятой шеѣ налились и лицо ея воспалилось.

— Дитятко, дивчино,—шептала она, цѣлуя Марусю—буде, годі.. Мольсь Богу, вінъ змигується надъ нами... Ну годі-жь... годі, голубка моя! Будэмъ дожидаться свѣта, ты тутечки

у мене подождѣшь, а я пойду до Тараса повѣдаю... Нѣ трусь Маруся, нѣ бійся батька, вінъ добрый чоловікъ, вінъ простить тобі цей гріхъ... Ну годі-жъ... Послухай бабусю, та перестань, рибко моя!

Старуха начала вытирать передникомъ слезы съ красныхъ глазъ Маруси, и все время не переставала цѣловать ее въ голову; Маруся постепенно успокаивалась. Она уже не рыдала навзрыдъ и слезы на ея глазахъ высыхали. Вздыхая и изрѣдка всхлипывая, она черезъ нѣкоторое время совсѣмъ перестала плакать. Черезъ полчаса она уже лежала на печи и, обезсиленная, истощенная слезами, подъ наплывомъ все тѣхъ же горькихъ думъ наконецъ забылась, заснула. Разбуженный котъ свернулся у ней въ головахъ. Не ложилась и не спала только бабуся Олена. Какъ таинственная тѣнь медленно, медленно двигалась она изъ одного угла хаты въ другой. Что-то такое она причитывала, нашептывала, крестилась, становилась на колѣни предъ иконою и молилась долго, долго, стучаясь лбомъ о сырую землю. Сонъ Маруси на печи былъ безпокойный, болѣзненный. Она тихо-тихо плакала и потомъ вдругъ вскрикивала, просыпалась. Старушка еще тише, еще медленнѣе двигалась по избѣ и усиленнѣе при этомъ шептала сухими губами, неустанно осѣняла себя крестомъ. Ночь все шла и шла, старуха бродила по угламъ, котъ мурлыкалъ, Маруся стонала сквозь сонъ. Наконецъ засеребрилось небо, въ окошечкѣ землянки зарумянилось стеклышко, и послѣ новыхъ долгихъ и низкихъ поклоновъ передъ иконою дверь тихо отворилась и изъ нея вышла на улицу бабуся Олена. Она спустилась по шляху съ горы черезъ оврагъ и за нею пошелъ ея песъ съ прокусаннымъ ухомъ.

На зарѣ того дня, когда вечеромъ Маруся была у «бабуси Олены», у мельницы стояла бідарка. Шлема, въ первый разъ послѣ свадьбы, проѣзжалъ въ степь. Привязавъ Сурку къ плетню, онъ тихо взбирался на мельницу. Мельница уже работала и Тарасъ былъ наверху. Нетвердо ступали дрожація ноги Шлемы по маленькимъ, запыленнымъ мукою сту-

пенькамъ узенькой лѣстницы; сердце у него мучительно стучало, и блѣдное, осунувшееся лицо его боязливо смотрѣло вверхъ, откуда слышалось топанье ногъ возившагося Тараса. Онъ тихо, медленно подымался со ступеньки на ступеньку. Крылья мельницы быстро и шумно вертѣлись снаружи, ось скрипѣла и вся мельница дрожала, распатывалась. Чѣмъ выше и выше подымался по лѣстницѣ Шлема, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе билось его сердце. Онъ предполагалъ, что Маруся уже оповѣстила бѣднаго Тараса, въ его воображеніи рисовалось уже страдальческое, несчастьемъ обезображенное лицо убитаго горемъ стараго мельника. Одного не могъ себѣ представить Шлема: какъ поступить съ нимъ сейчасъ Тарасъ? Сбросить ли онъ его съ лѣстницы, по которой онъ теперь взбирается, раскроить ли тамъ же на мѣстѣ ему лопатой голову, или же самъ убѣжить отъ него куда глаза глядятъ?

— Богъ помочь!—тихо, механически зашепталъ Шлема, стоя уже на верху. Стоявшій къ нему спиною и увязывавшій мѣшокъ Тарасъ быстро обернулся къ нему.

— Спасыбі. Здрастуй Стѣпнякъ,—проговорилъ онъ и коснулся рукой своей шапки.—На стѣпь?

— Да... іду... Шлема пристально смотрѣлъ на мельника. Онъ желалъ прочесть въ лицѣ Тараса его настроеніе, онъ желалъ по лицу узнать, что происходило теперь въ его душѣ. Но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что лицо Тараса не только не имѣло печати какого бы то ни было горя, страданій, но даже было веселѣе обыкновеннаго.

— Ну? що? Женьвся, нашъ Стѣпняку, годі гулять, треба и своимъ хозяйствомъ заводиця!—весело выговаривалъ Тарасъ— ну и слава тобі Господи, колы ты теперь женьвся, нѣхай тобі Господь поможе... Ну якъ же, кажи: гарну дівчину взявъ? Я її ще й досі нѣ бачивъ...

— Нічого, якъ усі дівчата, добра... тихо отвѣчалъ Шлема, все еще не понимая неожиданное для него настроеніе Тараса.

— Ну и слава тобі Господи! съ участіемъ продолжалъ Тарасъ,—гроші за ній, балакають люды, богацько взявъ?

— Узявъ...

— Ну и слава тобі Господи! Поможи тобі Боже. Оттакечки й добре. Женывся теперички и жизнь твоя, Стэпнякъ, счастлива будэ!.. Добре, добре... Ну, а степь якъ?

— Стэпь мині отдана...

— Значить зовсімъ твоя будэ?

— Да.

— Та въ Малыновці жить з'останешься?

— Да.

— Ну, колы такъ то треба, Стэпнякъ, заразъ намъ могорычу выпить. Ходімъ у хату та выпьемъ.

— Ні, Тарасе, треба іхать у'стэпъ, бачишь солнце зійшло...

Въ маленькое окошечко мельницы глянуло взошедшее солнце. «Нѣтъ, думаль Шлема, Маруся еще не сказала».

— Якъ-же нэ вѣштить? Колы-жэ мы съ тобою выпьемъ? продолжалъ Тарасъ. — Чуешъ Стэпнякъ, Тарасъ учора гроші получивъ відъ Герасима Сліпого, та у волості зъ млиномъ діло уважили! И складки радости образовались на лицѣ Тараса.

— Уважили? переспросилъ Шлема.

— Якъ-же, хлопоты булы, ну а тілько уважили!..

Теперь Шлема понялъ почему былъ такъ весель Тарасъ. Онъ получилъ деньги, которыхъ не ждалъ получить—ему уважили «діло». Да, онъ видѣлъ, что Тарасъ еще ничего не зналъ, Маруся еще не сказала. Отчего-же она не сказала? началъ онъ думать. Вѣдь она дала слово? Зачѣмъ-же она молчитъ, не хочеть сказать? Шлема присѣлъ на деревянномъ ящикѣ и началъ раздражительно тереть рукою свое блѣдное лицо. Тарасъ завозился съ мѣшками и все приговаривалъ:

— «Треба, треба выштить могорыча намъ зъ тобою, Стэпняче, ты женывся, а Тарасові Богъ гроші пославъ! Колы небудь и выпьемъ!» А Шлема сидѣлъ и слушалъ, сердце его уже не билось такъ сильно и боязливо, но за то оно съ мучительною, ноющею болью сжималось, какой то вѣчный червь все сосалъ и сосалъ наболѣвшую грудь, не давая ей свободно

вздохнуть. На лицѣ Шлемы опять легла безконечная грусть, глаза его смотрѣли на Тараса.

«Несчастный отецъ, онъ еще ничего не знаетъ что его ждетъ, онъ сидитъ со мною, все еще любитъ меня, бѣдный, онъ не знаетъ, что у него въ гостяхъ его разбойникъ, его душегубецъ, который, можетъ быть, уложитъ его въ могилу! Богъ мой, отчего же она ему не сказала? Зачѣмъ? Лучше бы онъ уже зналъ, лучше бы онъ узналъ кто его «божій чоловікъ», кто его дорогой «Стѣпнякъ». Такъ все думалъ Шлема, упорно уставившись на Тараса, завязывавшаго мѣшки. «Можетъ быть сказать ему? продолжалъ онъ мысленно. Я уже здѣсь, отчего-же мнѣ не сказать, отчего я молчу? Вотъ я скажу... Пусть онъ, вмѣсто того, чтобы идти со мною выпить, разобьетъ мою голову, пусть онъ моимъ-же «битюгомъ» въ кровь разорветъ мое лицо! Я буду стоять и молчать, я долженъ молчать, потому что я убилъ его послѣднюю радость, кровью облилъ его сѣдую голову. Богъ мой!... Я ему скажу... Я ему самъ скажу... Нѣтъ, не могу, мои губы замерзли, я не могу, не могу... Сердце рветъ...

— Ну, а про Рубынцівъ чувъ Стѣпнякъ?—вдругъ, разогнувъ усталую спину, спросилъ Тарасъ.—Балакають, усіхъ у городъ погнали? Слiдоватѣль приїзжавъ...

Шлема дрогнувъ, поднявъ опущенную руку и не разслышалъ вопроса Тараса.

Онъ молчалъ и вопросительно смотрѣлъ въ лицо мельника.

— Да... прошепталъ онъ вдругъ, не зная на что отвѣчалъ.

— Балакають, дѣсятъ чоловікъ угнали, Хведоръ Осташскій вінъ тежъ зъ ними тамечки... Ну-жъ и наробыли собі лиха добрі людѣ!,—языкъ Тараса все болѣе и болѣе развязывался,—колысь то було чи у середу чи у вiвторокъ? Ні-ні, у середу то було... Зострiвся я на базарі зъ чоловікомъ зъ Рубыни... Балакавъ, балакавъ зъ нимъ, вінъ же говорить Стѣпняка Малыновського, каже, Рубынці лають... Помішавъ, каже, вбiтъ Айзика, сына, кажуть, вбiли, а его Стѣпнякъ помішавъ... Ну, лаюця а за те що угнали та що въ городі имъ лихо будѣ, за

те вони й не думають... Все ідно кажуть пропадать, ну а за Айзика що не вбыли жалкують... Ну-жъ люды, люды... Тарась иронически улыбнулся.

Шлема все время продолжалъ смотрѣть и молчать.

— Та й тебе здаеця требуютъ у городъ? — спросилъ его Тарась.

Шлема утвердительно кивнулъ головой.

— Свідѣтэлемъ?.. показать якъ діло було?

Шлема опять утвердительно кивнулъ головой, но молчалъ. Онъ молчалъ потому что едва сидѣлъ, потому что едва могъ смотрѣть въ лицо Тарасу. Заинтересовавшійся участію Рубинцівъ, Тарась забрасывалъ его вопросами, строилъ всякія предположенія на счетъ того куда ихъ угонять, «на Сибірь, чи ще дальше», спрашивалъ его мнѣнія, и Шлема упорно на него уставился, какъ будто слухалъ, а въ это время въ его головѣ тянулась безконечная вереница горькихъ мыслей и подъ напльвомъ ихъ, врѣзавъ въ свою память веселыя старческія черты лица Тараса, онъ не выдержалъ, всталъ, попрощался съ мельникомъ и быстро спустился съ мельницы. Какая-то невѣдомая сила гнала его, онъ повидался въ хлѣву съ блѣдной Марусей, высказалъ ей что то мучительно-горькое и, весь красный, съ налитыми глазами, сѣлъ на бідарку. Съ быстротой молніи понеслась бідарка шляхомъ между высокими, колыхающимися, точно кланявшимися ему нивами и скрылась въ безбрежной степи. Вечеромъ-же Маруся пошла къ «бабуси Оленѣ».

Землянка Тараса дѣлилась на двѣ половины: большую, просторную избу съ печью и маленькую каморку безъ печки. Въ каморкѣ съ окошечкомъ почти у потолка безъ лавокъ были набросаны пустые мѣшки, старыя колеса, гвозди, топора, обрुчи, дуги и всякій другой хозяйственный хламъ. Изба-же, обитель Тараса и Маруси, была искусными руками послѣдней чистенько и со вкусомъ убрана. По стѣнамъ тянулись широкія лавки, выскобленныя и вымытыя; печь была вымазана, разрисована синькой, вохрой и завѣшена занавѣской, вышитой малороссійскими узорами. Печать Малороссіи лежала на всемъ

и сейчас-же бросалась въ глаза. По стѣнамъ, съ потолка висѣли до земли длинныя, самодѣланныя полотенца съ вышитыми концами, двѣ занавѣски на окнахъ того-же самодѣланнаго холста были усѣяны узорами, большія иконы въ серебрянныхъ ризахъ въ двухъ углахъ избы были кругомъ и внизу и вверху обвиты вышитымъ холстомъ и наконецъ сарафаны, висѣвшія на гвоздяхъ, рубахи, шаровары, большая скатерть на дубовомъ столѣ—все имѣло на себѣ густые и широкіе узоры малороссійской вышивки темно-синяго цвѣта съ краснымъ. Подъ одной лѣвой иконой, съ которой на мѣдной цѣпочкѣ спускалась неугасимая въ зеленой чашечкѣ лампада, стоялъ, также малороссійской скатертью покрытый, треножникъ и на немъ въ засаленномъ переплетѣ лежалъ «псалтырь», въ которомъ Тарасъ читалъ по праздникамъ.

На другой день послѣ того какъ проѣзжалъ Шлема, въ два окна избы Тараса, занавѣски которыхъ были отдернуты въ сторону, уже ярко свѣтилась утренняя лучистая, красная заря. Длинныя, точно дымящіяся лучи, стрѣлами пронизывали маленькія стекла и золотыми полосами ложились по лавкамъ и на земляномъ полу избы и, преломляясь по стѣнамъ печки, подымались къ потолку.

Въ избѣ стояла тишина, та ужасная, мучительная тишина, которая настаётъ послѣ какого нибудь неожиданнаго удара. У стола молча сидѣлъ Тарасъ. Передъ нимъ молча стояла «бабуся Олена». Въ холщевыхъ шароварахъ, такой-же засунутой за ними рубахѣ и опоясанный кушакомъ, облокотившись на руку, сидѣлъ съ обнаженной головой Тарасъ. Ноги у него были неподвижно спущены съ лавки, на одной изъ нихъ, точно омертвѣлая, лежала, выглядывая изъ широкаго рукава, обросшая холодная рука. Сквозь разрѣзъ рубахи, откуда смотрѣла узкая полоса волосистой, сѣдой груди вывалился мѣдный крестикъ и печально повисъ на шнуркѣ. Какой-то неожиданный, непредвидѣнный, но за то рѣшительный ударъ точно поразилъ замершаго на мѣстѣ старика. Онъ сидѣлъ и его грудь тихо,

но глубоко дышала. Съ поблѣднѣвшаго, точно послѣ тяжелой болѣзни, лица, ключьями спускалась на впалую грудь спутанная борода. Синія губы были стиснуты. Казалось, громомъ усадило старика въ такое неподвижное положеніе, въ какомъ онъ сидѣлъ, не шевеля ни однимъ членомъ. Казалось, льдомъ застыло неподвижное выраженіе муки въ мертвомъ лицѣ, въ рѣзкихъ чертахъ котораго лежала такая глубокая печать горькихъ, нѣмыхъ страданій. Подъ нависшими бровями, каждый волосъ которыхъ, казалось, съ болью всталъ у корня, изъ темныхъ влажныхъ впалинъ свѣтились неподвижно уставленные глаза. Тарасъ бессознательно смотрѣлъ на вышитый узоръ скатерти и такъ неподвижно, такъ упорно, что, казалось, вотъ - вотъ старикъ разрыдается какъ дитя. Голова его слабо лежала на холодной ладони его обезсиленной руки. Красные лучи зари освѣтили половину его изжелта-блѣдной голой лысины и на ней ясно вырисовывались выпуклыя черты его черепа. Вяло билось его старческое сердце и виски его стучали. Тихо вздымалась грудь подъ рубахой и рука на колѣнѣ лежала неподвижная и холодная. А передъ нимъ, опираясь на свою палку и не двигаясь съ мѣста, стояла въ это время «бабуся Олена». Молча, сурово смотрѣла она на сидѣвшаго старика и читала въ его лицѣ все сильнѣе и сильнѣе разбивавшія его муки. Она молчала потому что понимала, что въ эту минуту старикъ тихо разбирался въ поразившемъ его несчастіи, мучительно сживался съ ниспосланнымъ отъ Бога испытаніемъ.

Между тѣмъ солнце надъ селомъ подымалось все выше и выше, лучи исчезли изъ избы и тяжелое, долгое молчаніе между стариками становилось страшно томительнымъ. Молча сидѣлъ вздрагивавшій по временамъ блѣдный старикъ, молча стояла на одномъ мѣстѣ «бабуся Олена» и смотрѣла на него.

— Тарасе... наконецъ глухо, хрипло прошептала она. Старикъ сперва вздрогнулъ а потомъ низко, сурово опустил брови и передернулъ лицомъ. Онъ молчалъ. Но въ выраженіи его лица уже горѣла смѣшанная съ горемъ злоба.

— Змилуйся—опять такимъ же глухимъ хриплымъ голо-
сомъ прошептала бабуся Олена. Въ густомъ шепотѣ ея слы-
шался не то повелительный, не то умоляющій тонъ.

Тарась молчалъ, но руки у него начали дрожать, губы бо-
лѣзненно задвигались и висѣвшій на груди крестикъ заболтался.

— Змилуйся... твоя-жь дівчина... въ третій разъ повто-
рила старуха.

Тарась не слушалъ, онъ не хотѣлъ слушать, но ноги за-
двигались, онъ затрясся на лавкѣ.

— Боже мій, великій Боже!—вдругъ рыдающимъ старче-
скимъ голосомъ застоналъ онъ, злостно задвигавъ въ воздухѣ
руками. — Колыбъ я те ждавъ, колыбъ... — все громче и
громче началъ онъ кричать, — колыбъ я думавъ, гадавъ,
щобъ моя дитина, мое сердце, моя Маруся, моя одна...
последня надія, такъ зробишь, такъ поступить... Ні... ні...
це не можна подумати, це не можна пережити, не можна,
бо душа чоловіча не стѣрпить... Втікати, треба, одъ всіхъ,
втікати одъ людѣй, изъ села, одъ свѣта, куда ноги побі-
жать, поки голова не схлытється, поки не упадешъ, не пом-
решъ якъ собака на дорозі... Боже-жь мій!..—старикъ опустилъ
руки,—колы-жь я то думавъ, колы я гадавъ на тѣбѣ мое рід-
нее дитятко... Ще учора вранці зъ нимъ балакавъ... ще учора
бачивъ...—губы Тараса дрожали.—Ні-і... ні-і... не мм...—ста-
рикъ горько закачалъ головой, обезсиленная она у него падала
съ плечъ, онъ грузно опустилъ ее стукнувшимся лбомъ на
столъ. Тарась плакалъ. Полная горячихъ слезъ, дрожала ста-
рая грудь старика и вопли неудержимо просились наружу.

— Годі Тарасе—говорила «бабуся Олена»,—подъ которой
у самой задрожали ноги,—годі чоловіче, бо тимъ горю не по-
можешъ... Прийми оце за гнівъ отъ Бога, просты гріхъ свой
дівчині, забудь.

— Баба! що ты балакаешъ?—съ рыданьемъ закричалъ Та-
расъ, поднимъ свою голову—що ты балакаешъ? Колы-жь то
можно забыть, колы батьківське бідне сердце може те забыть?!..
Що скаже село, громада, люды, цілий свѣтъ що скаже?!... Вінь

скаже...—тутъ Тарасъ поднялся, запатался и сталъ среди избы— вінъ скаже,—говорилъ онъ сквозь слезы вытягивая руку,— яка мати була така й дочка... баба, вінъ скаже, що пропашу дівчину треба дрючками побыть, що її до смерті треба побыть, бо вона зачернула усю Малыновку, бо вона злюбылась зъ жидівськимъ чоловікомъ, Песьковимъ сыномъ, который женився та предбавъ її дитину, на нїи плюнувъ... Ні-і, баба, це не можна забуть, ні-і, це не можна, якъ не можна на улыцію глянуть батькові її,—міні-і... старому...

Черты Тараса исказились, онъ стукнулъ себѣ въ грудь и борода его задрожала.—Що робить?! крикнулъ онъ— куда дїтсья? куда свою голову прихылить, дѣ місце найты?.. Боже мій!... Старикъ опять сѣлъ у стола, слезы мочили его старческія, мягкія щеки. Опустивъ горячую, уже растрепанную голову на крестомъ сложенные руки, онъ тяжело, прерывисто дышалъ; повисшій мѣдный крестикъ, смоченный слезами, быстро болтался подъ дрожавшей бородой. Еще вчера вечеромъ когда Маруся уходила къ бабусѣ Оленѣ, не сказавъ зачѣмъ, еще вчера ложась спать, старикъ, довольный неожиданнымъ полученіемъ грошей, строилъ розовые планы о будущемъ хозяйствѣ, которое онъ «скопыть» для его единственной радости, любимой «дочкѣ». А теперь... Старикъ горько рыдалъ. Трудно, невозможно вырѣзать послѣднюю надежду изъ стараго сердца.

Двигалась, топталась въ это время стоявшая предъ нимъ старушка. Безысходное горе раздражительно передергивало глубокія морщины на ея бронзовомъ лицѣ. И она страдала, но страдала и злилась. Губы ея пріоткрылись и сквозь нихъ этой болѣзненной злостью бѣлѣли ея зубы.

— Що-жѣ буде Тарасе?—сурово проговорила она—треба-жѣ якъ нѣбудь порішыть?.. Все слезы, та слезы... Ну що съ тихъ слезъ буде? Нічого нѣ буде!.. Нѣхай людѣ що тамъ нѣ балакають, а дівчину брюхату у річці нѣ утопышь... Та самому тобі...—тутъ она остановилась и развела руками,— яка твоя жизнь буде безъ ціе единої дитини? Ну? Слухай Тарасе,— она подошла поближе,—утихомиръ свое серданько, пріймы оце,

кажу, за гнівъ Божій, та будь ласковъ, прикажи дівчині вернуться у хату...

— Ні-і, ні-і, баба, вона не моя, нэ кажи мні, нэ моя вона дочка, нэ мое дитятко,—отмахнувся Тарасъ руками,—було колысь... було що я радувався, любовався нею, надіявся... Ще учора... учора..—и старикъ дрожаль всѣмъ тѣломъ,—ну а съ сего блага дня, съ сего гіркаго часу нэма у мене ні якої дочки, нэма дівчины... Самъ... одинъ згыну... Богъ зъ нэю, яка мати, така й вона уродылась... Нэма у мене долі... Нэхайже вона съ Богомъ йдэ куда знае... Не треба міні... будэ... намучився... пятдэсять дэвять роківъ на світі... годі... робывъ пока моченьки було, збравъ для неі, ніякого радостного часу ніколы не знавъ, ну, нэ выйшло... Богъ съ нэю. Нэхай йдэ куды знае... Нэхай...—Сердце старика мучительно сжалось, въ душѣ умирала послѣдняя радость.

—Нэ балакай отакэчки, Тарасе! угрожающимъ тономъ выговорила растроганная старуха.

— Ні, ні! повторяль Тарасъ,—нэхай йдэ съ Богомъ куды знае! Нэхай...

— Кажу, нэ балакай такъ... Прикажи вернуться йй у хату!

— Нэ прикажу, нэ хочу... утічу, колы побачу що вона иде!..

— Тарасе...

— Нэ просы баба, бо заразъ таки накинуды шапку, тай втічу...

— Нэ втічешъ, бо ты батько, бо вона твоя дочка! Тарасе, одумайся, нэ гріші передъ Богомъ!..

— Э-э баба, колы ты пристаешъ... Старикъ быстро сорвался съ лавки, забѣгалъ по избѣ, нашель шапку, быстро напялилъ на голову и мигомъ выбѣжалъ вонъ.

— Дурный! проговорила старуха, оставшись одна среди избы.

Во весь этотъ день мельница Тараса Пасько не работала, крылья печально поникли въ воздухъ и маленькая дверь была на замкѣ. Въ то время когда Маруся сидѣла обливаясь слезами на печкѣ въ земляночкѣ бабуся Олены, а сама бабуся въ глубокомъ раздумьи, снѣдаемая терзаніемъ помочь, уладить, шлепала ногами изъ одного угла избы въ другой, Тарасъ

заперся у себя въ каморкѣ, зарылся въ наваленныхъ мѣшкахъ. Обо всемъ передумалъ и все перестрадалъ обездоленный старикъ. Цѣлый день онъ ничего не ѣлъ, не пилъ и силы его оставляли, но онъ не подымался съ своего жесткаго, злугаго ложа, не выходилъ изъ каморки. Кто-то днемъ прїѣзжалъ къ нему, стучалъ въ ворота, въ окна, ругался, Тарасъ слышалъ, но не выходилъ. Уже ночью, когда на небѣ засвѣтились бѣлыя звѣзды, обезсиленный, съ влажными глазами, весь разслабленный сидѣлъ онъ въ избѣ подѣ иконой съ опущенной всклокоченной головой и передъ нимъ опять стояла бабуся Олена. вмѣстѣ съ нею пришла и Маруся. Когда они вдводемъ подошли къ воротамъ, сопровождаемая вѣрнымъ псомъ бабуся, старуха что-то шепнула Марусѣ и въ то время, когда находясь уже въ сѣняхъ бабуся Олена направилась къ дверямъ избы, Маруся тихо, осторожно съ замирающимъ дыханіемъ прокралась въ каморку и заперлась. Тарасъ не зналъ, что Маруся въ избѣ.

Печально лился свѣтъ лампы съ иконы на голую лѣси-ну сидѣвшаго подѣ ней Тараса. Передъ нимъ молча стояла старуха. На дворѣ была уже ночь и вой собакъ раздавался по селу, долеталъ въ завѣшанныя окна избы. Было тихо. Стояла тяжелая, какая-то мертвящая тишина. Въ каморкѣ, на мѣшкахъ, гдѣ весь день пролежалъ Тарасъ, притаившись съ сильнымъ болѣзненнымъ біеніемъ сердца, сидѣла Маруся, давила въ себѣ просившіеся вздохи и чутко прислушивалась... Въ избѣ все еще было тихо. Молчалъ, поникнувъ, разслабленный старикъ, молчала и свѣдаемая горемъ старуха.

— Тарасе, — опять со вздохомъ шепнула она.

Тарасъ молчалъ не подымая головы.

— Одумайся... продолжала неутомимая старушка.

Тарасъ молчалъ.

— Отвѣчай Тарасе... уже немного громче говорила старуха. Старикъ не отвѣчалъ. Онъ поднялся, прошелся едва держась на своихъ ослабшихъ ногахъ по избѣ, остановился на минутку у печки, потомъ подошелъ къ окну и тамъ остановился;

наконецъ постоявъ и шатаясь на ногахъ опять опустился на лавку у стола.

— Язъ пытаю? Старуха стукнула палкой о землю.

— Баба, нэ приставай... нэ мучь!.. жалобно выговариваль старикъ.

— Змилуйся, верни ласку до дівчины...

— Нэма у мене, кажу тобі, ні якої дівчины!.. горько съ отчаяніемъ отвѣчалъ Тарась. Съ мучительной болью сжалось въ эту минуту сердце Маруси, точно острымъ ножомъ кольнули ей въ груди долетавшія до нея въ каморку слова отца и слезы точно кровью медленно прорѣзывались у нея на глазахъ. Изъ ея сердца точно вырывалось что-то родное. Притаивъ дыханіе, она слушала дальше.

— Кажу тобі нэма у мене дочки, — съ сердцемъ продолжалъ Тарась — нэма!.. я одынь... Нэ треба міні її... затюкають добрі людэ... камнями закладають мою стару голову.... ну, и добре, вздохне Тарась, утомоньтэся.... А вона нэхай собі йде зъ Богомъ куды знае... Нэхай шукае долі на світі... може й найдеть... А міні нэ треба... поживь, годі, нікому ні худа, ні лиха ні якого на світі нэ зробивь... А вона, ледащо, предъ людьмы та предъ Богомъ грішна... Нэхай-же вона бере торбу та йдэ куды схоче... може дэсь люды и пріймутъ її... тамъ вона и родытъ... а потімъ дытэну візьме... та на дорогу выйде... та... Тарась едва выговариваль. Слезы его душили, онъ былъ похожъ на обезсиленнаго ребенка и въ дрожавшемъ голосѣ старика, послѣ мучительно проведеннаго дня, звучала горькая нота упавшаго духа. Но напрягавшая свое вниманіе Маруся въ это время едва сидѣла на мѣшкахъ. Каждое слово отца, долетавшее къ ней въ каморку, каждый звукъ рыдающаго хриплаго голоса его, рѣзали ея ухо. Сердце у нея сиротливо сжималось, внутри что-то пустѣло, обрывалось, болѣзненнымъ холодомъ охватывало ея руки и ноги. Она сидѣла и замирала, въ горлѣ душило, виски сильно стучали, она хотѣла зарыдать, слезы подступали, но она сжала дрожавшія губы. Она принимала

проклятіе отца, дрожа всѣмъ тѣломъ, ежась и слухала, едва-едва сдерживала жгучія слезы. А Тарасъ въ избѣ продолжалъ говорить.

— Ні-і, ні-і, де схоче, де її серденько захоче тамъ нѣхай и прихыляюця... Нѣ...хай кажу йде зъ Богомъ куды знае... Нѣхай у тѣбѣ живѣ, нѣхай у річку кинеця... Мині байдуже, мині... я нѣ журюся... Віднявъ я руку одъ сердця та й годі... Нѣ жалко мині теперинька її, бабо, нѣ жалко, кажу, нѣхай хоч зарижуть її середь білого дня, нѣхай,—кричаль уже какимъ-то безумнымъ голосомъ старикъ стоя среди избы — якъ матірь, нѣхай її убьють та кинуть якъ собаку у яму, нѣхай при моихъ очахъ хочъ шкуру сдирають съ неі, мині нѣ жалко буде, бо нѣма у мѣнѣ сердця до неі, нѣма! колы...—Старикъ онѣмѣль, слезы подступали къ горлу.—Колысь—вдругъ тихо заговорилъ Тарасъ—колысь я її любивъ, пестувавъ, жадавъ, надіявся, колысь—(Маруся не выдерживала, пошатнувшись она уже стояла у дверей каморки)—колысь я думавъ, берігъ її коло сердця якъ послѣдню надію, якъ радість на старисті... Ну, баба, нѣ схотівъ Богъ... нѣ схотівъ... нѣма долі... Візьму-жъ я палыцю, покину хату та й пійду собі свѣтъ за очи... Оставайся тутечки, та зови колы хочешъ Марусю, жить до себе...

— Тату! истерическимъ воплемъ крикнула въ это время влѣтѣвшая и всѣмъ тѣломъ упавшая въ ноги старику Маруся.

— Рідный... ні-і... зарыдала она обвивъ его ноги и хлынувшія слезы сдавили ей горло. Пораженный, обомлѣвшій старикъ зашатался.

— Мар-руся... дитино моя... Слабыми дрожащими руками ухватилъ Тарасъ горячую голову Марусі и облилъ ее брызнувшими слезами. Она была въ его объятіяхъ, она, дочь, которую онъ только-что проклялъ, дочь, которую отъ него оторвали, она опять была съ нимъ, припадала къ нему на рыдающую грудь. Сколько осталось силъ въ разслабленномъ старикѣ, всѣ онѣ сбѣжались въ его дрожавшія руки. Тарасъ обнялъ свою дочь, упавъ головою къ ней на плечо и нѣмое полное слезъ молчаніе воцарилось въ избѣ. На полу лежала шапка и палка Тараса, которыя онъ взялъ собираясь уходить, въ углу подъ об-

разами стояла осѣняя себя и несчастныхъ крестами старуха, и въ окно смотрѣла свѣтлая ночь.

Было тихо. Сквозь тяжелое молчаніе за окнами раздался вдругъ стукъ легко подкачившихъ колесъ. Кто-то тихо соскочилъ, въ сѣняхъ раздались шаги, дверь осторожно приоткрылась и на порогѣ избы весь въ бѣломъ, съ кнутомъ въ рукѣ показался Шлема.

— Тікай!! Убью-у-у!! заораль старчестимъ оборвавшимся голосомъ отчаянія Тарасъ и вырвался изъ объятій Маруси. Глаза его страшно сверкнули, въ поблѣднѣвшемъ лицѣ застыла кровь, онъ бѣшено рванулся къ дверямъ, холодные сжатые кулаки его задрожали въ воздухѣ, но дрогнувшая Маруся вцѣпилась руками въ его рубаху и удержала его; въ это время старуха Олена быстро подбѣжала къ дверямъ.

— Ступа-ай... дрожащимъ голосомъ шепнула она Шлемѣ, замершему предъ этимъ зрѣлищемъ, и захлопнула дверь. Шлема остался за дверью въ сѣняхъ. Точно онѣмѣвшій стоялъ онъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и дрожалъ.

— А-а—болѣзненно протянулъ онъ, придя въ себя—теперь вотъ она сказала... теперь... Ну!! Шлема вдругъ быстро запустилъ обѣ руки въ волосы и изо всей силы, до отчаянной, до острой въ корняхъ боли рванулъ ихъ.

— Бѣги Шлойминю,—злорадно, язвительно проговорилъ онъ себѣ.—Бѣги, уѣзжай!.. «Бѣги», «бѣги», «бѣги» болѣзненно выговаривалъ онъ усаживаясь на бідарку, «бѣги» выговаривалъ онъ мчась по спящимъ улицамъ села, «бѣги» повторялъ онъ изо всей силы хлеща «Сурку», «бѣги» убѣгай Шлеминю, дорогой, почти уже вслухъ говорилъ онъ и слезы вырвались у него изъ глазъ, упали къ нему на грудь...

Была темная ночь. По небу бѣжали ему на встрѣчу темно-сѣрыя облака, воздухъ темнѣлъ, запахло дождемъ, звѣзды пропадали въ грядяхъ тучъ, все больше и больше ночь окутывалась тьмой, и сквозь эту тьму быстро и мягко катились колеса летѣвшей по улицамъ бідарки. Шлема стегалъ Сурку, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, передъ нимъ стояла, •

какъ живая, только что видѣнная картина. Все, весь міръ передъ его глазами теперь подернулся покровамъ густой тьмы и въ этой тьмѣ освѣщенной была только одна картина: на сѣдую рыдающую грудь старика падали горькія слезы его несчастной дочери. Когда онъ влетѣлъ во дворъ Пейсаха, съ темнаго, точно чернаго неба закапалъ дождь...

Въ домѣ уже спали. Очутившись въ темной спальнѣ, гдѣ спала его молодая жена, Шлема, не зажатая свѣчки, раздѣлся, бросилъ куда попало свою одежду и легъ въ постель. Часъ за часомъ хрипѣли часы. Ночь пла. Онъ не спалъ. Тихо, безмятежно спала сбоку молодая Эстеръ, а онъ лежалъ съ широко открытыми глазами, заложивъ за голову холодныя руки. Густая темь стояла въ комнатѣ. все сильнѣе и сильнѣе лился дождь на дворѣ, шумѣлъ на крышѣ. Тяжелая тишина царила въ домѣ. Шлема долго не могъ заснуть. Все мучительнѣе и мучительнѣе наплывали темныя мысли, стучались и путались въ его головѣ. Разбитая грудь его высоко подымалась, онъ тяжело дышалъ и въ темнотѣ ему все мерещилась та же картина, та же Маруся въ объятіяхъ Тараса. Могъ ли онъ заснуть? Въ комнатѣ было темно, но живая картина ослѣпительнымъ свѣтомъ рѣзала ему глаза, въ комнатѣ спали—было тихо,—но въ его ухахъ кто-то плакалъ, рыдалъ. «Тікай! Убью-у!!» звучалъ у него въ ухахъ отчаянный крикъ Тараса. Вотъ онъ Тарасъ, вотъ онъ стоитъ. Какъ ужасны его глаза, съ которыхъ льются слезы, какъ дрожать его кулаки въ воздухѣ, Маруся вцѣпилась въ его грязную рубаху...

— Шлойма, отчего ты не спишь? вдругъ проговорила проснувшаяся Эстеръ, которую онъ безсознательно толкалъ, перевертываясь на всѣ стороны, желая забыться, заснуть, не слышать отчаяннаго крика Тараса.

Шлема закрывъ утомленные вѣки, заснулъ. Но то былъ мучительный, полный бреда и непрерывныхъ вздрагиваній, тяжелый сонъ....

А. Чудновскій.

(Окончаніе будетъ)

СЕМЕЙСТВО ГИЛЛЕЛЯ.

Историческій романъ изъ временъ разрушенія Иерусалима. *

Часть первая.

•
VIII.

Хотя послѣ отступленія кровожаднаго прокуратора въ Цезарею спокойствіе въ Иерусалимѣ возстановилось, однако послѣднія событія оставили по себѣ глухое броженіе и опасное волненіе, которыя при малѣйшемъ поводѣ могли вызвать новое возстаніе.

Населеніе города раздвоилось и было раздираемо духомъ партій. Сторонники мира, хотя и не менѣе своихъ противниковъ раздраженные тиранніей Флора, сознавали однако свою слабость и опасались могущества римлянъ, и потому старались во что бы то ни стало сохранить порядокъ и удержать народъ отъ всякаго необдуманнаго шага. Къ этой партіи принадлежало прежде всего королевское семейство, аристократы-саддукеи, въ томъ числѣ ближайшіе родственники Элеазара, и семейство Гиллеля, съ своими многочисленными друзьями и учениками, ненавидѣвшими войну, а также всѣ знатные и богатые граждане, боявшіеся за свою жизнь и за свое состояніе. Они всячески старались обуздать народное негодованіе и расположить въ свою пользу проконсула Сиріи Цестія Галла. Съ этой цѣлью они отправили къ послѣднему посольство, которое должно было оправдать поведеніе народа и пожаловаться на корыстолюбіе и на жестокость подчиненнаго ему прокуратора. Одновременно царевна Бе-

* См. „Восходъ“, кн. X.

реника написала такого же содержания письмо въ проконсулу, съ которымъ она была дружна, приглашая его разслѣдовать все дѣло и лично убѣдиться въ преступности прокуратора и въ мирномъ настроеніи города. Она пригласила также все еще отсутствующаго брата своего Агриппу, гостившаго въ Александріи у тамошняго намѣстника Александра Тиверія, еврейскаго ренегата и любимца Нерона, поторопиться возвращеніемъ въ Іерусалимъ, чтобы защитить своихъ подданныхъ и предотвратить дальнѣйшія бѣдствія.

Но въ то же время партія войны въ Іерусалимѣ раздувала неудовольствіе всякими находящимися въ распоряженіи ея средствами. Она состояла частью изъ людей безпокойныхъ, частью же изъ искреннихъ патріотовъ и религіозныхъ фанатиковъ, рѣшившихся, даже съ пожертвованіемъ своей жизни, свергнуть иго невѣрныхъ римскихъ тирановъ и вновь добиться утраченной свободы *. Ихъ не пугало превосходство силъ враговъ и они все еще рассчитывали на помощь Бога, не разъ уже спасавшаго чудомъ Израиль отъ величайшихъ бѣдъ. Кромѣ того патріоты втайнѣ рассчитывали на помощь благочестивыхъ и храбрыхъ царей Адиабенскихъ, на поддержку ихъ единовѣрцевъ въ Вавилоніи и Персіи, и на жадныхъ къ добычѣ идумейцевъ, съ которыми они находились въ тайныхъ сношеніяхъ. Къ тому же время для возстанія казалось имъ удобнымъ, такъ какъ правленіе Нерона возбудило всеобщую ненависть, доказательствомъ чему служили частые заговоры противъ него и возстанія въ различныхъ провинціяхъ.

Душою партіи войны былъ въ то время Элезаръ, вліяніе котораго замѣтно возросло за послѣднее время.

Оскорбленный и раздраженный отказомъ Мириамъ, онъ прекратилъ всякія сношенія съ семействомъ Гиллея и даже поссорился съ своимъ отцомъ за то, что тотъ, равно какъ и братъ его Іезекія, принадлежалъ къ партіи друзей мира **. Одушевленный истиннымъ патріотизмомъ и религіознымъ фанатизмомъ, но въ то же время и снѣдаемый честолюбіемъ, Элезаръ собралъ вокругъ себя всѣ недовольные и мятежные эле-

* Гретцъ, „Исторія евреевъ“, т. 3, стр. 341.

** Тамъ-же, стр. 340.

менты, на которые онъ, благодаря своему личному мужеству и богатству, имѣлъ значительное вліяніе. Онъ заставилъ своихъ приверженцевъ торжественно поклясться въ томъ, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ станутъ дольше терпѣть владычество римлянъ.

Не забывая о собиравшейся на горизонтѣ бурѣ, Рувимъ и Мириамъ наслаждались радостями чистой любви. Взаимная ихъ привязанность, которую они не въ состояніи были долѣе скрывать, получила наконецъ одобреніе родителей Мириамъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они отложили свой бракъ еще на одинъ годъ, такъ какъ Мириамъ обѣщала не выходить замужъ ранѣе года, а Рувиму нужно было еще кончить свое ученіе. Ни отсрочка эта, ни господствовавшее вокругъ нихъ волненіе, не въ состояніи были омрачить ихъ счастье. Они не замѣчали ни собиравшихся надъ ихъ головою темныхъ тучъ, ни опасностей, угрожавшихъ ихъ молодой любви. Вдали отъ всякой политической борьбы, они вполне предавались счастью настоящаго и видамъ на счастливое будущее.

Не только они, но и умный и проницательный Симонъ были обмануты кажущимся спокойствіемъ народа; и онъ предавался надеждѣ на то, что удастся достигнуть соглашенія и примирить враждующія стороны. Онъ надѣялся, что съ прибытіемъ царя будутъ устранены всѣ недоразумѣнія и возстановленъ миръ, хотя ему не могъ не быть извѣстенъ колеблющійся, ненадежный характеръ Агриппы.

Симонъ присоединился къ депутаціи, которая, съ первосвященникомъ во главѣ, вышла на встрѣчу возвращающемуся царю, чтобы почтительно привѣтствовать его. Агриппа, въ свитѣ котораго находился и замѣститель удержаннаго дѣлами проконсула, гуманный и справедливый трибунъ Неаполитанъ, ласково принялъ депутатовъ и внимательно выслушалъ жалобы ихъ на жестокаго Флора. Онъ выразилъ сожалѣніе по поводу кровавыхъ происшествій и обѣщала свою помощь, но въ то же время счелъ нужнымъ упрекнуть депутатовъ за народное возстаніе. Депутаты увѣряли, что теперь народъ совершенно спокоенъ и приглашали трибуна Неаполитана личнубѣдиться въ томъ, пройдясь безъ всякаго конвоя по всему городу. Дѣйствительно трибунъ на другой-же день прошелся

совершенно одинъ изъ одного конца Иерусалима до другаго и не слышалъ ни одного враждебнаго выраженія относительно римлянъ, хотя народъ и не зналъ его. Лишь нѣкоторыя женщины жаловались на жестокость Флора, показывая ему свои разоренные дома. Посѣтивъ еще храмъ, Неаполитанъ возвратился къ проконсулу и отдалъ ему правдивый отчетъ о настроеніи Иерусалима *. Но безхарактерный Агриппа, по собственной ему нерѣшительности и двуличности, все еще медлил исполненіемъ дайнаго имъ обѣщанія и не рѣшился требовать отозванія ненавистнаго Флора, такъ какъ послѣдній имѣлъ при дворѣ Нерона вліятельныхъ друзей, съ которыми слабый Агриппа не желалъ ссориться. Тѣмъ настоятельнѣе требовали предводители партій наказанія виновнаго прокуратора и строгаго слѣдствія, которое должно было доказать, что самъ Флоръ, своимъ неумѣлымъ поведеніемъ, вызвалъ возстаніе и сопровождавшее его ужасное кровопролитіе. А такъ какъ Агриппа все отвиливалъ и отъезывался исполнить ихъ требованія, то они объявили ему, что не могутъ отвѣчать за спокойствіе города, если онъ не исполнитъ справедливыхъ желаній народа.

Чтобъ удовлетворить ихъ, онъ велѣлъ созвать гражданъ на площадь передъ своимъ дворцомъ, въ надеждѣ успокоить взволнованные умы своимъ краснорѣчіемъ. Онъ самъ появился на балконѣ, въ сопровожденіи своей красивой и чрезвычайно популярной въ народѣ сестры Береники. — „Если-бы я—такъ обратился Агриппа къ толпѣ—дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что вы всѣ рѣшились на войну съ римлянами и что даже лучшая часть населенія не хочетъ слышать о мирѣ, то я не прибылъ бы въ Иерусалимъ и не рѣшился-бы родать вамъ мой совѣтъ. Но такъ какъ я вижу, что иные приняли участіе въ возстаніи по юношеской неопытности, другіе—вслѣдствіе ложно понятой любви къ свободѣ, третьи, наконецъ, изъ честолюбія и корыстолюбія, то я считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ противъ неосторожныхъ подстрекательствъ и объяснить вамъ ваши собственныя выгоды. Пусть тѣ, которые желаютъ возстанія во что бы то ни стало, останутся и

* Флавій, „Еврейская война“, кн. 2, глава 16, 2.

послѣ моихъ словъ при своемъ мнѣніи; но пусть мои слова не пропадутъ даромъ для тѣхъ, которые еще способны внять голосу благоразумія“.

И затѣмъ, съ тѣми краснорѣчивыми оборотами, которымъ Агриппа научился во время пребыванія своего въ Римѣ, онъ сталъ предостерегать народъ отъ опасной войны съ такимъ могущественнымъ непріателемъ, которому, по его мнѣнію, не могъ противустоять ни одинъ народъ въ мірѣ, и изображать величіе и силу римлянъ, власть которыхъ простиралась на весь міръ, отъ береговъ Атлантическаго океана до Краснаго моря, отъ холодной и сырой Британіи до знойной Эіюпіи.

— Пожалуйте—такъ заключилъ онъ свою рѣчь—если не женѣ и дѣтей вашихъ, то вашу столицу и ея святыни. Пожалуйте вашъ храмъ и его священныя сокровища, которыхъ римляне не пощадятъ, какъ они щадили ихъ доселѣ. Если вы желаете мира, то я буду помогать вамъ. Если-же вы будете продолжать безумствовать, то я покину васъ и предоставлю васъ заслуженной вами участи *.

Это патетическое, произнесенное со слезами въ голосѣ, обращеніе къ народу произвело надлежащее впечатлѣніе. Береника также плакала и ея слезы тронули народъ, уважавшій и любившій внуку несчастной Маріамны. Многочисленные голоса стали раздаваться въ пользу мира и именитѣйшіе граждане просили Агриппу не повидать города, обѣщая ему послушаніе и вѣрность.—„Мы не желаемъ—сказалъ первосвященникъ, когда собраніе нѣсколько успокоилось—войны съ римлянами, но мы просимъ тебя избавить насъ отъ жестокаго прокуратора, который одинъ виноватъ въ возстаніи. Если Флоръ будетъ отозванъ, мы ручаемся тебѣ за сохраненіе мира“.

— Прежде вы должны—возразилъ Агриппа уклончиво—доказать мнѣ вашу добрую волю. Вы должны внести императору не внесенную еще доселѣ дань и возстановить разрушенную вами галерею, ведущую въ храмъ.

Не смотря на сопротивленіе партіи войны, большинство

* Флавій, „Еврейская война“, книга 2, глава 16, 4.

гражданъ изъявило согласіе исполнить желаніе короля, и многіе даже сейчасъ-же бросились къ храму, чтобъ убрать обломки разрушенной галлерей. Агриппа и Беренига тоже направились туда, чтобъ ободрять рвеніе народа въ устраненію имъ же самимъ воздвигнутой преграды. Рувимъ былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ работниковъ. Воспоминаніе о всемъ, пережитомъ имъ подъ этими обломками, о бѣдномъ своемъ товарищѣ цимбалистѣ, а равно и видъ вытаскиваемыхъ изъ подъ обломковъ труповъ, до того взволновали его, что онъ лишь съ трудомъ удерживалъ слезы.

Лишь теперь товарищи Рувима по работѣ, видѣвшіе его тогда во главѣ небольшого, храбраго отряда, узнали въ немъ героя того подвига, о которомъ такъ долго и такъ много говорили въ Іерусалимѣ. Скоро всѣ стали называть его имя и всѣ взоры обратились на него. Агриппа и его сестра замѣтили какое-то особенное движеніе въ толпѣ и пожелали узнать причину его. Обезпокоенный и смущенный вызваннымъ вниманіемъ, Рувимъ хотѣлъ уже потихоньку удалиться, какъ въ нему подошелъ находившійся въ свитѣ Агриппы Іосифъ и объявилъ ему, что царь желаетъ его видѣть и поручилъ ему привести Рувима.

— Онъ, безъ сомнѣнія, гнѣвается на меня и выдастъ меня римлянамъ—сказалъ Рувимъ въ испугѣ.

— Этого тебѣ нечего опасаться. Ты имѣешь надежную заступницу въ лицѣ царевны, которая не забыла оказанной тобою ей услуги. Она тебя тотчасъ-же узнала и желаетъ говорить съ тобою. Но торопись—нельзя заставлять ихъ ждать.

Крайне неохотно и не безъ боязни Рувимъ послѣдовалъ за Іосифомъ, который привелъ его къ Агриппѣ, сидѣвшему рядомъ съ сестрой своей на возвышеніи и милостиво кивнувшему головой въ отвѣтъ на почтительный поклонъ юноши. Слабый, порочный, испорченный многолѣтнимъ пребываніемъ въ развратномъ Римѣ, порою даже жестокой, но не по природѣ, а подъ вліяніемъ дурной обстановки, Агриппа находился подъ сильнымъ вліяніемъ своей сестры, значительно превосходившей его умомъ и душевными качествами. Исполняя ея желаніе, онъ и теперь велѣлъ позвать къ себѣ Рувима.

— Это ты—спросилъ Агриппа, глядя на него соннымъ, апатичнымъ взоромъ—разрушилъ галерею храма?

— Я—смѣло отвѣтилъ Рувимъ—хотя я совершилъ это великое дѣло не одинъ.

— А знаешь ли, что ты совершилъ преступленіе, за которое ты долженъ-бы былъ поплатиться жизнью?

— Прости меня; но я сдѣлалъ только то, что сдѣлалъ-бы всякій на моемъ мѣстѣ, для спасенія моихъ братьевъ и святыни Господней.

— Но все-таки—мрачно произнесъ Агриппа—это былъ бунтъ и я обязанъ выдать тебя римлянамъ, для того чтобъ они наказали тебя за твой дерзостный поступокъ.

— Ты забываешь—прервала Береника брата—что этотъ храбрый юноша оказалъ мнѣ важную услугу и спасъ меня изъ рукъ разбойниковъ, какъ я писала тебѣ. Я еще должница его и прошу у тебя милости для него.

— Ради тебя я готовъ простить его. А теперь пусть онъ намъ расскажетъ, какъ ему удалось совершить такое дѣло и какимъ чудомъ онъ спасся отъ смерти.

Рувимъ крайне неохотно исполнилъ желаніе Агриппы. Онъ, безъ всякихъ прикрасъ, рассказалъ извѣстныя уже событія, причемъ онъ однако тщательно старался избѣгать всего, что могло-бы повредить начальнику храмовой стражи и его единомышленникамъ. Равнымъ образомъ онъ умолчалъ о подробностяхъ пребыванія своего въ домѣ Теофила, чтобы не подвергнуть спасителя своей жизни опасности быть обвиненнымъ въ принадлежности къ сектѣ назарянъ.

Агриппа съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за рассказомъ скромнаго Рувима; глаза-же прекрасной Береники были прикованы къ устамъ молодаго рассказчика и ея сердце то содрогалось отъ ужаса, то преисполнялось состраданіемъ. Лица изъ свиты царя, и въ числѣ ихъ Иосифъ, также внимательно слушали рассказъ юноши и выражали свое удивленіе его геройскому подвигу, который льстилъ ихъ національному самолюбію, не смотря на то, что они были отъявленными сторонниками римлянъ.—Послѣ Иуды Маккавея не было ничего подобнаго.—Второй Самсонъ, который погребъ подъ развалинами храма себя и филистимлянъ.—Юный Давидъ,

побѣдившій Голіава. — Этотъ подвигъ достоинъ того, чтобы быть занесеннымъ въ лѣтописи—вотъ какіе возгласы раздавались со всѣхъ сторонъ.

Краснѣя и опустивъ взоры долу, Рувимъ выслушивалъ рас-точавшіяся ему со всѣхъ сторонъ похвалы и лестныя для него слова, исходившія изъ устъ прекрасной Береники, которая оказывала ему особое благоволеніе.

— Я крайне сожалѣю о томъ, сказалъ Агриппа, когда Рувимъ окончилъ свой рассказъ,—что ты сдѣлалъ такое дурное употребленіе изъ твоей храбрости. Не рассчитывай на то, чтобы я въ другой разъ былъ столь-же снисходителенъ.

— Я не искалъ борьбы — твердо отвѣтилъ Рувимъ. — Какъ ученикъ Гиллея, я люблю миръ. Лишь крайняя необходимость заставила меня взяться за оружіе для защиты святыни.

— Ты выказалъ себя героемъ—сказала Береника, бросивъ выразительный взглядъ на своего брата. — Ты, ей Богу, созданъ скорѣе для того, чтобы быть мужественнымъ воиномъ, чѣмъ для того, чтобы изучать законы. Шлемъ и мечъ болѣе идутъ къ тебѣ, чѣмъ ермолка и перо.

— Это совершенный Ахиллъ—проговорилъ по гречески Іосифъ, —настоящій сынъ Оетиды.

— Я тоже полагаю—замѣтилъ Агриппа—что ты могъ-бы занять иное положеніе. Я опредѣлю тебя въ свою стражу. Тамъ ты найдешь случай выказать свое мужество и послужить мнѣ.

— Не отказывайся—сказала Береника, бросивъ на него ободряющій взоръ. — Не одинъ воинъ сдѣлался царемъ. Саулъ былъ сынъ поселянина, Давидъ пастъ овецъ своего отца, а предокъ нашъ, Иродъ Великій, былъ простымъ солдатомъ.

— Не упускай своего счастья—шепнулъ ему Іосифъ. — Я бы на твоёмъ мѣстѣ не долго раздумывалъ-бы.

Рувимъ стоялъ нѣкоторое время какъ-бы ослѣпленный блестящимъ, неожиданно открывшимся передъ нимъ, горизонтомъ. У него помутилось въ головѣ при мысли о неожиданно представившемся ему счастья. Милость царя, благоволеніе его сестры, лесть придворныхъ—все это не могло не взволновать его и не пробудить его честолюбія. Ему дѣйствительно

казалось, что онъ призванъ къ чему-то высшему, чѣмъ къ тому, чтобы корпѣть день и ночь надъ старыми пергамен- тами, толковать неясныя выраженія Писанія и препираться о грамматическихъ тонкостяхъ. Въ его сердцѣ пылалъ воин- ственный духъ его народа; воспоминаніе о геройскихъ под- вигахъ предковъ не давало ему покоя. Но это опьяненіе продолжалось лишь короткое время. Передъ его взорами всталъ домъ Гиллея съ его, столь дорогими для него, оби- тателями, мудрый Симонъ, добрая Рахиль, и въ особенности горячо любимая имъ Мириамъ. Она была для него дороже, чѣмъ милость царя, блескъ двора и чѣмъ всѣ сокровища міра.

— Прости меня — сказалъ онъ, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго сна. — Я чувствую себя недостойнымъ такой высокой чести. Я стремлюсь не къ почестямъ и славѣ, а къ знанію; душа моя жаждетъ не земнаго счастья, а высшихъ сокровищъ мудрости. То, чего я искалъ, я нашелъ у своихъ родственниковъ, въ семействѣ Гиллея. Не сердись поэтому на меня, если я съ благодарностью откажусь отъ незаслу- женной милости твоей.

— Какъ! — воскликнулъ изумленный Агриппа — ты отка- зываешься отъ моего предложенія!

— Подумай о томъ, что ты дѣлаешь! — предостерегла его Береника. — Ты отказываешься отъ счастья, которое спо- собно возбудить зависть у тысячи людей. Ты лишаешься бле- стящей будущности.

— Я думалъ, что ты умнѣе — прошепталъ Иосифъ. — Ты горько раскаешься въ томъ, что теперь дѣлаешь.

— Я желаю остаться — сказалъ Рувимъ взволнованнымъ голосомъ — тѣмъ, что я теперь — скромнымъ ученикомъ, на- учающимся вѣчной премудрости.

— Ну такъ ступай! — сказалъ разсерженный Агриппа. — Только смотри, не попадайся мнѣ снова. Я готовъ расказы- сь въ томъ, что помиловалъ тебя, снисходя на просьбы ца- режны.

Рувимъ низко поклонился, подавленный гнѣвомъ царя. Бросивъ на Беренику взглядъ, молящій о прощеніи, онъ хотѣлъ уже удалиться, но она остановила его движеніемъ руки.

— Останься—промолвила она, улыбаясь. — Я имѣю еще кое-что сказать тебѣ.

— Повелѣвай рабу своему—сказалъ онъ, пораженный. — Чего ты отъ меня желаешь?

— Маленькаго одолженія, въ которомъ ты не можешь отказать мнѣ.

— Желанія твои—приказанія для твоихъ слугъ.

— Я слышала, что ты не только храбрецъ, но и отличный пѣвецъ, какъ царь Давидъ.

— Я могу засвидѣтельствовать это — вмѣшался продавецъ Костобаръ. — Никогда я не слышалъ лучшаго пѣнія, какъ пѣніе Рувима и младшей дочери Симона на свадьбѣ Эліезера-бенъ-Гиркана. Всѣ гости были въ восхищеніи отъ его чуднаго голоса.

— Это меня радуетъ—сказала Береника. — Я очень люблю пѣніе и игру на арфѣ, хотя я сама далеко не мастерица въ этомъ.

— Совершенно напротивъ — вмѣшался льстивый Иосифъ. — Ты—вторая Саффо.

— Я сама знаю лучше всего, какъ многого мнѣ еще недостаетъ въ этомъ отношеніи. Поэтому я уже давно искала учителя, подъ руководствомъ котораго я могла бы усовершенствоваться. Хочешь ли давать мнѣ уроки, Рувимъ?

— Я?—прошепталъ онъ въ смущеніи. — Я недостойнъ, неспособенъ учить тебя; мнѣ кажется, что ты смѣешься надо мной.

— Все это только отговорки—сказала Береника, хмурия брови. — Скажи лучше прямо, что ты не желаешь исполнить моего желанія.

— Ты несправедлива ко мнѣ. Если ты того желаешь и будешь снисходительна ко мнѣ, я радъ буду тебѣ повиноваться и сочту за особенную честь служить тебѣ.

— Вотъ это хорошо, мой милый—ласково промолвила она. — Ты найдешь во мнѣ внимательную и благодарную ученицу.

Съ снисходительной ласковостью Береника протянула смущенному Рувиму руку для поцѣлуя, послѣ чего онъ поч-

тительно откланялся ей, между тѣмъ какъ торжествующая улыбка играла на чувственныхъ губахъ обольстительной женщины.

IX.

Преисполненный самыхъ разнообразныхъ ощущеній, робостью и непреодолимымъ стремленіемъ видѣть эту женщину, Рувимъ явился на слѣдующій день во дворецъ прекрасной Береники, отдѣланный съ восточною роскошью и съ греческимъ вкусомъ, и казавшійся дорогой раковиной, вполне достойной заключать въ себѣ такую жемчужину. Пораженный видомъ ея, Рувимъ робко остановился въ дверяхъ, едва осмѣливаясь взглянуть на совершеннѣйшую изъ женщинъ.

— Приблизься — сказала Береника, приподнимаясь. — Я дурно спала и чувствую еще нѣкоторое утомленіе послѣ вчерашней сродки.

— Въ такомъ случаѣ я удалюсь — отвѣтилъ Рувимъ — чтобы не нарушать твоего покоя.

— Нѣтъ, останься. Твое пѣніе освѣжитъ меня и прогонитъ мрачныя мысли. Ты долженъ развлечь меня, подобно тому, какъ Давидъ развлекалъ больного Саула.

— Я желалъ бы имѣть силу, чтобы помочь тебѣ.

— Подъ звуки твоихъ пѣсней я забуду всѣ мои заботы, все мое горе — сказала она, тихо вздохнувъ.

— Какъ! — воскликнулъ онъ удивленный. — Ты опечалена? Развѣ ты не самая счастливая женщина, уважаемая и любимая твоимъ народомъ?

— Счастіе не всегда бываетъ удѣломъ богатыхъ и знатныхъ. Ты никогда ничего не слыхалъ объ участи моей бабки, бѣдной Маріамны?

— Я знаю только, что она была святая, прекрасная, какъ херувимъ, и чиста, какъ ангелъ неба.

— А все же она была несчастна и ей пришлось умереть насильственной смертью. Какое-то проклятіе тяготѣетъ на женщинахъ изъ дома Асмонеевъ. Онѣ рождаются для того, чтобы страдать.

— Чѣмъ могла заслужить прекрасная и добрая Мариамна свою печальную участь?

— Ея красота была причиной ея гибели, а любовь ея—проявленіемъ ея жизни. Великій Иродъ обожалъ ее и носилъ на рукахъ, но его мать и сестра тѣмъ сильнѣе ненавидѣли ее за это и сѣмѣли наполнить его, склонное къ подозрительности, сердце дивою ревностью и подозрѣніями. Когда Августъ былъ раздраженъ противъ него за его союзъ съ Маркомъ Антоніемъ и жизнь его находилась въ опасности, Иродъ поручилъ двумъ своимъ лучшимъ друзьямъ охранять Мариамну, давъ имъ тайное приказаніе убить ее, если они получаютъ извѣстіе о его смерти, такъ какъ онъ желалъ быть соединеннымъ съ нею и въ могилѣ и не хотѣлъ, чтобъ она принадлежала другому.

— Какая жестокость!—воскликнулъ Рувимъ въ ужасѣ. — Только варваръ могъ дать такое приказаніе!

— Это не была жестокость—возразила Береника съ блистающимъ взоромъ,—а самая пламенная, безумная любовь, на которую способны только великія натуры. Помирившись съ Августомъ, Иродъ спѣшилъ къ своей супругѣ; но его другъ Семъ, въ минуту слабости, сообщилъ Мариамнѣ ужасную тайну. Она не въ состояніи была простить такой обиды, скрыть свое отчаяніе по поводу сомнѣнія въ ея вѣрности. Она лишь крайне неохотно терпѣла ласки черезчуръ нѣжнаго Ирода и, содрагаясь, вырвалась изъ его объятій. Не смотря на то, что Мариамна оставалась непримиримой, Иродъ продолжалъ ее любить, еще болѣе возбуждаемый сопротивленіемъ ея. Его мать и сестра старались воспользоваться этой размолвкой, чтобы погубить невинную Мариамну. Онѣ обвинили ее въ томъ, что она ненавидитъ Ирода и подкупили одного изъ слугъ, чтобъ онъ показалъ, будто Мариамна дала ему ядъ для отравленія мужа своего. Взбѣшенный Иродъ велѣлъ подвергнуть пыткѣ всѣхъ слугъ. Они отрицали взводимое на Мариамну обвиненіе, но сознались въ томъ, что она узнала отъ Сема объ угрожающей ей смерти. Тогда онъ вообразилъ себѣ, что она находилась въ любовныхъ отношеніяхъ съ его другомъ и выманила у послѣдняго тайну. Онъ велѣлъ казнить несчастнаго

Сема; Маріамна тоже была приговорена къ смерти. Но онъ медлилъ исполненіемъ приговора, такъ какъ онъ все еще любилъ ее. Тогда сестра увѣрила его, что раздраженный его жестокостью народъ желаетъ подняться, чтобъ освободить плѣнную царицу, и добилаь его согласія на казнь ненавистной невѣстки. Только что казнь была совершена, Иродъ раскаялся въ этомъ ужасномъ поступкѣ; снова проснулась его страстная любовь и онъ сталъ обожать мертвую Маріамну еще болѣе, чѣмъ живую. Днемъ и ночью преслѣдовалъ его ея прекрасный, окровавленный образъ. Его съ трудомъ могли оторвать отъ ея трупа, который онъ покрывалъ поцѣлуями. День и ночь онъ бродилъ вокругъ ея могилы, призывая ея имя и прося у нея прощенія. Такъ прошли дни и недѣли, пока онъ самъ не угасъ, снѣдаемый отчаяніемъ и любовью *.

Глубоко взволнованный Рувимъ выслушалъ изъ устъ Береники потрясающій рассказъ о любви Ирода и о страданіяхъ несчастной Маріамны. Пока она говорила, онъ не могъ оторваться отъ ея прекраснаго лица, отъ ея пламенныхъ глазъ. Необузданная страсть Ирода, муки невинной Маріамны, эта ужасная трагедія въ семействѣ Асмонеевъ, странная смѣсь любви и жестокости, крови и страсти, страданій и блаженства,—все это привело его въ состояніе непонятнаго волненія, которое еще болѣе усиливалось присутствіемъ прекрасной женщины и всей ея обстановкой. Странныя ощущенія и желанія волновали его грудь; передъ нимъ носились самыя обольстительныя образы и картины. Ему казалось, что онъ, подобно заблудшемуся путнику, внезапно перенесенъ въ новый, невѣдомый ему міръ, полный тревожныхъ, хотя и очаровательныхъ явленій, насыщенный пріятными, одуряющими парами. Все, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ, до того разнилось съ тѣмъ, что онъ зналъ и испытывалъ до сихъ поръ, казалось ему одновременно и великимъ и могучимъ, прекраснымъ и страшнымъ, какъ мраморныя изображенія языческихъ боговъ, какъ вкрадывающійся въ душу грѣхъ.

Между тѣмъ прекрасная Береника молча лежала на

* Флавій, „Еврейскія древности“, кн. 15, гл. 7, 3—6.

своемъ ложѣ, опираясь на свою бѣлую, полную руку, подобная загадочному сфинксу, и, кажется, такъ и пожирала его своими страстными взорами.

— Заговоривъ о прошломъ, — наконецъ прервала она тягостное молчаніе, — мы забываемъ настоящее. Не хочешь ли ты пропѣть мнѣ что-нибудь?

— Я еще слишкомъ взволнованъ — отвѣтилъ онъ — всѣмъ, что я только что слышалъ.

— Тѣмъ лучше ты будешь пѣть. Художникъ долженъ чувствовать въ душѣ то, что онъ творить и создаетъ. Пѣснь его должна исходить изъ сердца, для того чтобы трогать и потрясать насъ.

По ея знаку, нѣмая египетская рабыня принесла вырванную изъ слоновой кости, украшенную золотомъ и драгоценными камнями арфу, съ низкимъ поклономъ подала ее Рувиму и удалилась.

Рувимъ ударилъ по струнамъ, взялъ громкій аккордъ и запѣлъ имъ самимъ сочиненную пѣснь въ честь родственниковъ Береники, Маккавеевъ.

Тысячи костровъ, пылая,
 Дымъ возносятъ къ небесамъ,
 Всѣмъ побѣду возвѣщая
 Иуды, страшнаго врагамъ.
 Онъ подобенъ Божью грому,
 Онъ могучъ, какъ ураганъ.
 Маккавею молодому
 Покорился вражій станъ.
 Ихъ кумиры перебиты,
 Ихъ гордыня пала въ прахъ.
 Всѣ несчастія забыты,
 Радость свѣтится въ очахъ
 Побѣдителей. А горе
 Чаждь Израилевыхъ ждетъ:
 Юный вождь погибъ; но въ морѣ
 Онъ забвенья не умретъ.

— Прекрасная пѣснь! — сказала Береника, когда Рувимъ кончилъ пѣть. — У тебя прекрасный голосъ, проникающій прямо въ сердце. Но къ чему скорбь объ умершихъ? Жизнь коротка и ею нужно пользоваться. Нужно умѣть ловить

счастливыя мгновенія, пока они не улетѣли. Я пропою тебѣ другую пѣснь, которая лучше подходитъ къ намъ обоимъ.

И, съ очаровательной улыбкой, она взяла арфу изъ рукъ Рувима и запѣла по-гречески слѣдующія строфы изъ сочиненной ею самой пѣсни:

Дай, Амуръ, твои мнѣ стрѣлы,
 Руку вѣрную мнѣ дай.
 Наказать того хочу я,
 Кто пронзиль твоей стрѣлой
 Сердце мнѣ. Но только ранить
 Я хочу, а не убить
 Сердце черствое: пусть чувствуетъ
 И любовь мою, и скорбь.
 А затѣмъ моимъ лобзаньемъ
 Вновь его я исцѣлю;
 Полно счастья, затрепещетъ
 Къ жизни радостной оно.

— Ну чтѣ?—спросила она, плутовски улыбаясь.—Какъ тебѣ нравится моя пѣснь?

— Звуки ея восхитительны—отвѣтилъ Рувимъ съ одушевленіемъ.—Они такъ сладки и обворожительны, какъ воркованіе голубки, какъ тихій шелестъ пальмъ въ вечерній часъ. Я только сожалею о томъ, что не понимаю смысла словъ, хотя въ сущности это кажется мнѣ даже излишнимъ.

— Какъ! ты незнакомъ съ греческимъ языкомъ, съ самымъ прекраснымъ и изящнымъ языкомъ въ мірѣ!—спросила она съ удивленіемъ.

— Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ—отвѣтилъ онъ, сконфуженный.—Тебѣ вѣроятно безъизвѣстно, что наши мудрецы не терпятъ нарѣчія язычниковъ.

— Наши мудрецы порою бываютъ большіе глупцы, полныя предрасудковъ. Тебѣ нужно учиться по-гречески, мой другъ, и я сама берусь быть твоей учительницей. Перевести тебѣ только что пропѣтую мною пѣснь?

— Пожалуйста. Я очень желалъ бы узнать смыслъ твоей пѣсни.

На столько близко, на сколько позволялъ еврейскій языкъ, Береника перевела ему небольшую анакреонтическую пѣснь. Особенно трудно было ей передать ему понятіе объ Эросѣ,

о существованіи котораго молодой еврей не имѣлъ никакого понятія.

— Эросъ—говорила она съ плутовской улыбкой—греческій богъ любви, милый ребенокъ съ пестрыми крыльями и повязкой на глазахъ, вооруженный стрѣлами и лукомъ.

— По всей вѣроятности, злой демонъ,—замѣтилъ Рувимъ,—жестокій идолъ въ родѣ Ваала или Молоха, которому приносились кровавыя человѣческія жертвы.

— Нѣтъ, мой другъ! Этотъ не жестокъ; жертвы, приносимыя ему, состоятъ только изъ поцѣлуевъ, а самая пріятная для слуха его молитва—вздохи влюбленныхъ.

— Но въ такомъ случаѣ для чего ему стрѣлы и лукъ? Что значить повязка на его глазахъ и почему онъ съ крыльями?

— Потому что любовь и слѣпа, и убѣгаетъ слишкомъ быстро. Стрѣлою своею онъ цѣлитъ въ сердце, но раны, которыя онъ наноситъ, не опасны и скоро исцѣляются.

— Ну, такъ стало быть этотъ богъ не истинной любви,—потому что истинная любовь вѣчна.

— Вѣчна! Гдѣ же это найти такую любовь? Ты видала ее? спросила Береника, устремляя на него томный взглядъ.

— Я!—прошепталъ онъ, покраснѣвъ.—Я не знаю... Я только думалъ, что этотъ...

— Чудовище, — перебила она его весело; — не безпкойся, онъ не убьетъ тебя. Хочешь увидѣть его?

— Какъ!—съ изумленіемъ воскликнулъ онъ;—да развѣ бога любви можно видѣть?

— Если ты будешь вести себя хорошо и не болтать, я покажу тебѣ его.

— Ты все только шутишь со мною и забавляешься моимъ невѣжествомъ.

— Любовью нельзя играть безнаказанно. Ну, смотри, невѣрующій юноша!

Она пожала пальцемъ золотую пуговицу, стѣна надъ ея постелью раздалась, и въ скрытой нишѣ появился Эротъ, въ томъ видѣ, какъ создала его артистическая рука знаменитаго Праксителя, — чудно-прекраснымъ, вполне развившимся юношей, погруженнымъ въ сладкія грезы.

При искусственно слабомъ освѣщеніи мраморъ точно оживился, бѣлая грудь какъ будто заколебалась и руки съ возделѣньемъ протянулись впередъ. Видъ этой цвѣтущей, кипучей молодости, это выраженіе стыдливаго томленья и чувственныхъ желаній пробудили въ сердцахъ Рувима, помимо его воли, такое же настроеніе и сообщили его чертамъ несомнѣнное сходство съ великолѣпнымъ изваяньемъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что двѣ мягкія руки обвились вокругъ его шеи и пламенный поцѣлуй обжегъ его цвѣтущія губы.

— Знаешь ли ты теперь, что такое Эросъ?—спросилъ его страстный голосъ.

Когда Рувимъ нѣсколько мгновеній спустя очнулся, онъ увидѣлъ себя у ногъ прекрасной Береники, которая, улыбаясь, наслаждалась его смущеніемъ и своей бѣлой рукой играла его черными кудрями.

— Ты еще многого не знаешь—сказала она шутливо— о чемъ и учителя твои не имѣютъ понятія. Но если ты отнынѣ будешь послушенъ и разуменъ, то ты можешь научиться у меня въ одинъ день большому, чѣмъ у мудрецовъ твоихъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

— Я вижу, что ты не только самая прекрасная, но и самая умная изъ всѣхъ женщинъ, и что немногіе мужчины могутъ сравниться съ тобою умомъ и образованіемъ.

— Этимъ я обязана моей матери, которая дала мнѣ лучшее образованіе, чѣмъ какое получаютъ обыкновенно еврейскія женщины. Она брала для меня греческихъ учителей и читала со мною Гомера и Платона.

— Я никогда не слыхалъ о нихъ. Кто они были?

— Величайшій поэтъ и первый философъ въ мірѣ. Со временемъ я познакомлю тебя съ ихъ твореніями.

И она стала говорить ему о греческихъ богахъ и герояхъ, о Зевсѣ-громовержцѣ и о красавицѣ Венерѣ, о храбромъ Ахиллѣ и мужественномъ Гекторѣ, объ Агамемнонѣ и Улиссѣ, объ Еленѣ и Пенелопѣ, о Цирцѣ и Навзикаѣ, о лучезарномъ Фебѣ и о могучемъ Посейдонѣ, о цѣломудренной Діанѣ, о не-реидахъ, нимфахъ, дриадахъ и т. д. Рядомъ съ этими очаровательными образами она старалась объяснить ему великое уче-

нѣ Сократа, истины Платона, и т. д. Наконецъ, эта, посвященная во всѣ тайны политики, знакомая со всѣми придворными интригами, женщина ознакомила Рувима съ тѣми незримыми руками и скрытыми нитями, которыя руководили судьбами народовъ. Она была столь же хорошо знакома съ событіями въ Римѣ, какъ съ планами и надеждами еврейскихъ патріотовъ, съ наиболѣе выдающимися личностями при дворѣ Нерона и съ его фаворитами, какъ и съ вожаками партій въ Іерусалимѣ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ бесѣды съ ней умственный горизонтъ Рувима замѣтно расширился, въ его душѣ пробудился цѣлый рой дремавшихъ доселѣ мыслей. Въ ея обществѣ часы проходили для Рувима, какъ минуты. Онъ не уставалъ слушать ее и не въ состояніи былъ оторваться отъ нея.

Польщенная его непритворнымъ удивленіемъ, привлекаемая его необыкновенной красотой, умомъ, и въ особенности его невинностью, Береника вполне предалась этой новой страсти, которая общала ей болѣе, чѣмъ одно только чувственное наслажденіе.

— На сегодня довольно!—сказала она, поднимаясь съ своего ложа.—Меня ждетъ мой братъ; но завтра я тебя снова увижу въ этотъ же часъ.

— Мое сердце жаждетъ той минуты, когда я снова буду сидѣть у твоихъ ногъ и слушать твои рѣчи.

— Ступай, мой другъ, и прежде всего не забывай Эроса.

— Я буду видѣть во снѣ тебя и его.

— Будь вѣренъ и молчаливъ. Тогда этотъ божокъ будетъ благоволять къ тебѣ и награждать тебя болѣе, чѣмъ ты смѣешь ожидать.

Рувимъ, какъ опьянѣлый, пошелъ изъ дворца прекрасной Береники въ домъ Гиллея, гдѣ давно уже ожидала его Миріамъ, обезпеченная его долгимъ отсутствіемъ. При видѣ ея какъ бы исчезли чары обольстительной царевны, прекратилось мимолетное опьянѣніе. Онъ однако не могъ скрыть нѣкотораго безповойства и странной разсѣянности.

Съ совершенно невѣдомой ему доселѣ страстностью онъ обнялъ любимую дѣвушку и прижалъ ее къ своей груди.

„Что ты дѣлаешь!“ — воскликнула она испугавшись, покраснѣвъ и вырываясь изъ его объятій. — „Такъ тебѣ не слѣдуетъ дѣловать меня. Это грѣшно и я этого не желаю“.

X.

Между тѣмъ въ Иерусалимѣ снова начались безпорядки, которые, впрочемъ, на этотъ разъ были направлены не противъ римлянъ, а противъ Агриппы, такъ какъ народъ считалъ себя обманутымъ имъ. Въмѣсто того, чтобы настаивать, какъ онъ обѣщалъ, на отозваніи ненавистнаго Флора, Агриппа, казалось, желалъ принять сторону послѣдняго и приглашалъ народъ повиноваться прокуратору.

Возмущенный его двуличностью, подстрекаемый Элеазаромъ, народъ собрался передъ царскимъ дворцомъ и сталъ громко произносить противъ Агриппы угрозы. Раздраженный этими непрерывными оскорбленіями и неувѣренный въ своей безопасности, Агриппа рѣшился покинуть съ своей сестрой Иерусалимъ и удалиться въ одну изъ крѣпостей.

— Я не понимаю — сказала Береника, которой онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи — почему ты не хочешь исполнить справедливыхъ желаній твоего народа и берешь сторону презрѣннаго Флора?

— Ты забываешь, что Флоръ пользуется расположеніемъ Нерона и имѣетъ могущественныхъ друзей при дворѣ.

— Со смертью императрицы Помпеи, которой онъ обязанъ всѣмъ своимъ положеніемъ, онъ потерялъ послѣднюю свою опору. Намъ нечего больше опасаться его. На твоемъ мѣстѣ я бы потребовала его отозванія. Въ поводахъ у тебя нѣтъ недостатка. Подумай только, какъ подло онъ поступилъ съ тобой. Этого одного достаточно, чтобы низвергнуть его.

— Съ нашей стороны было бы неблагоразумно удалять его именно теперь. Еврейскій народъ повинуется только сильной рукѣ и на него можно дѣйствовать только страхомъ. Поэтому нужно имѣть снисхожденіе къ излишней строгости Флора. Мы въ настоящее время не можемъ обойтись безъ него. Если бы не было римлянъ, то нашей власти своро былъ бы положенъ конецъ. Они — лучшая наша защита.

— По моему мнѣнію—возразила Береника—ты поступилъ бы умнѣе и лучше, если бы сталъ опираться на друзей мира въ Іерусалимѣ. Въ союзѣ съ благомыслящими гражданами мы будемъ достаточно сильны, чтобы сдерживать крайнихъ и обуздывать партію войны.

— Что ты такое говоришь!—отвѣтилъ слабый, трусливый Агриппа.—Если мы это сдѣлаемъ, то мы погибли. Малѣйшая попытка устроить наши дѣла самостоятельно и безъ поддержки римлянъ возбудила бы подозрѣніе Нерона и мы лишились бы власти. Намъ ничего болѣе не остается, какъ покинуть пова городъ и затѣмъ подавить возстаніе съ помощью прокуратора.

— А къ чему это поведетъ?—спросила она съ неудовольствіемъ.—Монархъ, обязанный своей властью исключительно милости враговъ, обреченъ погибели. Его народъ презираетъ его, а союзники отступятся отъ него, когда онъ имъ сдѣлается ненуженъ. Онъ подобенъ съѣденному червемъ дереву, которое способенъ сломать первый порывъ вѣтра.

— Ну такъ что же мнѣ дѣлать? Говори! Соединиться съ еврейской сволочью и возстать противъ римлянъ?

— Будь твердъ и мужественъ, какъ подобаетъ мужчинамъ—отвѣтила Береника, гордо выпрямляясь.—Великій Иродъ создалъ могущественное государство при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, лишь благодаря своей смѣлости и рѣшительности.

— Но и онъ обязанъ былъ своимъ счастьемъ лишь дружбѣ римлянъ и благосклонности Августа.

— Но они столько же уважали его, сколько боялись іудеевъ. Онъ не былъ рабомъ, а союзникомъ императора. Еслибъ онъ жилъ дольше, то онъ подчинилъ-бы себѣ всю Азію и раздѣлил-бы съ римлянами владычество надъ міромъ.

— Опять твои старья бредни!—иронически проговорилъ Агриппа.—Безумно даже думать объ этомъ.

— Я желала-бы—воскликнула Береника съ блистающими глазами—родиться мужчиной, чтобы осуществить эти мои бредни! Неужели Востокъ созданъ для того, чтобы служить Западу? Развѣ мы не древнѣе и умнѣе римлянъ и не столь же храбры, какъ они? Когда Римъ былъ еще нищенской

деревней, населенной дикими, бѣдными мужиками, уже блистали Ниневія и Вавилонъ, Фивы и Персиполисъ, свѣтился уже Иерусалимъ съ своимъ храмомъ!—Развѣ мы не избранный Богомъ народъ? Развѣ въ Писаніи не сказано, что изъ нашего народа, изъ Давидова племени, выйдетъ царь, которому будутъ покоряться всѣ народы земли?

— Глупая болтавня, горделивыя бредни обманутыхъ фантазеровъ — возразилъ Агриппа съ презрительною улыбкой.—Кто теперь станетъ вѣрить этимъ дѣтскимъ сказкамъ!

— И все таки придетъ еще этотъ царь, котораго народъ ожидаетъ съ такимъ пламеннымъ нетерпѣніемъ. О!—взкликнула она вдохновенно — я его буду искать, пока я найду его, я буду почитать его какъ Бога и, какъ рабыня, буду лежать у ногъ его. Что можетъ быть возвышеннѣе для женщины какъ любить истиннаго царя, настоящаго царственнаго мужа!

— Ей Богу—замѣтилъ онъ съ удивленіемъ—я не узнаю моей умной сестры. Ты бредишь какъ неопытная дѣвчонка. Что съ тобою приключилось?

— Ты бы все равно не понялъ меня—отвѣтила она съ горечью—если-бы я вздумала объяснять тебѣ, что волнуетъ мое сердце.

— Вѣрно опять новая любовь — пошутилъ ей братъ, — которую ты такъ же скоро забудешь, какъ прежнія.

Не удостоивъ брата своего отвѣта, разсерженная царевна ушла отъ него и отправилась въ свой дворецъ, гдѣ она съ нетерпѣніемъ стала поджидать Рувима, которому она велѣла прийти въ этотъ день. Пламенная Беренига, любовь которой съ каждымъ днемъ пылала все ярче, не могла выносить мысли о предстоящей разлуцѣ. Подобно всѣмъ старѣющимъ женщинамъ, она любила молодаго человѣка демонической страстью, соединявшей въ себѣ нѣжность матери съ безумной страстностью многоопытной женщины. Ей казалось, что она переживала вмѣстѣ съ нимъ свою молодость, бывше идеалы. Вблизи его она сама себѣ казалась лучше, чище; его невинность представляла для нея особую прелесть. Желаніе создать его счастье, развить его умъ, образовать его сердце, сдѣлать его повѣреннымъ ея великихъ помысловъ, носителемъ

ея честолюбивыхъ плановъ и смѣлыхъ стремленій, представляло для нея особую прелесть и доставляло ей никогда не испытанное доселѣ удовольствіе. Она чувствовала, что эта любовь какъ-бы возвысила и облагородила ее, между тѣмъ какъ прежнія ея любовныя связи, въ особенности вскорѣ расторгенный бракъ съ царемъ Киликійскимъ Палемономъ, небольшимъ азіатскимъ деспотомъ, только унизили и запятнали ее, почему она и не могла вспоминать о нихъ, не краснѣя.

Хотя Рувимъ и не раздѣлялъ ея страсти, но онъ все же не могъ противустоять обаянію прекрасной женщины. Ея красота, еще болѣе увеличиваемая съ помощью искусства, ея высокое образованіе и превосходство ея ума, производили на него чарующее вліяніе, хотя онъ чувствовалъ въ ея присутствіи какую-то странную неловкость. Но пока онъ сидѣлъ рядомъ съ нею и слушалъ ея обошительныя рѣчи, онъ забывалъ, подъ чарующимъ обаяніемъ ея бесѣды, всѣ невольныя возникавшія въ немъ сомнѣнія. Онъ научился отъ нея большому, чѣмъ отъ всѣхъ своихъ учителей; богатство ея знаній привлекало его еще больше, чѣмъ ея красота и высокое положеніе.

Среди шутокъ и смѣха она познакомила его мало по малу съ сокровищами греческой литературы. Въ непродолжительномъ времени онъ уже могъ, съ ея помощью, не только читать Гомера и Платона, но и понимать и оцѣнивать ихъ. Это обогащеніе его познаній доставляло ему неописанное наслажденіе, которое увеличивалось еще вслѣдствіе таинственности, такъ какъ онъ, въ виду религіознаго предубѣжденія евреевъ противъ языческаго образованія, не рѣшался говорить объ этомъ ни съ кѣмъ, даже съ возлюбленной Мириамъ.

Береника посвятила его также въ свои тайныя планы и въ политическія тонкости. Несмотря на свой недюжинный умъ и свое высокое умственное развитіе, и она не была свободна отъ предрасудковъ и заблужденій своего времени. Подобно большинству евреевъ, и она мечтала о возрожденіи Востока, ожидала скорого пришествія обѣщаннаго Мессіи, котораго она, какъ и большинство ея современниковъ, представляла себѣ не иначе, какъ могучимъ свѣтскимъ владыкой.

Когда-то старая гадалщица предсказала ей, что она сдѣлается императрицей и возсядетъ на могущественнѣйшій престолъ, если ей удастся приобрѣсти любовь избраннаго Господомъ для владычества надъ міромъ, но пока еще неизвѣстнаго, Мессии. Эта мысль занимала ее день и ночь и связывалась съ настоящей ея новой любовью. По временамъ умная царевна видѣла въ Рувимѣ, не смотря на его скромное общественное положеніе, возвѣщеннаго ей героя и супруга своего, и она всецѣло предавалась этимъ фантастическимъ мечтаніямъ.

— Если я—думала она въ тиши—поддержу его моимъ вліяніемъ, моимъ близкимъ знакомствомъ съ положеніемъ дѣль, моимъ богатствомъ и моими связями, то Рувимъ легко можетъ сдѣлаться царемъ. Еврейскій народъ любитъ меня, какъ онъ любилъ Маріамну. Слабаго Агриппу рано или поздно заставятъ отречься отъ престола. Рувимъ—родственникъ вліятельнаго семейства Гиллея и, подобно ему, происходитъ отъ колѣна Давидова, слѣдовательно въ его жилахъ течетъ царская кровь. Онъ обладаетъ всѣми достоинствами, необходимыми для царя—красотой, мужествомъ, храбростью и умомъ. Если я приму его сторону и выберу его своимъ мужемъ, то народъ съ радостью признаетъ его своимъ царемъ. Разъ овладѣвъ властью, онъ конечно безъ труда съумѣетъ удержать ее и добиться признанія ея императоромъ. Я знаю Римъ, Нерона и его дворъ. Кесарь вѣчно нуждается въ деньгахъ и нѣсколькихъ боченковъ золота будетъ достаточно, чтобы склонить на нашу сторону и его, и сенатъ. Располагая деньгами, мы наберемъ солдатъ, приобрѣтемъ союзниковъ — персовъ, парянъ, всѣхъ владѣтелей Азіи и...

Ея мечтанія о будущей міровой имперіи были прерваны приходомъ Рувима, не имѣвшаго ни малѣйшаго понятія о предназначавшейся ему высокой роли.

— Наконецъ-то!—воскликнула она, схватывая его руку и держа ее такъ крѣпко, какъ будто она никогда не желала болѣе выпускать ее.—Гдѣ ты пропадалъ такъ долго? Я имѣю сообщить тебѣ нѣчто весьма важное, не терпящее отлагательства.

— Извини меня—отвѣтилъ онъ въ волненіи,—но мнѣ пришлось сдѣлать большой обходъ, такъ какъ народъ преградилъ доступъ въ дворецъ. Если Агриппа не уступитъ и не станетъ настаивать на отозваніи прокуратора, то можно опасаться новаго возстанія.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла! Мы завтра повидаемъ Иерусалимъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—Ты увѣжаешь?

— Агриппа желаетъ этого и я должна слѣдовать за нимъ.

— Ты пугаешь и огорчаешь меня—сказалъ Рувимъ печальнымъ голосомъ.—Я не могу представить себѣ, какъ я буду жить безъ тебя.

Лучъ радости блеснулъ въ ея глазахъ и на губахъ ея скользнула улыбка. Огорченіе его при извѣстіи объ ея отъѣздѣ въ ея глазахъ не оставляло сомнѣнія въ его любви.

— Успокойся—ласково сказала она.—И я не могу себѣ этого представить. Поэтому ты поѣдешь съ нами.

— Это невозможно—воскликнулъ Рувимъ въ испугѣ.—Я не могу, я не смѣю...

— Что тебѣ препятствуетъ, если я этого желаю? Кто можетъ удержать тебя?

— Мои родные, мои обязанности, обстоятельства...

— Родные твои не настолько близки тебѣ, чтобы служить помѣхой тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нашемъ счастьи, о нашей будущности, о цѣломъ мірѣ.

— Я тебя не понимаю,—пробормоталъ онъ въ смущеніи.—Скажи мнѣ...

— Ты все узнаешь. Но прежде поклянись мнѣ, что ты сохранишь тайну, такъ какъ моя и твоя жизнь зависятъ отъ твоего молчанія. Горе тебѣ и мнѣ, если ты меня обманешь, если хоть одинъ человѣкъ догадается о нашихъ планахъ!

Испуганный ея темными рѣчами, Рувимъ далъ требуемую отъ него вѣдъ, послѣ чего Берениа посвятила его въ свои честолюбивые планы и виды.

Съ тою изумительною рѣзкостью и ясностью, которыя у такихъ выдающихся женщинъ нерѣдко соединяются съ самою смѣлою, безграничною фантазійю, царевна набросила

предъ нимъ поразительную картину положенія тогдашняго міра, изобличавшую въ ней глубокое знакомство какъ съ римскими дѣлами подъ владычествомъ Нерона, такъ и съ разрозненностью евреевъ.

— Наша родина—говорила она—раздирается въ настоящее время борьбой партій, которыя навидываются другъ на друга съ слѣпымъ ожесточеніемъ. Фарисеи и Саддукеи, Гилелиты и Шамаиты, ненавидятъ и преслѣдуютъ другъ друга. Большинству народа надоѣли эти религіозныя и политическія распри и оно жаждетъ спокойствія. Къ несчастію, у насъ нѣтъ рѣшительнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумнаго человѣка, вокругъ котораго могли-бы сгруппироваться лучшіе элементы. Къ тому же мужскіе потомки Ирода несимпатичны народу и непопулярны. Народъ желаетъ имѣть царя изъ своей среды, изъ колѣна Давидова, онъ ждетъ обѣщаннаго Мессію.

— У кого хватить смѣлости, чтобы выдавать себя за Мессію?—замѣтилъ Рувимъ.—Всѣ, кто доселѣ пытались сдѣлать это, заплатились за это жизнью.

— Это произошло отъ того, что они не дали народу того, чего онъ отъ нихъ ожидалъ.

И затѣмъ Береника стала перечислять удивленному Рувиму всѣ находящіяся въ ея распоряженіи средства, богатство, унаслѣдованное ею отъ родителей, и въ особенности отъ ея прабабки Клеопатры, свои связи съ римскимъ дворомъ, свою дружбу съ предводителями еврейскихъ партій и свои тайныя сношенія съ маленькими азіятскими владѣтельными князьями и съ сосѣдними племенами.

— Достаточно одного моего слова—говорила увлекаящаяся женщина—чтобы возвести на престолъ того человѣка, на которомъ я остановлю мой взоръ, и чтобы заставить народъ избрать его. Въ моихъ кладовыхъ лежатъ цѣлыя груды золота, серебра и драгоценныхъ камней. Этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы нанять значительное войско, въ которое войдутъ и галлы, и паряне, и скины. Первосвященникъ Матія мнѣ другъ. По одному моему слову онъ поспѣшитъ помазать на царство того человѣка,

на котораго я ему укажу. Весь Востокъ поднимется, какъ одинъ человѣкъ, и соберется вокругъ насъ...

Въ своемъ воодушевленіи Береника продолжала развивать самыя смѣлыя и несбыточные планы. Даже молчаніе пораженнаго Рувима не въ состояніи было остановить полетъ ея фантазіи. Она видѣла въ немъ лишь признакъ весьма понятнаго съ его стороны изумленія и преклоненія передъ ея умственнымъ превосходствомъ.

— Ты удивляешься—продолжала она тѣмъ же тономъ, —потому что ты не считалъ меня способной на такое великое дѣло и все еще сомнѣваешься въ возможности успѣха. Но я все обдумала, взвѣсила всѣ шансы, предусмотрѣла всѣ затрудненія. Слѣдуетъ опасаться лишь могущества римлянъ; только они могутъ воспротивиться нашему плану. Но я знаю и ихъ слабыя стороны. На деньги въ Римѣ все можно купить—почести и званія, престолы и короны. Неронъ совершенно не заботится о дальнемъ Востокѣ, и для него все равно, кто тамъ царствуетъ—Агриппа, или другой царь, лишь бы ему аккуратно платили слѣдующую ему дань. Кто ему больше дастъ, тотъ для него и хорошъ. Но еслибъ онъ—прибавила она шопотомъ—отказалъ намъ въ своемъ согласіи и принялъ враждебное относительно насъ положеніе, то найдутся и другія средства, чтобы сломить его упорство. И Кесарь смертенъ, хотя онъ заставляетъ почитать себя, какъ божество. Заговоръ раздраженнаго противъ него сената, вызванное и поддержанное нами возстаніе войскъ, какой-нибудь искусно приготовленный напитокъ или кушанье изъ ядовитыхъ грибовъ, подобное тому, которое самъ Неронъ поднесъ Клавдію, могутъ привести насъ къ цѣли.

Рувимъ, пораженный смѣлостью этой женщины, слушалъ ее, пораженный ужасомъ. Къ чувству удивленія передъ ея величіемъ примѣшивался невольный ужасъ, который внушала ему ея, ни передъ чѣмъ не отступающая, рѣшительность. Но болѣе всего пугали и тревожили его ея любовь, сила ея страсти, которой онъ до сихъ поръ и не подозрѣвалъ и которую онъ не раздѣлялъ. Онъ боялся ея гнѣва въ то мгновеніе, когда она пойметъ свою ошибку. Но боязнь передъ могущественной царевной, уваженіе къ ея высокому

положенію, состраданіе къ любящей женщинѣ и удивленіе передъ ея умою закрывали ему уста и мѣшали ему сказать ей правду. Онъ не осмѣливался вывести ее изъ ея заблужденія и прервать ея изліянія.

— Завтра—сказала Береника, поднимаясь съ мѣста—мы покинемъ городъ. На дорогѣ намъ не трудно будетъ склонить Агриппу къ отреченію, такъ какъ ему и безъ того надобли правительственныя заботы и онъ помышляетъ лишь объ удовольствіяхъ. Если мы обѣщаемъ ему жизнь и пользованіе его доходами, онъ согласится на все, чего мы потребуемъ. Начальникъ стражи преданъ мнѣ и мы можемъ вполнѣ рассчитывать на него. Войска провозгласятъ тебя царемъ. Во главѣ ихъ мы возвратимся въ Іерусалимъ, соберемъ народъ въ храмъ, гдѣ, извѣщенный уже обо всемъ, первосвященникъ возложитъ корону на твою голову...

— Стой!—воскликнулъ Рувимъ, у котораго закружилась голова.—Было бы преступно съ моей стороны слушать тебя дольше и этимъ какъ бы поощрять твои замыслы.

— Что я слышу?—проговорила она, уставивъ на него глаза.—Неужели я ошиблась въ тебѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу повѣрить тому, чтобъ у тебя не хватало храбрости. Просто неожиданное счастье смутило и поразило тебя.

— То, чего ты отъ меня требуешь,—чистое безуміе...

— Успокойся, мой другъ—сказала она, едва обращая вниманіе на его сопротивленіе.—Предстоящее тебѣ величіе пугаетъ тебя. Но ты скоро свыкнешься съ этой мыслью...

— Никогда!—воскликнулъ онъ, содрогаась.

— Не будь безумцемъ, Рувимъ. Въ тебѣ еще сказывается скромный ученикъ. Но ты совѣстливъ не во-время и не въ мѣру. Не слушай того непрошеннаго совѣтника, который сидитъ въ тебѣ самомъ и парализуетъ твою энергію и твои силы. Еслибъ Александръ и Юлій Цезарь были такъ совѣстливы, они никогда не завоевали бы міра и умерли бы въ неизвѣстности. Подумай о томъ, что дѣло идетъ о коронѣ, о твоемъ и моемъ счастьи, о владычествѣ надъ всѣмъ Востокомъ.

— И еслибы даже ты предлагала мнѣ всѣ короны земли и владычество надъ всѣмъ міромъ, я бы все-таки отказался.

— Ты самъ не знаешь, что говоришь, потому что ты не знаешь блаженства власти. Но тотъ, кто разъ отвѣдалъ этого опьяняющаго напитка, никогда отъ него не откажется. Что можетъ быть восхитительнѣе, какъ стоять высоко надъ всѣми людьми, не знать никакой воли надъ собой, видѣть у ногъ своихъ цѣлый народъ, не быть ни передъ кѣмъ отвѣтственнымъ?

— Я чувствую, что не въ силахъ слѣдовать за тобой на эту высоту.

— Будь спокоенъ. Я подниму тебя моими сильными руками до себя и научу тебя пользоваться твоими крыльями. Съ моею помощью ты восторжествуешь надъ всѣми препятствіями. Я научу тебя властвовать, буду помогать тебѣ, пока ты самъ почувствуешь въ себѣ силу носить корону. Я буду раздѣлять съ тобой опасности и побѣды.

— Ты расточаешь свою милость недостойному. Никогда я...

— Довольно! — прервала она его съ нетерпѣніемъ. — Время проходитъ въ пустыхъ разговорахъ, между тѣмъ какъ теперь дорогъ каждая минута. Намъ нужно еще сдѣлать необходимыя приготовленія, такъ какъ мы завтра съ разсвѣтомъ пускаемся въ путь. Я буду ожидать тебя завтра рано утромъ въ моемъ дворцѣ, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не разставаться съ тобою.

Но Рувимъ продолжалъ выставлять ей на видъ причины своего отказа, невозможность для него сопровождать ее, свою неспособность къ предназначаемой ему высокой роли, свою неопытность и свое искреннее желаніе довольствоваться гораздо болѣе скромной ролью. „Я—говорилъ онъ — ничто иное, какъ скромный ученикъ. У меня нѣтъ ничего такого, чего народъ въ правѣ требовать отъ своего царя: ни значаго происхожденія, ни внушительной внѣшности, ни могущества, ни состоянія, ни ума, а, главное, во мнѣ нѣтъ вѣры въ такое высокое призваніе, безъ которой человѣкъ, помогающійся блестящаго положенія, является жалкимъ обманщикомъ въ глазахъ свѣта и въ своихъ собственныхъ.

— Развѣ ты не изъ колѣна Давидова? — съ жаромъ возразила она. — Развѣ ты не членъ семейства Гиллея? А

то, чего тебѣ недостаетъ — у меня вдоволь: могущества, богатства, опытности и знакомства съ дѣлами. Если я стану на твою сторону, народъ признаетъ тебя. А разъ на твоей головѣ будетъ корона, ты увѣруешь и въ свое призваніе.

— Прости меня — воскликнулъ онъ въ отчаяніи, опускаясь предъ нею на колѣна. — Я не свободенъ и не могу принять изъ твоихъ рукъ корону; я люблю Мириамъ, дочь Симона, съ которою я обрученъ.

Береника вздрогнула. Глаза ея, не предвѣщавшіе ничего добраго, уставились на него съ выраженіемъ злобы, ненависти и оскорбленной гордости.

— Измѣнникъ! — прохрипѣла она. — Жалкій рабъ! Ты долженъ умереть!

— Убей меня — сказалъ Рувимъ, блѣдный, но безстрашный. — Видитъ Богъ — я невиненъ!

Обезумѣвъ отъ ярости, оскорбленная церевна выхватила кинжалъ, который она со времени послѣдняго нападенія постоянно носила на своемъ поясѣ. Подобно фурии, она кинулась на Рувима; рука ея уже поднялась для удара, какъ вдругъ глаза ихъ встрѣтились. Она невольно вздрогнула и отравленный кинжалъ выпалъ изъ ея руки.

XI.

Съ тѣхъ поръ, какъ слабый Агриппа и обманувшаяся въ своихъ надеждахъ Береника покинули городъ, въ Иерусалимѣ не прекращалось глухое броженіе и все предвѣщало близкую грозу. Враждебныя стороны ждали только случая, чтобы снова помѣряться силами и возобновить борьбу. Особенно ревностно агитировалъ начальникъ храмовой стражи Элеазаръ, побуждаемый какъ пламеннымъ патріотизмомъ, такъ и честолюбіемъ. Благодаря своему положенію и той популярности, которою онъ пользовался среди толпы, видѣвшей въ немъ своего спасителя, ему удалось приобрести многочисленныхъ сторонниковъ и вліяніе его усиливалось съ каждымъ днемъ. Большинство священниковъ и левитовъ были преданы ему и слушали его столько же, если не болѣе, чѣмъ первосвященника. Онъ рассчитывалъ съ помощію ихъ и мно-

гочисленной своей партіи осуществить свои затаенные планы — свергнуть иго римлянъ и въ то же время отмстить своимъ личнымъ врагамъ.

Руководимый этими побужденіями, Элеазаръ отправился ночью къ храму, занятому его сторонниками, чтобъ осуществить свой замыселъ. Выставленные имъ въ разныхъ мѣстахъ—у воротъ храма, въ преддверіи его и въ залахъ— часовые, на которыхъ онъ могъ вполне положиться, встрѣчали его словами: „Миръ съ тобою, Элеазаръ!“ Лично убѣдившись въ ихъ бдительности и вѣрности, онъ далъ имъ необходимыя инструкціи на слѣдующій день. Самъ онъ вышелъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ спутниковъ, въ храмъ, чтобы провести ночь, какъ того требовала его должность, въ самой святынѣ и заботиться о безопасности ея. Двери еще были заперты и глубокой мракъ господствовалъ въ сѣняхъ, освѣщаемыхъ только одной неугасаемой лампадкой. Невольная дрожь пробѣжала по тѣлу храбраго Элеазара, который, прислонившись къ одной изъ колоннъ, освѣщенной мрачнымъ свѣтомъ горѣвшихъ факеловъ, раздумывалъ о своемъ опасномъ замыслѣ. По временамъ ему казалось, что онъ слышитъ голоса, которые шопотомъ предостерегали его отъ опаснаго предпріятія. А то вдругъ мимо него какъ будто мелькали какія-то тѣни, которыя наполняли его сердце ужасомъ, такъ какъ и онъ не былъ свободенъ отъ суевѣрныхъ предрасудковъ своего времени.

Но вскорѣ эта мимолетная слабость и трусливость исчезли и онъ сталъ думать о предстоящемъ торжествѣ своемъ, объ удивленіи своихъ враговъ, о своемъ великомъ предпріятіи, въ успѣхъ котораго онъ не сомнѣвался. „Оно должно мнѣ удался“—думалъ онъ. „Я могу положиться на мою команду. Священники и левиты слушаются меня, а народъ мнѣ преданъ. Если Богъ поможетъ мнѣ, то я освобожу Его священный городъ отъ враговъ и прогоню изъ него чужеземцевъ.“

Съ нетерпѣніемъ Элеазаръ сталъ ожидать восхода солнца. Наконецъ стало свѣтать. Трубные звуки призывали народъ и священниковъ къ молитвѣ. Первые лучи восходящаго солнца ярко освѣтили внутренность храма, росписанныя

золотомъ стѣны его, блестящіе сосуды и кадилаицы. Все зданіе вдругъ какъ бы озарилось яркимъ пламенемъ. Элеазаръ и его спутники невольно вздрогнули при видѣ этого яраго свѣта, какъ бы заревомъ охватившаго святыню. Даже тогда, когда они убѣдились въ своей ошибкѣ, они не сразу могли успокоиться, такъ какъ видѣли въ этомъ необычномъ свѣтѣ недоброе предзнаменованіе. Охваченные страхомъ и смутными предчувствіями, они шопотомъ передавали другъ другу о подобныхъ же явленіяхъ, о кровавомъ дискѣ луны и о длиннохвостыхъ кометахъ, которыя недавно стали появляться на горизонтѣ, о замѣченномъ въ послѣднія недѣли какомъ-то непонятномъ шумѣ внутри храма, происходящемъ какъ будто отъ того, что многочисленная толпа собирается покинуть его; иные увѣрили, будто даже слышались голоса: „Прочь, прочь отсюда!“ *

— Глупыя бредни—сердито прервалъ Элеазаръ эти рассказы своихъ суевѣрныхъ товарищей.—Храмъ Божій стоитъ твердо, какъ земля, и столь же вѣченъ, какъ небо. Самъ Іегова осѣняетъ свою святыню и сонмы ангеловъ охраняютъ ее. Никакая земная сила не можетъ поколебать ее. Домъ Господень неприступенъ и враги для него не страшны.

— Аминь! — раздалось вокругъ него.

Въ это время Элеазару принесли надѣтые на желѣзную цѣпь ключи отъ храма. Въ то же время съ разныхъ сторонъ прибывали дежурные священники, съ донесеніемъ, что все въ порядкѣ, и стали ожидать его приказаній. По его распоряженію, запертыя еще ворота были отворены и давно уже ожидавшій открытія ихъ народъ сталъ стекаться въ храмъ. Затѣмъ, по жребію, были выбраны священники, которые должны были совершать богослуженіе, причемъ Элеазаръ принялъ заранѣе свои мѣры къ тому, чтобы въ число избранныхъ попали только люди, на которыхъ онъ могъ вполне положиться. Послѣ того, какъ всѣ еще разъ торжественно повѣялись ему въ вѣрности, послушаніи и молчаливости, онъ сообщилъ имъ свой планъ и взялъ съ нихъ

* Флавій, „Еврейская война“, книга 2, гл. 22; кн. 6, гл. 5, 34. Тацитъ, книга 5, гл. 14. Галмудъ Вавилонскій, „Песахимъ“, 57, а.

торжественное обѣщаніе, что они въ точности будутъ исполнять всѣ его распоряженія, такъ какъ отъ этого зависитъ весь успѣхъ предпріятія.

Во время этихъ приготовленій, требовавшихъ извѣстнаго времени, народъ, по обыкновенію, сталъ собираться во дворѣ. Въ этотъ день прибыли въ особенно значительномъ числѣ вожаки крайней, воинственной партіи, обмѣнивавшіеся многозначительными взглядами и знаками. На ихъ лицахъ можно было прочесть извѣстное волненіе, и, не смотря на святость мѣста, взволнованная толпа выражала замѣтное безпокойство.

Началось обычное богослуженіе. По данному знаку, народъ палъ ницъ и левиты затынули пѣснь. Пять священниковъ стали кадить и зажгли свѣчи въ большихъ золотыхъ подсвѣчникахъ; остальные, поднявъ руки, благословили народъ. Затѣмъ слѣдовало приступить къ жертвоприношенію, которое въ этотъ день лично совершалъ первосвященникъ Матія-бенъ-Теофилъ. Облеченный въ священныя одежды, онъ поднялся по высокой лѣстницѣ къ каменному алтарю, на которомъ уже пылало яркое пламя. Медленными шагами онъ обошелъ алтарь, читая установленныя молитвы. Сослужившіе ему священники передавали ему назначенные для жертвоприношенія куски мяса, муку и вино для возліанія. Каждый разъ, какъ первосвященникъ бросалъ въ пламя часть жертвоприношенія, левиты, по данному его помощникомъ знаку, трубили въ серебряные литавры, цимбалисты ударили по своимъ инструментамъ, пѣвчіе затыгивали гимнъ и народъ благоговѣнно опускался на колѣна*.

Уже были принесены всѣ установленныя благодарственныя и покаянныя жертвоприношенія, какъ случилась неожиданная смута, нарочно вызванная Элезаромъ. Въ то время, когда первосвященникъ собирался приносить обычную жертву за императора и за римскій народъ и уже протягивалъ руку за приготовленнымъ для того кускомъ мяса, ассистировавшій ему священникъ замедлил подачей ему мяса. Въ то же время Элезаръ нарушилъ священнодѣйствіе, громкимъ

* Юсть, „Исторія іудейства и его сектъ“, Томъ I, стр. 158—161.

голосомъ приглашая народъ не допускать болѣе приношенія жертвъ за римлянъ. Какъ было ранѣе условлено, священники отказались продолжать службу, а преданные Элеазару левиты подняли крикъ, которому вторило большинство присутствующихъ.

— Мы не желаемъ болѣе жертвоприношеній за римлянъ! — Да отсохнеть рука, которая имъ служить! — Да будутъ прокляты молящіяся за нихъ уста! — Смерть и гибель всѣмъ, которые дружатъ съ ними! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Испуганный этимъ неожиданнымъ проявленіемъ всеобщаго негодованія и враждебнымъ настроеніемъ толпы, первосвященникъ пытался усвоить народъ. Но такъ какъ голосъ его терялся среди всеобщаго шума и буря продолжала бушевать, то онъ, въ смущеніи, отошелъ отъ алтаря и прекратилъ богослуженіе.

Однако все еще довольно многочисленные сторонники мира вскорѣ оправались. Возмущенные дерзостью Элеазара и опасаясь самыхъ печальныхъ послѣдствій отъ его затѣи, они приглашали народъ воздержаться отъ неосторожныхъ рѣшеній *. Приободрившійся снова первосвященникъ въ трогательныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ предостерегалъ отъ опаснаго шага, который неизбежно вызоветъ месть императора и втянетъ іудеевъ въ гибельную войну съ римлянами. „Уже предки наши“ — говорилъ почтенный Матія — „украшили храмъ подарками чужихъ народовъ и получали отъ иноземныхъ монарховъ драгоцѣнные подарки, свидѣтельствовашіе объ уваженіи ихъ къ Богу нашихъ отцовъ. Они никогда не препятствовали приношенію жертвъ за иновѣрцевъ, потому что Господь Богъ благъ и милостивъ ко всѣмъ народамъ земли, хотя онъ и любитъ Израиль болѣе другихъ народовъ“. Не смущаясь громкимъ ропотомъ, вызваннымъ этою терпимостью въ рядахъ крайнихъ, первосвященникъ продолжалъ, при знакахъ одобренія, раздававшихся среди значительной части присутствующихъ: „Теперь вы вдругъ, безъ всякаго повода, дѣлаете вызовъ римлянамъ и прямо идете

* Флавій, „Еврейская война“, книга 2, гл. 17, 3.

на войну съ ними, отказываясь приносить годами установленныя жертвы за нихъ и за императора. Не говоря уже объ опасности, которой вы подвергаете нашъ городъ и храмъ, вы навлекаете еще тяжкій укоръ въ несправедливости, нарушаете законъ, договоры и установленія вашихъ отцовъ. Поэтому прошу и умоляю васъ отклонить неосторожное предложеніе и по прежнему допустить жертвы за императора и за римскій народъ“.

Болѣе умѣренные изъ священниковъ и изъ старшинъ, на которыхъ сослался первосвященникъ, также высказались, на основаніи прежнихъ обычаевъ и установленій, противъ мѣры, которая была одинаково несовмѣстна, какъ съ прежнею терпимостью, такъ и съ политическимъ благоразуміемъ. Въ особенности настаивали на сохраненіи мира съ римлянами и возставали противъ предлагаемаго нововведенія присутствовавшіе здѣсь гиллелиты, вроткій Симонъ-бенъ-Гамлиель и его другъ и единомышленникъ, старый, почтенный Иохананъ-бенъ-Закай.

— Развѣ Гиллель не училъ насъ—говорилъ Симонъ: Люби ближняго какъ самого себя, и не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ? Развѣ Господь не повелѣлъ: Прийдите всѣ, чтобы узрѣть мое величіе? Развѣ въ законѣ не сказано: Будь милосердъ къ чужеземцамъ, ибо ты самъ былъ чужой въ странѣ Египетской. Тотъ, кто любить Господа, любить и всѣ его созданія, всѣхъ людей, евреевъ и язычниковъ. Тотъ, кто воръ и убійца по отношенію къ язычникамъ, будетъ обкрадывать и убивать и своихъ братьевъ. Еврей или язычникъ, мужчина или женщина, чловѣкъ свободный или рабъ—всѣхъ слѣдуетъ судить по дѣламъ ихъ, ибо на каждаго изъ нихъ можетъ сойти духъ Божій*.

— Вы не имѣете права—прибавилъ мудрый, уважаемый Иохананъ—закрывать передъ римлянами храмъ и отклонять ихъ жертвоприношенія. Любовь людская приобретается не суровостью и строгостью, а мягкостью и вротостью. Уже отцы наши говорили, что излишнее рвеніе и нетерпимость

* Мидрашъ Ялкупъ, стр. 276 а. Книга Судей, 9 а.

Шамаи ввергли насъ въ погибель, между тѣмъ, какъ кротость и ласковость Гиллея спасаетъ насъ отъ бѣды и собираетъ чужихъ подъ крыломъ вѣры. Развѣ и безъ того враги наши не многочисленнѣе песку морскаго? Развѣ насъ, за нашу прискорбную отчужденность, не ненавидятъ прочіе народы земли? Неужели намъ слѣдуетъ дать имъ новый и справедливый поводъ къ жалобамъ и неосторожно вызывать ихъ мечь?

Тронутое мольбами первосвященника и на половину убѣжденное мудрыми словами двухъ почтенныхъ ученыхъ, большинство народа, казалось, уже склонялось въ пользу совершенія жертвоприношеній за римлянъ, какъ Элеазаръ сдѣлалъ еще одну послѣднюю попытку увлечь за собою народъ съ помощью своего пламеннаго краснорѣчія.

— Между нами—воскликнулъ онъ, дрожа отъ негодованія — и римлянами не можетъ быть ничего общаго, немислима дружба! Они сами, вступивъ на путь насилій, порвали всякія связи, уничтожили договоры. Пролитая ими кровь нашихъ братьевъ требуетъ мести. Ваша кротость—ничто иное, какъ трусость, а ваша терпимость равносильна измѣнѣ нашей святой вѣрѣ и нашей родинѣ. Еще не замолкли рыданія по убитымъ, еще не успѣли высохнуть слезы ихъ вдовъ и сиротъ, а вы уже требуете, чтобы мы молились за убійцъ, приносили жертвы за враговъ нашихъ! Нашъ Господь Богъ—Богъ строгій; онъ наказываетъ преступленія отцовъ и дѣдовъ на дѣтяхъ и внукахъ. Мы уже и безъ того слишкомъ долго выносили деспотизмъ римлянъ, терпѣли позоръ ихъ владычества! Часъ возмездія пробилъ, день свободы насталъ! Подобно Іудѣ Маккавею и его благочестивымъ полчищамъ, мы желаемъ свергнуть съ себя иго нашихъ притѣснителей и подняться изъ нашего униженія. Съ нами Богъ! Онъ даруетъ намъ побѣду!

— Съ нами Богъ!—воскликнулъ народъ, воодушевленный воспоминаніемъ о національномъ героѣ. — Веди насъ на бой! Мы идемъ за тобой!—Беритесь за оружіе противъ римлянъ! Мы восторжествуемъ надъ врагами Господними!

Такъ кричала и бушевала возбужденная Элеазаромъ толпа. Противники его вынуждены были удалиться, а сторонники

его громко произносили угрозы противъ римлянъ и друзей мира. Въ своемъ фанатизмѣ она не щадила ни первосвященника, ни старѣйшинъ, и только уваженіе къ святынь храма пока удерживало ее отъ насилій и кровопролитія.

Опьяненный своимъ успѣхомъ, Элеазаръ стоялъ, окруженный своими друзьями, которые радостно привѣтствовали его и уже прославляли его, какъ освободителя отечества. Одушевляемый религіознымъ фанатизмомъ и пламеннымъ патриотизмомъ, преисполненный честолюбія, онъ вполнѣ наслаждался своимъ торжествомъ, не заботясь о неизбежной опасности.

Въ эту минуту онъ былъ полнымъ властелиномъ храма и города, лежащаго у его ногъ. Народъ любилъ его и слѣпо слѣдовалъ за нимъ, противники его были унижены и не были въ состояніи противиться ему. Даже семейство Гиллея должно было почувствовать себя польщеннымъ, еслибъ онъ удостоилъ его еще разъ просить руки Мириамъ.

Но Элеазаръ былъ внезапно пробужденъ отъ этихъ гордыхъ мечтаній неожиданнымъ прибытіемъ его старика отца и его дяди Іезекіи, которые, подобно почти всѣмъ саддукеямъ, были отъявленные сторонники римлянъ и которыхъ народъ ненавидѣлъ, какъ аристократовъ. При видѣ своихъ родныхъ Элеазаръ почувствовалъ невольное смущеніе, которое еще усилилось въ немъ при встрѣчѣ съ мрачнымъ, ничего добраго не предвѣщавшимъ, взоромъ его отца. Такъ какъ онъ опасался упрековъ своего отца и дяди, то онъ, почтительно поклонившись имъ, пригласилъ ихъ въ ближайшую залу, гдѣ онъ могъ бесѣдовать съ ними безпрепятственно и безъ свидѣтелей.

— Что привело тебя ко мнѣ?—спросилъ онъ отца съ напусеннымъ спокойствіемъ.

— Твое безразсудство и твое легкомысліе—отвѣтилъ непреклонный саддукей.

— Что я сдѣлалъ такое, чтобы возбудить твое неудовольствіе, батюшка?

— Ты свою преступною дерзостью угрожаешь погубить себя, свое семейство, священный городъ и весь Израиль, если ты не отступишься отъ твоего несчастнаго предпріятія.

— Ты забываешь—гордо отвѣтилъ Элеазаръ,—что я не мальчикъ, а мужъ, спаситель храма, освободитель нашего отечества, и что меня любить и почитатьъ весь народъ.

— Нѣтъ, ты дерзкій бунтовщикъ, смущающій неразумную чернь и заслуживающій смерти.

— Отецъ!—воскликнулъ Элеазаръ, едва сдерживаясь—никто не посмѣлъ бы сказать мнѣ ничего подобнаго! Ты злоупотребляешь почтеніемъ, которое я обязанъ оказывать тебѣ, и жестоко оскорбляешь меня. Богъ мнѣ свидѣтель, что я желаю только добра моему народу и борюсь лишь за нашу святую вѣру.

— Такъ докажи это на дѣлѣ. Слушайся твоего отца и подчинись распоряженіямъ установленныхъ Богомъ властей, приказаніямъ первосвященника и старѣйшинъ. Они требуютъ, чтобы ты сложилъ съ себя свою должность, отказался отъ твоего легкомысленнаго предпріятія и торжественно призналъ передъ народомъ приносившіяся доселѣ въ честь императора и римлянъ жертвы законными и правильными.

— Этого ты не можешь отъ меня требовать — мрачно отвѣтилъ онъ.—Я не могу публично отказаться отъ моихъ убѣжденій и сдѣлаться посмѣшищемъ для всего Израиля. Лучше умереть, чѣмъ подвергнуться такому позору!

— Подумай о томъ, что ты дѣлаешь—предостерегъ его Ананія.—Теперь еще не поздно исправить ошибку и добиться прощенія отъ тяжело оскорбленныхъ римлянъ. Императоръ приметъ въ соображеніе твою молодость и, ради моей испытанной преданности, помилуетъ тебя, если ты выразишь раскаяніе и я попрошу за тебя.

— Какъ!—воскликнулъ возмущенный Элеазаръ.—Мнѣ просить прощенія у римлянъ, у отъявленныхъ враговъ моего народа, у убійцъ моихъ братьевъ! Никогда!

— Я желаю этого—слышишь—я желаю. Если же ты не исполнишь моего желанія и не подчинишься велѣніямъ первосвященника, то ты мнѣ не сынъ и я тебя...

— Одумайся, Элеазаръ—умолялъ его дядя.—Ты обязанъ повиноваться твоему отцу и почитать его.

Смущенный угрозами раздраженнаго отца и тронутый увѣщаніями дяди, Элеазаръ сталъ колебаться. Онъ боялся

преступить, столь высоко цѣнимое евреями, уваженіе въ родителямъ и разорвать столь дорогія для него семейныя узы. Сыновняя почитательность и патриотизмъ, привязанность къ семейству и фанатизмъ, боязнь грѣха и честолюбіе—всѣ эти противорѣчивыя чувства боролись въ его душѣ и причиняли ему страшную внутреннюю боль. Могъ ли онъ послушаться отца своего и отступить отъ своихъ сторонниковъ? Неужели онъ измѣнитъ народу и своимъ друзьямъ? Неужели онъ откажется отъ побѣды и сойдетъ съ той высоты, на которую онъ только что поднялся?

Отецъ и сынъ стояли другъ противъ друга, какъ два непримиримые врага, поразительно похожіе другъ на друга, и по внѣшности, и по характеру: тѣ же строгія черты, то же рѣшительное выраженіе черныхъ глазъ, то же упрямство, та же непреклонность.

Тщетно огорченный Іезекія пытался склонить въ уступчивости то своего брата, то племянника, и примирить обоихъ политическихъ противниковъ, напоминая имъ ихъ взаимныя обязанности, ихъ кровное родство, и умоляя ихъ со слезами на глазахъ не доводить дѣла до крайности, до прискорбнаго разрыва.

— Довольно—воскликнулъ непреклонный саддукей.—Я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ, желаешь ли ты повиноваться мнѣ?

— Я никогда не унижусь до того, чтобы преклониться передъ римлянами!

— И даже если я тебя стану просить, стану заелинять тебя моимъ счастіемъ и жизнью, памятью твоей покойной матери?

— Я не могу, не смѣю.

— Таеъ будь проклятъ!—воскликнулъ разъяренный Ананія—проклятъ на вѣки!

— Батюшка!—въ ужасѣ простоналъ Элеазаръ.—Остановись!—молилъ испуганный Іезекія.

— Да сдѣлается непокорный сынъ достояніемъ ада! Да поглотитъ его земля и да сожжетъ его пламень преисподней!

Прежде чѣмъ Элеазаръ успѣлъ опомниться и собраться съ мыслями, отецъ его исчезъ вмѣстѣ съ Іезекіей. Одну ми-

нуту онъ подумаль о томъ, чтобы догнать его, изъявить ему покорность и попросить прощенія. Но видъ храма, гдѣ ждали его друзья, видъ города, привѣтствовавшаго его, какъ своего освободителя, и цитадели, занятой ненавистными римлянами, удержали его, хотя отцовское проклятіе тяжело легло на его душу и превратило его торжество въ глубокую скорбь.

ХІІ.

Сознавая свое безсиліе и не будучи въ состояніи помѣшать новому возстанію, друзья мира и сторонники римлянъ приняли, преимущественно по внушенію бывшего первосвященника Ганана и, раздраженнаго поведеніемъ своего сына, Ананіи, пагубное рѣшеніе послать пословъ къ спокойно пребывавшему въ Цезареѣ прокуратору и къ слабому Агриппѣ и пригласить обоихъ вступить съ своими войсками въ городъ, чтобы подавить возстаніе и возстановить порядокъ, пока еще не ушло время. Только Симонъ, который, несмотря на свое миролюбіе, былъ одушевленъ истиннымъ патриотизмомъ, противился такому опасному шагу, который, по его убѣжденію, долженъ былъ окончательно возмутить крайнюю партію и еще болѣе усилить смуту. Но, какъ обыкновенно бываетъ, когда заговорятъ политическія страсти, никто не слушалъ голоса благоразумія и столь уважаемый вообще Симонъ не встрѣтилъ сочувствія даже среди своей партіи. Глубоко огорченный, Симонъ вышелъ, въ сопровожденіи своего друга, извѣстнаго Іоханана-бенъ-Зайкай, изъ бурнаго народнаго собранія и невольно тяжелый вздохъ вырвался изъ груди озабоченнаго патриота.

— Что съ тобой?—съ участіемъ спросилъ его другъ.

— Неужели мнѣ не печалиться — мрачно отвѣтилъ онъ—при видѣ безумства народа и ослѣпленія вождей его?

— Такъ всегда бывало. Уже Моисей жаловался на упрямство и непокорность Израиля. Не намъ помочь этому злу, когда даже великій законодатель былъ безсиленъ противъ него. Народъ былъ и остается неисправимымъ.

— Однако мы же не можемъ допустить, чтобы фана-

тики хозяйничали въ городѣ и своимъ безуміемъ повергали отечество въ гибель. Если Элеазаръ и его сторонники одержать верхъ, то и Иерусалимъ, и мы всё погибнемъ.

— Какъ же намъ помочь горю?

— Намъ нужно соединиться и положить конецъ опасной агитаціи. Робость наша — главная причина всего зла. Наши раздоры отдають насъ во власть римлянамъ; наша слабость составляетъ ихъ силу.

— Пусть безумцы и сиравляются съ римлянами, какъ умѣютъ. Что намъ за дѣло до ихъ сумасбродства?

— Какъ! — воскликнулъ Симонъ, пораженный и почти разсерженный непонятнымъ равнодушіемъ своего друга. — Неужели намъ оставаться сповойными, когда дѣло идетъ о благѣ нашего народа, о спасеніи нашего города, быть можетъ о разрушеніи святаго храма! Развѣ мы не обязаны употребить всё усилія, чтобы предотвратить подобное несчастіе?

— Изъ-за чего ты горячишься? Мы — ученые, люди науки, хранители закона. Для насъ совершенно безразлично, распоряжаются ли въ Иерусалимѣ Агриппа и римляне, или Элеазаръ и его сторонники, лишь бы они оставляли насъ въ покоѣ и не мѣшали намъ заниматься нашимъ дѣломъ.

— Нѣтъ, нѣтъ — воскликнулъ благородный патриотъ, съ несвойственной ему рѣзкостью. Ученый все же остается человѣкомъ и гражданиномъ. Благо отечества и народа должно быть столь же близко его сердцу, и даже еще ближе, чѣмъ наука. Онъ не долженъ уходить въ свою скорлупу и эгоистично сторониться отъ общихъ интересовъ. Что съ нами станется, если римляне послѣдуютъ обращенному къ нимъ приглашенію и вступятъ въ городъ, чтобъ отмстить за нанесенное имъ оскорбленіе? Они станутъ убивать, какъ дѣлали это и прежде, невиннаго вмѣстѣ съ виновнымъ, и воспользуются этимъ случаемъ, чтобъ отнять у насъ и послѣдній остатокъ свободы.

— Мы должны сповойно сносить то, что судило намъ Провидѣніе. Римляне — только орудіе Господне и исполнители его велѣній.

— Если мы не покоримся имъ и станемъ оказывать сопротивленіе, они опустошатъ нашу страну, разрушатъ Іерусалимъ и истребятъ Израиль, какъ они дѣлали это съ другими народами.

— И все же — возражалъ престарѣлый Іохананъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ — нашъ народъ не погибнетъ. Пусть Іерусалимъ падетъ, храмъ обратится въ развалины — а Израиль будетъ жить, пока у него останутся его законъ и священное ученіе, составляющіе истинную его жизнь. Сохранить и распространить ихъ — вотъ наше призваніе. Это наше достояніе не можетъ отнять у насъ никакой врагъ, никакая земная сила. Вокругъ этого знамени мы всѣ соберемъ, и тамъ, гдѣ оно будетъ развѣваться, будетъ наша родина, нашъ храмъ, наше спасеніе.

Хотя Симонъ не могъ раздѣлять политическаго индифферентизма своего знаменитаго друга, однако онъ, по совѣту послѣдняго, держался покуда, съ своимъ семействомъ и съ своими многочисленными учениками, въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ распрей, такъ какъ одинаково не сочувствовалъ какъ замысламъ крайнихъ, такъ и интригамъ ихъ противниковъ. Самъ онъ старался, пользуясь своимъ вліяніемъ на гражданъ, установить соглашеніе и примирить враждебныя партіи, хотя при этомъ ему приходилось наталкиваться на сопротивленіе Элеазара, не хотѣвшаго и слышать о примиреніи.

Между тѣмъ въ Цезарею къ двуличному прокуратору прибыла депутація отъ іерусалимскихъ сторонниковъ мира. Съ тайнымъ злорадствомъ онъ выслушалъ ихъ рассказъ о положеніи города. Но онъ отказался прибыть въ Іерусалимъ, отчасти потому, что онъ не надѣялся справиться съ возстаніемъ, при недостаточности своихъ силъ, отчасти же потому, что онъ рѣшился довести евреевъ до крайности и свалить на нихъ всю вину за свой собственный вызывающій образъ дѣйствій.

За то Агриппа тотчасъ же изъявилъ готовность послѣдовать обращенному къ нему приглашенію. Одушевленный желаніемъ снова овладѣть своей столицей и избѣжать во что бы то ни стало войны съ римлянами, онъ послалъ въ Іеру-

салимъ 3000 всадниковъ подъ начальствомъ Филиппа-бенъ-Явима, храбраго батирейскаго еврея *. Прибытіе солдатъ Агриппы послужило сигналомъ въ кровопролитной междоусобной войнѣ. Ободренные и усиленные ихъ присутствіемъ, сторонники мира заняли верхнюю, аристократическую часть города, между тѣмъ какъ партія войны овладѣла нижнею частью и храмомъ.

Вскорѣ дѣло дошло до отертой борьбы между обѣими партіями и она велась съ крайнимъ ожесточеніемъ. Элеазаръ и его сторонники старались проникнуть въ верхній городъ, а противная партія—овладѣть храмомъ. Первые отличались мужествомъ, вторые — дисциплиной и опытностью, такъ что успѣхъ долгое время былъ нерѣшителенъ. Оставленный Флоромъ въ Иерусалимѣ трибунъ Метилій довольствовался тѣмъ, что занималъ съ своей когортой башни и цитадель Антонію, не вмѣшиваясь въ междоусобицу евреевъ.

Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныя смутныя времена, и въ данномъ случаѣ всплыли наружу разные безпкойные и опасные элементы населенія, вслѣдствіе чего безпорядки еще болѣе увеличились. Особенно выдавались такъ называемые сизарійцы, нѣчто въ родѣ секты политическихъ убійць. Первоначально это были волонтеры-патріоты, сформировавшіеся во время прежнихъ войнъ съ римлянами. Но мало по малу они одичали и превратились въ противниковъ всякаго порядка. Подвергаясь преслѣдованіямъ, они обыкновенно скрывались въ пещерахъ и ущельяхъ ближайшихъ горъ, и, подобно позднѣйшимъ итальянскимъ бандитамъ, грабили на большихъ дорогахъ. Въ послѣднія недѣли они стали показываться и въ Иерусалимѣ, гдѣ они подстерегали своихъ жертвъ, и уже не одинъ человекъ палъ подъ ударами ихъ короткихъ мечей (sica), скрываемыхъ въ складкахъ ихъ длинныхъ мантий. Крайне дерзкіе и смѣлые, они вмѣшивались въ самую густую толпу, особенно по субботамъ и праздникамъ, когда они безпрепятственно слонялись въ галлереяхъ храма. Съ замѣчательной быстротой и ловкостью они наносили свои смертоносные удары, и затѣмъ ловко из-

* Флавій, „Еврейская война“, книга 2, глава 17, 4.

чезали въ толпѣ. Тайственность, которою они сумѣли окружить себя, придавала имъ какую-то особую силу, и народъ боялся сиварійцевъ, которые, какъ многіе полагали, были лишь исполнителями рѣшеній неизвѣстнаго революціоннаго и религіознаго трибунала.

Въ это время во главѣ ихъ стоялъ смѣлый Менахемъ, сынъ Иуды Гавлонита, который первый поднялъ знамя возстанія противъ римлянъ, горячій патріотъ и фанатическій мечтатель. Отъ своего отца онъ унаслѣдовалъ ненависть къ римлянамъ, съ которою онъ однако соединялъ кровожадность и жажду къ добычѣ. Низкій лобъ, курчавые, черные волосы, ястребинный носъ, острый подбородокъ съ включенной бородой, а въ особенности маленькіе, хитрые, вѣчно-бѣгающіе глаза придавали ему большое сходство съ хищной птицей, дикость и жестокость которой онъ хитро умѣлъ скрывать подъ маской внѣшняго благочестія и патріотизма.

Этотъ хитрый и опасный человѣкъ сумѣлъ втереться въ довѣріе къ Элеазару, порвавшему связь съ своимъ семействомъ и поэтому болѣе, чѣмъ когда-либо, склонному подчиниться всѣмъ дурнымъ вліяніямъ. Страстная ненависть къ римлянамъ и честолюбіе побудили его принять предложенную ему помощь сиварійцевъ.

Усиленный этими сомнительными союзниками, Элеазаръ рѣшился повести приступъ на занятый его противниками верхній городъ, который не въ состояніи былъ долѣе противиться превосходству силъ. Войска отступили ко дворцу Ирода, куда и сторонники мира укрылись отъ ярости народа.

Подобно демонамъ, Менахемъ и его сиварійцы накинулись на покинутые дома аристократовъ. Къ нимъ присоединилась городская чернь, озлобленная притѣсненіями богачей и знати. Она разграбила дворецъ и не пощадила даже жилища недавно еще столь любимой Береники. Затѣмъ Менахемъ направился, во главѣ своей шайки, къ архейону или ратушѣ, гдѣ, какъ онъ зналъ, хранились всѣ документы и долговые обязательства гражданъ. Испуганные и безоружные чиновники бѣжали, оставивъ архивъ въ рукахъ бунтовщиковъ.

— Давайте сюда факелы! — кричалъ предводитель сиварійцевъ. — Мы устроимъ славную иллюминацію!

По его приказанію, разбойники подошли зданіе и сожгли всѣ документы, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ взысканіе недоимокъ и долговъ, чѣмъ Менахемъ надѣялся пріобрѣсти расположеніе черни и тѣснимыхъ кредиторами бѣдныхъ должниковъ.

Какъ ни возмущенъ былъ Элезаръ этимъ поступкомъ своихъ союзниковъ, онъ счелъ однако нужнымъ пока щадить сиварійцевъ, такъ какъ онъ не могъ обойтись безъ ихъ помощи. Его благородная и честная натура, правда, возмущалась противъ этого сообщничества съ убійцами и онъ тяготился союзомъ съ Менахемомъ, грубыя манеры и заносчивость котораго возмущали Элезара, аристократа въ душѣ.

— Въ другой разъ — сказалъ онъ послѣ сожженія архива — я велю казнить безощадно всякаго, кто протянетъ руку въ чужому имуществу. Мы не разбойники, не поджигатели, а Божіи воины.

— Ну, вотъ еще! — грубо засмѣялся Менахемъ. — Стбить такъ горачиться изъ-за пустяковъ! Я надѣялся оказать большую услугу нашему дѣлу и заслужить не упрёки, а благодарность твою.

— Благодарность за то — мрачно отвѣтилъ Элезаръ — что ты разграбилъ ратушу и уничтожилъ городскіе документы!

— Развѣ ты не понимаешь, что это было лучшее средство для того, чтобъ избавить народъ отъ долговъ и заслужить всеобщую любовь? Этимъ мы пріобрѣли по крайней мѣрѣ десять тысячъ союзниковъ, которые за насъ пойдутъ на смерть. Бѣдняки увидятъ въ насъ благодѣтелей и будутъ почитать насъ, какъ Мессію. Если бы ты видѣлъ, какъ радостно они плясали вокругъ пламени, когда мы бросали въ огонь ихъ долговыя обязательства! Ты бы въ душѣ порадовался.

— А тѣ тысячи, которыя вслѣдствіе того лишились всего своего достоянія и сами превратились въ нищихъ?

— Они этого вполнѣ заслужили. Ростовщики и живодеры не заслуживаютъ ничего другаго. Я желалъ бы только,

чтобъ они и сами сгорѣли вмѣстѣ съ бумагами, эти высокомерные саддукеи.

— Замолчи! — гнѣвно прикрикнулъ на него Элеазаръ, возмущенный дерзостью сикарійца. — У насъ поважнѣе дѣло, чѣмъ разрушать дома и разграблять дворцы. Цитадель находится еще во власти римлянъ, а войска Агриппы занимаютъ еще городъ.

— Мы выгонимъ ихъ оттуда и возьмемъ приступомъ цитадель. Только ты долженъ доставить моей командѣ маленькое удовольствіе и смотрѣть сквозь пальцы, если она тутъ и тамъ разграбитъ дворецъ или подожжетъ домъ нашихъ враговъ. Тѣмъ съ большей храбростью она будетъ сражаться завтра.

Лишь крайне неохотно Элеазаръ принялъ протянутую ему руку Менахема, не рѣшаясь оттолкнуть ее. Разъ вступивъ въ компромиссъ съ этимъ человѣкомъ, онъ противъ воли скользилъ все дальше и дальше по наклонной плоскости, какъ ни раскаявался онъ въ союзѣ съ нимъ и какъ ни противны ему были грабежи этихъ разбойниковъ.

На слѣдующее утро инсургенты возобновили приступъ къ цитадели и принудили римскій гарнизонъ отступить въ сосѣднія башни. Королевскія войска тоже лишь съ трудомъ держались во дворцѣ Ирода, не смотря на то, что они защищались съ мужествомъ отчаянія.

Тѣмъ временемъ Менахемъ успѣлъ взять лежащую недалеко отъ Іерусалима крѣпость Мезаду, въ которой Агриппа помѣстилъ часть своихъ сокровищъ и съладъ оружія. Обремененный богатой добычей, онъ возвратился въ Іерусалимъ, въ который онъ вступилъ, какъ триумфаторъ. Народъ поручилъ счастливому побѣдителю осаду королевскаго дворца. Дѣйствительно ему удалось, при несомнѣнной храбрости его, вынудить утомленные войска къ сдачѣ. Евреевъ онъ отпустилъ, но тѣмъ безжалостнѣе онъ поступилъ со взятыми въ плѣнъ римлянами, а также съ членами той депутаціи, которая приглашала Флора и Агриппу въ Іерусалимъ. Въ числѣ этихъ депутатовъ были также Ананія и Іезекія, отецъ и дядя Элеазара. Оба они были вытащены изъ подземной kloаки, куда они спрятались, и безчеловѣчны сикарійцы

умертвили ихъ и ихъ товарищей по несчастію. Менахемъ и не подумаль остановить свою шайку*.

Этотъ безчеловѣчный поступокъ привелъ всѣхъ въ ужасъ и отчаяніе. Несмотря на недавнюю размолвку съ отцомъ, Элеазаръ проклиналъ убійцъ и повлялся отомстить за пролитую кровь его. Теперь онъ понялъ, но уже слишкомъ поздно, какую онъ надѣлалъ бѣду. Ослѣпленный честолюбіемъ, онъ захотѣлъ, подобно Іудѣ Маккавею, освободить свой народъ отъ рабства, а вмѣсто того онъ сдѣлался сообщникомъ разбойниковъ и грабителей, убійцей своего отца. Къ этому присоединилось еще опасеніе, что ему придется раздѣлить расположеніе народа и власть съ презрѣннымъ Менахемомъ, надменность котораго не знала границъ. Подобно Элеазару, и лучшіе элементы его партіи были возмущены кровавой рѣзней дерзкаго сикарійца и его орды.

Не забываясь объ угрожавшей ему опасности, Менахемъ, облекшись въ захваченныя въ Мазадѣ царскія одежды, направился, окруженный тѣлохранителями, въ храмъ для принесенія жертвы. Въ воротахъ храма онъ встрѣтилъ Элеазара. При видѣ убійцы его отца, послѣдній почувствовалъ приливъ неописанной злости. „Развѣ мы для того взяли за оружіе противъ римлянъ“—воскликнулъ онъ, дрожа отъ негодованія— „чтобы терпѣть тираннію гнуснаго разбойника и его сообщниковъ? Его руки обагрены кровью моего отца и лучшихъ сыновъ Израиля. Мы сражаемся за свободу нашего отечества, для защиты народа, но мы не разбойники, не убійцы. Да будетъ провлять тотъ часъ, когда мы заключили союзъ съ сикарійцами! Ихъ преступленія достойны мести!“— „Местъ! местъ!—закричали друзья Элеазара.— Смерть сикарійцамъ!“

Менахемъ невольно поблѣднѣлъ, увидѣвъ передъ собою сына своей жертвы. Въ слѣдующее же мгновеніе онъ былъ окруженъ друзьями Элеазара. Испуганные тѣлохранители его побросали оружіе и бѣжали или же были заколоты. Менахемъ пустился бѣжать съ горы, преслѣдуемый своими неприятелями, къ которымъ присоединилась часть раздражен-

* Флавій, „Еврейская война“, Книга 2, гл. 17, 9.

наго противъ него народа. Страхъ придавалъ ему скорости. Волосы его стояли дыбомъ, лицо поблѣднѣло отъ ужаса, красная мантия окутывала его какъ бы кровавымъ облакомъ, а высокій, украшенный драгоценными камнями, тюрбанъ свалился съ головы.

„Побейте его камнями!“ — кричала безжалостная толпа, которая видѣла въ Менахемѣ единственнаго виновника своихъ бѣдствій и ожидала отъ его смерти окончанія возстанія и войны.

Еще нѣсколько шаговъ — и Менахемъ былъ спасенъ. Онъ уже видѣлъ спѣшившихъ ему на встрѣчу друзей своихъ, какъ вдругъ ноги его запутались въ длинномъ плащѣ и онъ упалъ. Преслѣдовавшая его толпа испустила дикій крикъ радости и окружила его, какъ стая собакъ затравленнаго волка. „Побейте его камнями!“ — снова раздалось отовсюду. Онъ сдѣлалъ еще послѣднюю попытку подняться, но усталые члены отказывались служить ему. Тяжелый камень, брошенный рукой какого то мальчижа, попалъ ему въ лобъ и блѣдное, какъ смерть, лицо его покрылось кровью. „Вотъ тебѣ за моего отца!“ „А вотъ за моего брата!“ „Вотъ тебѣ за Ананью!“ „Вотъ тебѣ за Иезекию“ — раздавалось со всѣхъ сторонъ, и камень за камнемъ летѣлъ въ разбойника. Слабымъ, умирающимъ голосомъ онъ звалъ на помощь, молилъ о пощадѣ. Друзья его не слышали его криковъ, заботясь лишь о собственномъ спасеніи и убѣгая отъ разъяренной толпы. Часть ихъ благополучно достигла воротъ и спаслась въ Мезадѣ. Менахемъ же и остальные сдѣлались жертвой народной ярости и заплатились жизнью за свои преступленія.

Освободившись отъ своего ненавистнаго союзника и сдѣлавшись опять единственнымъ властелиномъ города, Элеазаръ усердно принялся за осаду все еще занятыхъ римлянами укрѣпленныхъ башенъ, въ надеждѣ новымъ геройскимъ подвигомъ возстановить поколебленный авторитетъ свой и изгладить впечатлѣніе послѣднихъ печальныхъ событій. Хотя умѣренные неоднократно просили его отказаться отъ осады и удовольствоваться своей побѣдой надъ сиварійцами, онъ, побуждаемый патріотизмомъ и честолюбіемъ, продолжалъ тѣснить слабый гарнизонъ, пока истомленные голодомъ и

лишеніями римляне не изъявили готовности сдаться подъ условіемъ свободнаго выхода. Послѣ того, какъ знатнѣйшіе патріоты поручились честнымъ словомъ за жизнь и свободу побѣжденной когорты, солдаты положили оружіе. Но когда они, не ожидая ничего дурнаго, хотѣли покинуть городъ, воины Элеазара накинулись на безоружныхъ римлянъ. Тщетно подвергшіеся неожиданному нападенію солдаты ссылались на данное имъ обѣщаніе и молили не убивать ихъ: ихъ безжалостно перебили; пощадили только трусливаго трибуна Метилія, такъ какъ онъ изъявилъ готовность принять еврейскую вѣру*.

Хотя всѣ умѣренные строго осуждали это нарушеніе даннаго слова и это безчеловѣчное избиеніе безоружныхъ и не безъ основанія опасались послѣдствій этой жестокости, но они были слишкомъ слабы, чтобы воспрепятствовать этому преступленію и противиться могущественному Элеазару, который опирался на преданную ему толпу. Во всемъ Іерусалимѣ господствовала радость, доходившая до изступленія. Въ первый разъ съ давнихъ поръ городъ былъ свободенъ, на немъ не тяготѣло тяжелое иго иноземцевъ, ни одного римлянина не было въ стѣнахъ его.

На улицахъ раздавались побѣдныя пѣсни, народъ спѣшилъ въ храмъ, чтобы благодарить Господа. День, въ который римляне потерпѣли такое чувствительное пораженіе, рѣшено было праздновать какъ народный праздникъ.

Элеазаръ вполне наслаждался своимъ торжествомъ. Въ эту минуту онъ былъ величайшимъ человѣкомъ въ Іерусалимѣ, народнымъ героемъ, освободителемъ своего отечества, безспорнымъ властелиномъ города и святыни. Однако онъ не могъ отдѣлаться отъ тревожнаго чувства. Среди радостнаго ликованія народа ему слышалось проклятіе умерщвленнаго отца его и его воображенію представлялись трупы его жертвъ.

Максъ Рингъ.

Конецъ первой части.

* Флавій, „Еврейская война“, Книга 2, гл. 17, 10.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ.

VII *.

Статистика колоній; отчетность о затратахъ на послѣднихъ поселенцевъ; исправленіе земельного ихъ надѣла; новое изслѣдованіе состоянія колоній и стремленіе преобразовать ихъ на манеръ голландскихъ, или русскихъ военныхъ поселеній.

По обнаруженіи «правиль о рекрутской повинности евреевъ земледѣльцевъ и о лучшемъ устройствѣ ихъ водворенія» министерство предписало попечительному комитету озаботиться какъ точнымъ исполненіемъ рекрутской части, такъ въ особенности скорѣйшимъ водвореніемъ еще не устроенныхъ земледѣльцевъ, а равно исключеніемъ изъ земледѣльческаго званія тѣхъ, которые пожелали бы воспользоваться этимъ правомъ, правилами установленнымъ.

Комитетъ удостовѣрилъ, что изъ числа прибывшихъ въ 1822 и 1823 гг. евреевъ, въ теченіи 1828 и 1829 гг. водворено 10-ть семействъ, а съ прежде водворенными 291 семействомъ, дѣйствительно водворенныхъ насчитывалось 301 семейство. Такимъ образомъ къ 443 семействамъ, въ 1823 г. пожелавшимъ заниматься земледѣліемъ, оставалось водворить лишь 18 семействъ (за исключеніемъ 32-хъ—по неспособности отправленныхъ обратно въ Бѣлоруссію и 92-хъ—перемершихъ и смѣщенныхъ изъ двухъ въ одно семейство). Но за самовольною отлучкою и неизвѣстнымъ мѣстопробываніемъ этихъ 18 семействъ—ничего относительно ихъ нельзя было сдѣлать. Затѣмъ изъ водворенныхъ 301 семейства снабжены были всѣмъ, т. е., скотомъ, орудіями и сѣменами—216 семействъ; не получили же полного пособія 85 семействъ, для которыхъ слѣдовало купить: воловъ

* См. „Восходъ“, кн. X.

18 паръ, плуговъ—11; боронъ—15; яремъ—20; воровъ—20; на посѣвъ хлѣба: озимаго—44 и ярового—17 $\frac{1}{2}$ четв.

Изъ построенныхъ для вновь водворявшихся евреевъ домовъ не было занято 16: пять—вслѣдствіе одиночества, смерти хозяевъ и малолѣтства ихъ дѣтей, а девять—по бродяжничеству предназначавшихся въ эти дома евреевъ. Относительно свободныхъ домовъ контора поручила смотрителямъ сообразить: не удобно ли помѣстить въ нихъ благонадежныхъ евреевъ, не имѣвшихъ домовъ, чтобы предотвратить ихъ разстройство? Но комитетъ, сообразивъ, что дома выстроены на счетъ суммы, ассигнованной на водвореніе собственно бѣлорусскихъ евреевъ, съ возвратомъ ея отъ бѣлорусскихъ обществъ, предписалъ конторѣ принять дѣятельныя мѣры къ отысканію и водворенію остальныхъ 18-ти семействъ.

Вскорѣ же послѣ того комитетъ доставилъ «генеральную вѣдомость» о расходахъ, произведенныхъ на водвореніе и хозяйственное обустройство евреевъ съ 1823 по 1830 годъ. Вѣдомость эта свидѣтельствовала, что:

	Число семей.	Число душъ.			На постройку домовъ.		На покупку хозяйственно-земельныхъ орудій.		На посѣвъ озимаго ярового хлѣба.		На покупку хлѣба для прокормлен.		На аграрно-оруднарыя надобности.		ВСЕГО.	
		М.	Ж.	Ит.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Въ колоніяхъ:																
Сейдеми . .	82	285	214	499	22370	20	10391	18 $\frac{1}{2}$	1471	53 $\frac{1}{2}$	—	—	351	3 $\frac{3}{4}$	35743	95 $\frac{1}{2}$
Бобровомъ Кутѣ	52	172	131	303												
Эфенгаръ . .	40	177	125	302	7725	60	2994	81	725	58	—	—	271	28	11717	27
Израилевкѣ .	58	241	171	412	7911	59	3723	2 $\frac{1}{2}$	597	60	—	—	271	28	11717	27
Изалучистой .	72	264	222	486	13853	57	6295	17 $\frac{1}{2}$	1006	—	—	—	368	81 $\frac{1}{2}$	21650	65 $\frac{1}{2}$
Итого .	304	1139	863	2002	51860	96	23404	18 $\frac{3}{4}$	3800	71 $\frac{1}{2}$	209	88 $\frac{1}{2}$	1727	22 $\frac{3}{4}$	81962	97 $\frac{1}{2}$

При этомъ комитетъ пояснилъ: 1) что домовъ было построено: каменныхъ—153; плетневыхъ—121; земляныхъ—26; изъ нихъ обошлись въ сложности каждый каменный—по 217 р. 71 к., плетневый—по 121 р. 10 к., а земляной—по 149 р. 88 к.; 2) что воловъ было куплено—304 пары по 60 р. 39 к. каждая, воровъ—296 по 10 р. 38 к., яремъ—285 по 1 р. 33 к., плуговъ—76¹/₂ по 15 р. 87 к., боронъ—80 по 4 р. 73 к., хлѣба на посѣвъ: озимаго—371¹/₄ четв. по 6 р. 7 к., ярового—301¹/₂ четв. по 8 р. 32 к., на прокормленіе ржаной муки—212 пуд. по 99 к.; 3) что экстраординарныя издержки заключались въ прокормленіи, въ зимнее время, воловъ, купленныхъ въ 1824 году, для поселенцевъ по недостатку корму, на 306 р. 73¹/₂ к.; въ прогонныхъ деньгахъ чиновникамъ, разъѣзжавшимъ по водворенію и на ярмарки и въ города, для покупки разныхъ предметовъ, для приѣма суммъ и проч.—1045 р. 52 к.; въ уплатѣ страховыхъ при пересылкѣ денегъ 73 р. 65 к., на вспахиваніе земли и покупку сѣмянъ для общественныхъ посѣвовъ и на прокормленіе самихъ евреевъ 277 р. 32 к. и на наемъ загоновъ для содержанія въ нихъ при покупкѣ въ ярмаркахъ воловъ и на размѣнъ крупныхъ ассигнацій на мелкія 24 р., итого 1727 р. 22²/₃ к. Наконецъ 4) что по разверсткѣ всей затраты на число водворенныхъ еврейскихъ семействъ, каждое стоило 269 р. 61¹/₂ к. Такъ какъ затратить въ 1822 г. предполагалось только по 250 р. на семейство, то комитетъ указалъ и причины увеличившагося расхода. Онѣ заключались въ медленномъ приступѣ къ водворенію, вслѣдствіе неполученія денегъ до 1824 года, тогда какъ многіе евреи, прибывъ въ 1822 году, оставались квартировать въ колоніяхъ весь 1823 годъ, когда былъ совершенный неурожай, отчего они, по *«крайней ихъ бѣдности»*, для пропитанія семействъ, вынуждены были распродать свои лошади, повозки» и проч., а потому и никакого содѣйствія къ перевозкѣ матеріаловъ при построеніи домовъ оказать не могли. Оттого дома и обошлись дороже противъ предполагавшейся цѣны. Кромѣ того понадобилось купить имъ при ихъ обзаведеніи возы, на 3072 р. 85¹/₂ к., чего сначала не предполагалось.

На основаніи правилъ 24 іюля 1829 г. выбыло евреевъ изъ земледѣльцевъ въ мѣщане разныхъ городовъ:

	Семействъ.	Мужск.	Женск.	Итого.
Изъ колоній: Сейдеминухи	3	7	6	13
Боброваго Кута	4	11	7	18
Малаго Нагартавы	1	3	2	5
Эфенгара	1	2	—	2
Камянки	1	2	1	3
Излучистой	11	30	19	49
Ингульды	2	8	8	16
Израилевки	7	16	17	33
	30	79	60	139

Такъ, что къ 1831 г. оставалось
въ колоніяхъ:

Сейдеминухъ	204	677	577	1254
Бобровомъ Кутѣ	174	605	500	1105
Большомъ Нагартавѣ	99	347	322	679
Маломъ „	44	119	129	248
Эфенгарѣ	109	393	336	729
Ингульдѣ	90	378	341	719
Израилевкѣ	83	351	279	630
Каменкѣ	123	433	378	811
Излучистой	70	231	168	399
	996	3534	3040	6574

Возвращаясь вообще къ состоянію колоній, намъ приходится отмѣтить, что Инзовъ, не ограничиваясь свѣдѣніями мѣстныхъ начальствъ, неоднократно и лично обозрѣвалъ колоніи, вникалъ въ порядокъ управленія ими, натыкался на различныя несообразности и хлопоталъ объ улучшеніи быта колонистовъ. Такъ, обозрѣвая колоніи, писалъ онъ Закревскому, что по положенію 1804 г., не было опредѣлено точнаго количества десятинъ на семью или душу, поэтому всѣмъ отвели въ 1807—1809 г. по 15 десятинъ на душу; по положенію комитета министровъ 1823 г. слѣдовало надѣлать новоприбывшихъ по 40 десят. на семью, какъ онъ и приказывалъ конторѣ, но вслѣдствіе отступленій мѣстныхъ властей отъ правилъ, евреямъ послѣдняго прихода досталось только по 10 десятинъ. Обстоятельство это побуждало его уравнивать всѣхъ по 40 десят. на семью, чтобы они приобрѣли возможность развести скотоводство, въ подспорье къ хлѣбопашеству. Закревскій велѣлъ надѣлать всѣхъ 15 десятинами на *душу*, собственно потому, что это количество казалось ему большимъ, нежели по 40 десятинъ на семью. Получивъ этотъ отвѣтъ, Инзовъ донесъ, что отво-

домъ по 40 десятинъ на семью устранятся неизбежные раздоры отъ различія земельныхъ участковъ въ однѣхъ и тѣхъ же колоніяхъ; при этомъ разница въ сложности составить только въ 120 десятинахъ, которыя требовалось, напротивъ, прибавить на свѣхъ колонистовъ изъ свободной, къ тому-же, земли.

Независимо отъ этого, Инзовъ считалъ нужнымъ, для приученія еврейскихъ поселенцевъ къ устроенному хозяйству, завести между ними тотъ же порядокъ, какой существовалъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, въ которыхъ всѣ пашенныя и сѣнокосныя мѣста дѣлились на равныя участки и каждый хозяинъ имѣлъ свой участокъ *наслѣдственно*, а единственно отъ этого порядка въ нѣмецкихъ колоніяхъ и не замѣчалось такой рѣзкой неуровненности состояній, какъ въ казенныхъ селеніяхъ, гдѣ крестьяне, бывшіе при поселеніи ихъ въ значительномъ числѣ душъ мужского пола, захватили большіе и лучшіе участки, а другіе имѣли земли гораздо менѣе, хуже, въ отдаленіи отъ деревень, и потому остались слабыми хозяевами; достиженіе же одинаковаго состоянія поселянъ представлялось Инзову удобоисполнимымъ только тамъ, гдѣ хлѣбопашцы надѣлены были землею на семейства, а не на души. Въ еврейскихъ колоніяхъ бывали передачи хозяйствъ по установленнымъ правиламъ, и когда земля считалась на души и у принимавшаго хозяйство было не то число ревизскихъ мужского пола душъ, какъ у отдававшаго, то это производило затрудненіе. Оставлять прежде поселенныхъ евреевъ при надѣлѣ землею на души, Инзовъ находилъ неудобнымъ еще и потому, что вновь поселенные и имѣвшіе поселиться не водворялись отдѣльно (кромѣ колоніи Излучистой), а по недостатку въ водопояхъ приселялись къ существовавшимъ колоніямъ, слѣдовательно разность въ надѣлѣ поселянъ, жившихъ въ одной и той же колоніи могла препятствовать единообразнымъ ихъ распоряженіямъ въ хозяйственномъ пользованіи землею. Въ силу этихъ доводовъ Закревскій разрѣшилъ отвести всѣмъ семействамъ по 40 десят., съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы «при образованіи новыхъ колоній—онѣ учреждались изъ небольшого числа домовъ, умножали колодцы, пруды и обсаживали ихъ, для тѣни, ивами».

На этомъ актѣ измѣненія земельныхъ надѣловъ евреевъ (послѣ примѣненія рекрутской повинности и обращенія нѣкото-

рыхъ въ мѣщане) вдругъ по серьезнымъ предметамъ, прервались всѣ сношенія о колоніяхъ болѣе чѣмъ на 5 лѣтъ; за этотъ періодъ колоніи реорганизовались по правиламъ 1829 г., причемъ все было для всѣхъ такъ ясно, что никакихъ недоразумѣній не возникало, тѣмъ болѣе, что евреи усердствовали въ качествѣ землепашцевъ, судьба награждала ихъ урожаями, они были довольны начальствомъ, оно—ими, и общее благополучіе нарушалось лишь мелкими случайными явленіями. О нихъ-то изрѣдка и рапортовалось министерству съ конца 1829 по 1834 г. Такъ сообщалось о прибытіи новыхъ поселенцевъ (ихъ поступало, правда, не мало, но по одному, по два и много по 4 семейства сразу); о падежѣ скота; о появленіи холеры, чумы; о подтопѣ разливомъ рѣчки Ингулы запасныхъ хлѣбныхъ магазина и амбаровъ, отчего нагартовская колонія потерпѣла убытку на 227 р. 25 к., о сожженіи пожаромъ всего сѣна бобровокутскихъ поселенцевъ; о скоростижной смерти дѣвки Марины, бывшей служанки смотрителя колоніи Линевича, который засѣкъ ее до смерти и за то преданъ былъ суду и т. д.

Продолжительное полное какъ бы забвеніе о существованіи колоній объяснялось, впрочемъ, помимо того, что онѣ до известной степени вошли уже въ свою колею и не вызывали прежней непрерывной заботы объ нихъ, еще и чисто политическими тогдашними обстоятельствами. Сперва турецкая война 1828 г., * а потомъ польскій мятежь 1831 г., отвлекли вниманіе правительства отъ обиденныхъ дѣлъ, а потому они и текли себѣ заведеннымъ порядкомъ. Кончились война и мятежь, умиrotворили всѣхъ, свели всему итоги и вернулись къ домашнимъ дѣламъ. Тогда вспомнили, кстати, и о колоніяхъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ попечительному комитету «удостовериться на мѣстѣ о состояніи поселенцевъ; о ихъ нуждахъ, по случаю происходившаго въ краѣ неурожая; о средствахъ къ оказанію имъ помощи и о мѣрахъ къ поддержанію ихъ положенія». Комитетъ возложилъ это порученіе на знакомаго уже читателямъ члена комитета Фадѣева. Онъ объ-

* Послѣ этой войны евреямъ, въ числѣ прочихъ колонистовъ, простили всю недоимку въ податяхъ, поземельныхъ и на присутственныхъ мѣста по 1829 г., во вниманіе къ „тягостямъ, какіе они несли отъ слѣдованія, черезъ край, войскъ, квартированія у нихъ и поставки припасовъ“ (Указъ 6 декабря 1829 г.).

ѣздилъ колоніи и опять составилъ цѣлый трактатъ, на которомъ мы и остановимъ вниманіе читателей.

По свѣдѣніямъ Фадѣева къ 1 января 1835 г. во всѣхъ колоніяхъ было: мужчинъ 3580, а женщинъ 3165, всего 6745 душъ. Изъ нихъ имѣли способы къ пропитанію 5716 душъ, а не имѣли 1200 душъ; изъ числа послѣднихъ въ 1834 г. отправлено было, по ихъ желанію, на вольные заработки въ окружныя города и мѣстечки—434 души, а на общественныя—139 душъ; занимались въ самыхъ колоніяхъ ломкою камня на общественныя строенія и на загороди для плантацій—65 душъ (каменя наложили и сложили они въ сажени съ осени 1834 по 1835 г. 266 саж., платилось имъ по 2 р. 50 к. за сажень изъ суммъ на богоугодныя заведенія и мѣстныхъ общественныхъ); оставалось безъ всякихъ способовъ къ пропитанію, большею частію, престарѣлыхъ, больныхъ, женщинъ и дѣтей 331 человекъ; изъ нихъ содержались зажиточными поселенцами 172 человекъ, такъ, что оставалось такихъ, которымъ необходимо было помочь отъ казны, только 159 человекъ. Помощь эта опредѣлялась Фадѣевымъ «съ января по апрѣль 1835 г. по пуду ржи въ мѣсяць 477 пуд., да на половину этого числа душъ съ апрѣля до іюля, тѣмъ, коимъ наступленіе весенняго времени не откроетъ способовъ обойтись безъ пособія, 238¹/₂, всего 715¹/₂». Изъ этого количества выдано было Фадѣевымъ на 2 мѣсяца (средняя цѣна пуда ржи стоила 2 р. 20 к.), слѣдовательно на пропитаніе нуждавшихся требовалось—1574 р. 10 к. Хозяевъ въ 9 колоніяхъ дѣйствительно было 826; изъ нихъ на свои средства могли произвести яровой посѣвъ — 186; несостоятельныхъ, не имѣвшихъ ни рабочаго скота, ни приготовленной земли къ яровому посѣву и сѣмянъ—446; несостоятельныхъ, но приготовившихъ землю, располагавшихъ скотомъ и къ посѣву благонадежныхъ—194. На всѣхъ надо было 135 четв. А денегъ требовалось на яровыя сѣмена 2581 р. 20 к. и на пропитаніе людей 1574 р. 10 к., всего 4166 р. 30 к.

Разстроенное состояніе поселенцевъ заключалось, по словамъ Фадѣева, въ слабомъ хозяйственномъ ихъ обзаведеніи и въ числившихся на нихъ податныхъ недоимкахъ. Слабость же хозяйства выражалась въ томъ, что многіе изъ 486 хозяевъ были безъ рабочаго скота; только 198 хозяевъ (менѣе четвертой ча-

сти) имѣли собственные плуги; 300 хозяевъ (почти третья часть) вовсе не производили озимаго посѣва, а прочіе посѣяли лишь 509 четвертей, въ сложности не болѣе 1 четв. на хозяина. Наконецъ въ колоніяхъ было: лошадей — 307, а овецъ 664. Все это проистекало, по мнѣнію Фадѣева, не отъ однихъ неурожаевъ и падежа скота 1833 и 1834 гг., но и оттого, что многіе мало радѣли о хозяйствѣ. Въ подкрѣпленіе этой мысли Фадѣевъ привелъ слѣдующія сравнительныя статистическія данныя:

	Находилось во всѣхъ еврейскихъ колоніяхъ.			
	Въ 1813 г.	1823 г.	1833 г.	1835 г.
Рогатаго скота	1,164	3,218	5,832	2,820
Лошадей	67	223	307	307
Овецъ	—	279	1,629	664
Плуговъ	59	113	220	198
	въ десятилѣтіе съ 1813 по 1823 годъ.	Съ 1823 по 1833 г.	Въ послѣдніе 2 года четверть.	
Посѣвъ хлѣба въ сложности на хозяина состояло	2	2 ¹ / ₄	1 ³ / ₄	

Къ этимъ выводамъ Фадѣевъ прибавилъ, что въ теченіи всего времени пребыванія евреевъ въ колоніяхъ, они, какъ онъ убѣдился изъ дѣлъ, только въ 1818 г. имѣли достаточное количество собственнаго хлѣба на пропитаніе, а въ остальные 21 годъ питались большею частію покупнымъ; скотоводство же хотя въ урожайные годы и размножали, но всегда мелкій скоть. Къ 1835 г. на колоніяхъ числилось податныхъ и ссудныхъ недоимокъ 39,555 р. 35³/₄ к., податей и ссудъ за 1835 г. съ нихъ слѣдовало 46.831 р. 48 к. Задолжали они въ общественныя колоніальныя суммы по неурожаямъ 1833 и 1834 гг.—29,062 р. 71¹/₄ к.; получили же отъ казны въ 1834 г. на яровой посѣвъ ячменя 436²/₃ четв., по 16 руб. четверть — 7000 р. При всѣхъ усиленныхъ настояніяхъ, въ счетъ податей и казеннаго долга съ нихъ, въ 1834 г., взыскано было только 5,400 р. 11 к., да въ погашеніе долга, полученнаго на пособіе 433 р. 90 к., итого 5,834 р. 1 к.

Если бы въ 1835 году и послѣдовалъ обильный урожай, разсуждалъ Фадѣевъ, то на избытокъ хлѣба въ колоніяхъ все-таки надѣяться нельзя было: изъ колонистовъ одни — озимаго хлѣба не сѣяли, другіе — мало посѣяли, а заработки—по 40 к.

ассигнац. въ день на человѣка — были едва достаточны на дневное пропитаніе. Но ежели бы и представилась возможность выискать съ нихъ, въ 1835 г., въ уплату податей и долга вдвое противъ 1834 г., то къ 1836 г. на нихъ все таки оставалось бы до 100 тыс. руб. недоимки, которая, по соображенію всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, ежегодно должна будетъ возрастать, такъ какъ предотвратить неуройство поселенцевъ начальство не могло: безсиліе его сопровождалось отъ начала ихъ поселенія, имѣвшаго по увѣренію Фадѣева, слѣдующіе недостатки:

При начальномъ ихъ водвореніи не было опредѣлено, какиихъ именно людей слѣдовало брать на поселеніе, потому одного желанія было достаточно. Между тѣмъ, кромѣ физической неспособности къ полевымъ работамъ и недостатка рабочихъ рукъ въ семействахъ, большая часть переселенцевъ состояла изъ *бѣдныхъ* евреевъ, вынужденныхъ къ поселенію крайностію своего положенія и даже ихъ кагалами, а люди эти или по слабости тѣлесной не могли сдѣлаться земледѣльцами, или употребляли всѣ проницательство и хитрость для того чтобы жить, сколь возможно долѣе, на счетъ казны, потомъ домогаться продолженія льготы, носить только званіе земледѣльцевъ и пользоваться выгодами званія. Этому взгляду держались, по свидѣтельству Фадѣева, не только первоначальные колонисты, но и большая часть послѣдующаго поколѣнія; женскій же полъ всегда имѣлъ непреодолимое отвращеніе къ тяжелому труду. Такимъ образомъ, евреи въ сельскихъ работахъ являлись *одиночками*, какъ бы безсемейными хозяевами. Поселены они разсыянно на пространства 200 верстъ въ девяти колоніяхъ; изъ нихъ 5 отдалены отъ смотрителей на 30—70 верстъ и надзоръ за ними былъ невозможенъ. Кромѣ того близость ихъ поселенія къ городамъ Херсону, Николаеву и Одессѣ способствовала ихъ склонности къ бродяжничеству, по удобству скрываться въ нихъ и пріобрѣтать пропитаніе легкими промыслами.

Устроить надъ ними надлежащее мѣстное управленіе не было средствъ. Вслѣдствіе скудости содержанія не находилось способныхъ смотрителей, такъ что изъ 10—одинъ только могъ назваться хорошимъ и одинъ—посредственнымъ; остальные же 8 не могли содѣйствовать пріученію евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ, а только занимались полицейскимъ управле-

ніемъ, были депутатами при слѣдствіяхъ и въ судахъ по еврейскимъ дѣламъ, которыхъ, по наклонности евреевъ къ ябедничеству, всегда гораздо болѣе, чѣмъ у другихъ колонистовъ.

Всѣ эти недостатки крылись уже въ самомъ основаніи колонизации и произошли отъ того, говорилъ дальше Фадѣевъ, что водвореніе было совершенно *новое*, не только въ Россіи, но, кажется, во всей Европѣ. Къ этому присоединились неурожаи, болѣзни, отъращеніе евреевъ отъ тяжелыхъ работъ, надежды и домогательства ихъ собратій освободить ихъ отъ этого рода жизни. Затѣмъ, хотя съ 1815 по 1825 годъ число поселенцевъ и увеличилось прибывшими изъ Бѣлоруссіи, но и они явились не съ желаніемъ сдѣлаться земледѣльцами, а тоже вслѣдствіе запрещенія жить по деревнямъ, бывшихъ неурожаевъ, дороговизны хлѣба въ бѣлорусскихъ губерніяхъ и затрудненія въ пропитаніи. Изъ 1,800 семей едва нашлось до 300 дѣйствительно способныхъ къ земледѣлію, и потому остальные возвратились назадъ.

Правила о рекрутской повинности, по отзыву Фадѣева, дѣйствительно уменьшили уклоненіе еврейскихъ поселенцевъ отъ земледѣлія и отъ бродяжничества. Они были бы еще дѣйствительнѣе, если бы городскія и земскія полиціи поступали съ держателями бродягъ изъ евреевъ на точномъ основаніи этихъ правилъ. Но неурожаи 1833 г., сдѣлавъ невозможнымъ удерживать ихъ въ колоніяхъ, открылъ многимъ изъ нихъ, не имѣвшимъ доброй воли и желанія упряжняться въ сельскихъ занятіяхъ, — средство не сѣять ничего, или весьма мало, сбывать скотъ, бродяжничать, домогаться пособія и не платить податей.

По всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ Фадѣевъ полагалъ, что мѣры къ устройству еврейскихъ колоній должны быть приняты такія, какія практикуются въ Голландіи въ колоніяхъ для бѣдныхъ, или же въ русскихъ военныхъ поселеніяхъ, именно слѣдующія:

Объявить имъ рѣшительно, чтобы никакого дальнѣйшаго пособія отъ правительства не ожидали, ибо, послѣ оказанія имъ вспоможенія, одни въ немъ не нуждались, а другіе — сами должны его приобрѣтать до урожая, подобно всѣмъ прочимъ поселянамъ края. Это для нихъ тѣмъ болѣе было удобно, что неимѣвшіе скота и сѣмянъ — большею частію ремесленники. Всякое дальнѣйшее пособіе обременитъ казну новою издержкою,

къ возврату неблагонадежною, и едва ли принесеть существенную пользу: въ 1834 году они, случалось, съ мѣста посѣва выданный имъ хлѣбъ—продавали, а скоть—рѣзали, и такъ поступали даже и тѣ, которые не имѣли въ томъ существенной необходимости; мѣстное же начальство, по затрудненіямъ въ надзорѣ и «множеству пронирыливыхъ изворотовъ со стороны поселенцевъ, предупредить подобныхъ злоупотребленій было не въ состояніи».

Неурожаи, а слѣдовательно и недостатокъ въ пропитаніи и сѣменахъ у нихъ случались чаще, нежели у прочихъ поселянъ, потому что, кромѣ незначительныхъ посѣвовъ, они обрабатывали землю безпорядочно и несвоевременно. Поэтому ихъ надо было заставить вести общественные посѣвы, или дѣлать ежегодную ссышку хлѣба въ запасные магазины вдвое болѣе, чѣмъ у прочихъ поселенцевъ, (по 1 четверику озимаго и по гарнцу ярового, со всѣхъ мужескаго и женскаго пола душъ), а жившихъ болѣе промыслами и ремесленными заработками — принуждать вносить часть, съ нихъ слѣдующую, хотя бы хлѣбомъ покупнымъ.

Тѣхъ, которые будутъ противодѣйствовать распоряженіямъ начальства или же пустятся въ ябедничество и доносы, а также старшинъ за потачки и покровительство евреямъ, Фадѣевъ предлагалъ, по изобличеніи — наказывать непремѣнно, на основаніи постановленій о благоустройствѣ въ городахъ и селеніяхъ. Точно также смотрителей за нерадѣніе, плохое исполненіе правилъ предлагалъ онъ отрѣшать отъ должностей, а полиціи херсонской губерніи строго подтвердить, чтобы поступала съ передержателями изъ евреевъ по § 32, 33 и 81 приложеній къ рекрутскому уставу.

Въ виду того, что колоніи Израилевка и Большой Нагартавъ находились въ самомъ худшемъ состояніи, вслѣдствіе «случайнаго соединенія въ оныхъ людей нерадивыхъ, къ легкимъ промысламъ стремящихся и земледѣльческихъ работъ избѣгающихъ»—Фадѣевъ совѣтовалъ опредѣлить туда смотрительскихъ помощниковъ, которые бы наблюдали на мѣстѣ за исполненіемъ установленныхъ правилъ, съ жалованьемъ отъ 300 до 400 руб. въ годъ, изъ мѣстныхъ оброчныхъ доходовъ, получаемыхъ за состояющія при колоніяхъ излишнія земли. Касаясь награжденія ев-

реевъ земледѣльцевъ за прилежаніе и радѣніе въ сельскомъ хозяйствѣ золотыми и серебрянными медалями, поощрившими, по опытамъ, лишь тѣхъ изъ нихъ, которые носили званіе страшинъ, или достигли нѣкоторой степени достатка, Фадѣевъ считалъ полезнымъ учредить, кромѣ того, ежегодную выдачу денежныхъ премій для лицъ недостаточныхъ и трудолюбивыхъ.

Наконецъ, относительно податныхъ недоимокъ, числившихся на 307 семействахъ, водворенныхъ въ 1822 и 1823 годахъ, Фадѣевъ находилъ справедливымъ распространить и на нихъ положеніе 12 января 1826 г., т. е. обложить ихъ податами по истеченіи 10 лѣтней льготы, въ послѣдующія 10 лѣтъ отъ 15 до 20 к. съ десятины, а по минованіи 20 лѣтъ со времени поселенія,—сравнять ихъ съ казенными крестьянами, какъ это было сдѣлано для 692 семействъ, первоначально поселенныхъ, потому что первые были столь же бѣдны и подвергались всѣмъ неудобствамъ, какъ и послѣдніе.

Попечительный комитетъ безусловно присоединился къ взглядамъ Фадѣева и послалъ копію съ его проекта въ министерство при особой бумагѣ. Въ ней комитетъ отъ себя прибавилъ, что несообразности господствовали въ колоніяхъ отъ переходившаго отъ одного поколѣнія къ другому навыка евреевъ къ легкимъ промысламъ, беззаботливости и небрежности въ надзорѣ за скотомъ, при каковомъ «духъ они впадали въ неизбѣжное разстройство, съ наступленіемъ неурожайныхъ годовъ въ херсонской губерніи не рѣдко случавшихся».

Хотя обращеніе евреевъ въ земледѣльцы и сопряжено было со многими затрудненіями и пожертвованіями правительства, тѣмъ не менѣе опыты, по мнѣнію комитета, *заслуживали дальнѣйшаго продолженія*, изъ уваженія къ пользѣ, какая могла произойти, если *евреи сдѣлаются* хорошими сельскими хозяевами, хотя бы *въ слѣдующихъ поколѣніяхъ*; тогда докажется возможность привлечь большее число размножающихся ихъ единоумцевъ къ занятіямъ земледѣліемъ. Съ этою цѣлію комитетъ находилъ основательнымъ примѣненіе къ колоніямъ порядка, практикованнаго въ Голландіи въ колоніяхъ для бѣдныхъ или въ русскихъ военныхъ поселеніяхъ. А для этого комитетъ пожелалъ опредѣлить въ помощь смотрителямъ въ каждую колонію надзирателей, для надзора за полевыми работами по-

селенцевъ; ихъ же раздѣлить, по состоянію ихъ имуществовъ и силъ къ работамъ, на нѣсколько разрядовъ, назначивъ въ каждый изъ нихъ по старшинѣ изъ лучшихъ хозяевъ, оставивъ свободными хозяевами только прилежныхъ и благонадежныхъ, а всѣхъ прочихъ, въ количествѣ распашки, засѣвахъ, уборкѣ хлѣба, умолота, покосѣ травы, огородничествѣ и своевременномъ выѣздѣ на работы — во всемъ подчинить надзирателямъ, до тѣхъ поръ, пока достигнуть благосостоянія надежныхъ хозяевъ. Комитетъ, впрочемъ, оговорился, что, «не зная сообразно ли будетъ подобное предположеніе намѣреніямъ верховнаго правительства», онъ «представляетъ дѣло благоразсужденію онаго лишь потому, что по всѣмъ мѣстнымъ соображеніямъ сей способъ есть единственный къ тому, дабы когда либо поставить еврейскихъ поселенцевъ на чреду настоящихъ хлѣбопашцевъ».

Переходя къ числившимся на евреяхъ недоимкамъ, комитетъ заключилъ, что еврейскіе поселенцы по отношенію ко времени льготы и количеству слѣдовавшихъ съ нихъ податей, поставлены въ одинаковыя условія съ иностранными поселенцами, которые и въ Германіи занимались сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ евреи при водвореніи, напротивъ, не имѣли *никакого понятія* о земледѣліи, отчего должны были пріучаться къ управленію плугомъ, къ распашкѣ земли, къ содержанію скота и даже къ покосу травы; потому взыскать съ нихъ бездоимочно тѣже подати, какія уплачивали прочіе колонисты, по удостовѣренію комитета, невозможно было ни съ водворенныхъ прежде, ни съ поселенныхъ въ 1823 г. Оттого комитетъ считалъ справедливымъ, до улучшенія ихъ положенія, взимать съ нихъ лишь земскихъ повинностей—по 95 к.; на содержаніе присутственныхъ мѣстъ—по 18 к.; на содержаніе земскихъ чиновниковъ—по 30 к., дорожныхъ и судоходныхъ — по 30 к., на колонистское управленіе—по 94 к., поземельныхъ—по 2 р. 60 к., итого 5 р. 27 к. съ души, да долговыхъ по 5 р. съ семьи (вмѣсто вносимыхъ ими 19 р. 19 к. съ души и 5 р. съ семейства) въ годъ. Только перечисленные сборы евреи и могли, по мнѣнію комитета, уплачивать бездоимочно, да «открывали возможность содержать, на ихъ счетъ, предполагаемыхъ надзирателей, если учрежденіе ихъ будетъ одобрено».

Министерство не обратило никакого вниманія ни на про-

ектъ Фадѣва, ни на подкрѣпительные къ нему доводы комитета. Поступило такъ министерство не столько по несочувствію къ сжатію евреевъ въ бараній рогъ за то, что они добровольно не развивали земледѣлія, сколько потому, что къ этому времени самый вопросъ о евреяхъ-земледѣльцахъ принялъ особенное направление. Именно: обнародованное новое положеніе о евреяхъ (1835 г.) значительно расширяло ихъ право на земледѣльческую дѣятельность, да и въ правительственныхъ сферахъ зародилась идея попробовать предложить желающимъ евреямъ переселиться въ земледѣльцы на противоположную отдаленную окраину Россіи—въ Сибирь. Тамъ, думалось вліятельнымъ лицамъ, не бывало ни чумы, ни саранчи, ни неурожаевъ, а слѣдовательно правительство избавится отъ расходовъ на поддержку евреевъ отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, часто случавшихся въ Новороссіи. Какъ все это происходило и какіе именно получились результаты отъ означеннаго предположенія—объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

И.

(Продолженіе будетъ)

*) По документамъ отъ 5 мая, 29 іюня, 24 іюля, 28 сентября и 20 октября 1828 г., 1 мая и 16 августа 1829 г., 30 января, 28 февраля, 2 апрѣля, 29 іюня и 9 сентября 1830 г., 26 мая 1831 г., 29 ноября 1834 г., 13 февраля, 9 и 25 марта 1835 г.

ВИДѢНІЕ САУЛА.

(Изъ поэмы «Давидъ и Михалъ» Л. О. Гордона).

... Глубокій, топкій доль онъ видитъ предъ собою...
Тамъ чудомъ свѣтъ дневной слился съ ночью мглою...
Сплетались терніи съ цвѣтами... Въ полумглѣ
Тамъ робко ползають голубки по землѣ,
А змѣи носятся крылатою толпою...
Чудовищами доль таинственный вишить...
Все это движется, хохочетъ и шипитъ...
У каждаго языкъ торчитъ стрѣлою гибкой,
Уста-жь змѣяется тихой, нѣжною улыбкой...

И видитъ онъ—залить сіяньемъ золотымъ—
Вдали цвѣтущій садъ... Лазурный сводъ надъ нимъ
Раздался широко и блещетъ, и алѣетъ;
И души чистыя надъ садомъ тихо рѣютъ...
И слышится ему призывный гласъ:

„Прійди,

Прійди сюда, измученный въ пути!...
Здѣсь скоро отдохнешь усталою душою...
Спѣвши-жь, спѣши сюда, къ блаженству и къ покою!...“

— Что значить это все?!... Здѣсь тишина и свѣтъ,
А тамъ хаосъ и мракъ...“ И слышать онъ въ отвѣтъ:
„Здѣсь властны смерть и адъ, царять здѣсь прахъ и тлѣнье,
Тамъ—жизни свѣтлыя, священныя селенья!...“

Онъ въ саду бросился.... Но вдругъ—раздался громъ....
И вздрогнула подъ нимъ земля.... и все кругомъ
Слилось въ одинъ хаосъ.... И бездна роковая,
Отверзла пасть свою, у ногъ его зіяя....
И съ шумомъ мертвецы бѣлѣющей толпой
Явились передъ нимъ изъ пасти роковой....
Ужасенъ былъ ихъ взоръ, въ устахъ гнѣздилося тлѣнье,
Стучала кость о кость при каждомъ ихъ движеньи...
Десятки этихъ ругъ, изъѣденныхъ червями,
Коснулись его.... Онъ весь дрожалъ.... Мѣстами
Чернѣла кровь на ихъ одеждахъ.... Впереди
Былъ старецъ въ бѣлой тогѣ.... На пути
Сплоченною толпой теперь они стояли
И садъ таинственный отъ глазъ его скрывали....

„—О, кто ты, кто ты, тѣнь?...“ „—Я—Ахимелехъ..“—

Боже!...

А вы?...“ „Священники Нивія!...“ былъ отвѣтъ....

.....

С. Фругъ.

Л. О. ГОРДОНЪ

И ЕГО 25-ЛѢТНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Около 50 лѣтъ назадъ, въ китайской стѣнѣ средневѣковой замкнутости и исключительности, окружавшей жизнь литовскихъ евреевъ, была пробита первая брешь. Въ Вильнѣ, столицѣ и умственномъ центрѣ Литвы, подъ вліяніемъ такъ называемой Мендельсоновской школы и ея реформаторской дѣятельности, образовался кружокъ лицъ, ранѣе другихъ пришедшихъ къ убѣжденію, что старыя формы жизни отжили свой вѣкъ и пришли въ совершенную негодность и что необходимо замѣнить ихъ чѣмъ нибудь новымъ, свѣжимъ, болѣе соответствующимъ новымъ понятіямъ, распространившимся въ Европѣ съ конца XVIII вѣка. Окаменѣлый раввинизмъ, не сумѣвъ стать въ уровень со своей естественной ролью, само собою вытекавшей для него изъ Моисеева законодательства, не сумѣвъ сдѣлаться душой, такъ сказать верховнымъ владыкой теологической *мысли*, направляющимъ ее по указанію времени и жизни, сдѣлался рабомъ *буквы* всевозможныхъ кодексовъ, народившихся во множествѣ, особенно начиная съ XIV столѣтія, когда подъ гнетомъ непримѣрныхъ преслѣдованій извнѣ, еврейская мысль какъ бы потеряла способность настоящаго живого творчества и стала вращаться въ начертанномъ прошломъ узкомъ кругу мелочной обрядности и полумистической, полумистической, обыденной, сѣрой, прямолинейной, сухой и обязательной морали. Измельчавшій до такой степени раввинизмъ могъ удовлетворить только людей, никогда не переступавшихъ за заколдованную черту, никогда не дышавшихъ другимъ

воздухомъ, кромѣ воздуха еврейскаго гетто. Но лишь только кому нибудь случалось выйти на божій свѣтъ, лишь только его груди касалась струя свѣжаго воздуха и глазамъ его представлялась увлекательная картина настоящей, широкой, бьющей ключемъ жизни, во всемъ блескѣ ея разнообразія, во всей пестротѣ ея оттѣнковъ, во всей энергіи дѣйствующихъ въ ней, волнующихся и сталкивающихся между собою идей, интересовъ и стремленій,—то ему, конечно, уже трудно было мириться съ вялой, монашески однообразной, скованной тысячами ненужныхъ препонъ жизнью внутри еврейскаго муравейника. Какой мизерной, крошечной должна была казаться производительность тогдашняго раввинизма, врацавшаяся между невысуженнымъ еще яйцомъ, порвавшимся эйрувомъ и каплей молока, брызнувшей въ мясной горшокъ,—какой мизерной должна была казаться эта дѣятельность человѣку, читавшему Вольтера, Руссо, Гете и Байрона и охваченному могучимъ потокомъ міровыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ концомъ прошлаго столѣтія! Конечно, такихъ единицъ сначала было очень мало и они, разъ оставивъ Ноевъ ковчегъ, обыкновенно не возвращались болѣе туда, такъ что обитатели ковчеза такъ и оставались безъ всякаго понятія о томъ, какова жизнь внѣ ковчеза. Но жизнь народа не даетъ себя заключить въ стосажженный ящикъ, и для духа времени не существуетъ герметически запертыхъ пространствъ. Число алчущихъ жизни и жаждущихъ свѣжаго воздуха стало возрастать; ихъ, наконецъ, народилось столько, что общими усилиями удалось имъ прорубить окно, черезъ которое внѣшній воздухъ сталъ проникать въ самый ковчегъ. Это, разумѣется, вызвало цѣлую бурю внутри ковчеза. Многіе изъ обитателей такъ полюбили его спертый воздухъ, такъ свыклись съ господствовавшимъ въ немъ полумракомъ, что врывавшіяся черезъ окно струи воздуха вызывали у нихъ дрожь, а проникавшіе туда лучи свѣта рѣзали имъ глаза; и вотъ они задались мыслью вновь закрыть неудобное окно, въ чемъ любители свѣта и свѣжаго воздуха старались имъ помѣшать. Тутъ-то и возгорѣлась борьба. Любители свѣта

и воздуха, или, говоря проще, люди новой мысли, съ благородствомъ настоящихъ пионеровъ, съ самоотверженіемъ людей, убѣжденныхъ въ своей миссиі, проповѣдывали свои новыя, купленные дорогой цѣной убѣжденія, и ни отчаянныя усилія поборниковъ старины, ни ихъ угрозы, ни ихъ неумѣлая пропаганда не могли остановить новыхъ людей въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ. Скоро эти новые люди составили свой кружокъ, бывшій среди окружающаго его мрака чѣмъ-то въ родѣ оазиса въ Сагарской пустынѣ. Всякій, кто жаждалъ знанія, кому не въ терпезь стало отъ сухой казуистики и еще болѣе сухого размноженія религіозныхъ постановленій и запретовъ, обращался къ этому кружку—и обращался не даромъ. Кружокъ давалъ ему пріютъ, защищалъ его, если нужно и возможно было, отъ преслѣдованій самодовольнаго невѣжества, направлялъ его мысли, его дѣятельность, сообщалъ его неопредѣленнымъ, не вполне еще сознательнымъ стремленіямъ опредѣленное направленіе, необходимую для плодотворной дѣятельности сознательность, словомъ, кружокъ являлся центромъ умственнаго движенія Литвы, маякомъ для блуждающихъ въ темнотѣ, вдохновителемъ, инициаторомъ и могущественнымъ рычагомъ въ дѣлѣ освобожденія народной мысли отъ вѣковыхъ оковъ. Во главѣ этого круга стояли тогдашніе корифеи еврейской литературы: А. Б. Лебенсонъ, М. А. Гинцбургъ, Г. Каценеленбогенъ, Л. Гурвичъ, С. І. Финъ и другіе. Подъ вліяніемъ этого кружка образовалась тогда цѣлая плеяда еврейскихъ писателей, пріобрѣвшихъ потомъ значительную извѣстность; вліянію этого кружка, вѣроятно, обязанъ своимъ появленіемъ журналъ «Пирхе Цофонъ», долженствовавшій быть для русскихъ евреевъ чѣмъ-то въ родѣ заграничныхъ еврейскихъ сборниковъ «Kerem Chemed», «Kochbe Izchak» и т. д.,—журналъ, который, къ сожалѣнію, прекратился на второмъ выпускѣ.

Но существованіе кружка продолжалось не долго. Идея этого кружка—просвѣщеніе евреевъ, отчасти подъ натискомъ духа времени, отчасти благодаря энергическимъ правитель-

ственнымъ мѣропріятіямъ, скоро перестала быть кружковой идеей и стала пускать глубокіе корни въ массѣ народа, а вмѣстѣ съ этимъ упразднилась и необходимость кружковой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что основанныя тогда раввинскія училища давали возможность бороться съ упорствующимъ мракобѣсіемъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ оружіемъ и вести эту борьбу въ широкихъ размѣрахъ. Кружокъ, такимъ образомъ, сдѣлался лишнимъ, и лица, считавшіяся его непремѣнными членами, или находившіяся подъ его вліяніемъ, разбрелись на всѣ четыре стороны; большинство изъ нихъ, привыкшіе къ какимъ-то идеальнымъ, отвлеченнымъ и не всегда хорошо сознаннымъ и реально осуществимымъ стремленіямъ, такъ и не могли примириться съ суровой дѣйствительностью, съ беспощадной въ своей реальности жизнью, особенно же не могли они помириться съ мыслью, что время ихъ прошло, что нагрѣли иныя потребности, настала пора новыхъ дѣятелей, а они остались внѣ колеи, не будучи въ состояніи идти вслѣдъ за жизнью и примѣняться къ новымъ ея требованіямъ; только немногіе изъ нихъ, болѣе даровитые и жизнеспособные, сумѣли понять духъ новаго времени, отгадать смыслъ новыхъ условій жизни и, примѣняясь къ этимъ условіямъ, развить свою благотворную дѣятельность. Только немногіе сумѣли, отказавшись отъ несбыточной надежды воскресить прошлое, примириться съ настоящимъ и трезво смотрѣть будущему въ глаза, — и къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ дѣятелей на поприщѣ новоеврейской литературы — Левъ Осиповичъ Гордонъ.

Л. О. Гордонъ родился въ 1830 году, въ Вильнѣ. Дѣтство его прошло при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ въ то время жило и воспитывалось все нарождавшееся поколѣніе русскаго еврейства: тотъ же меламедъ, тотъ же хедеръ, тѣ же колотушки и обветшалые приемы обученія; та же головоломная талмудическая мудрость, то же изученіе Библии безъ толку, безъ системы, безъ пониманія ея духа, ея поэтическихъ красотъ, болѣе для исполненія какого-то рутиннаго долга, чѣмъ

для ознакомленія съ изучаемымъ предметомъ. Подъ губящимъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, можетъ быть, заглохло бы и въ Л. О. его природное дарованіе, какъ было уже погублено въ этой затхлой атмосферѣ множество молодыхъ и свѣжихъ силъ. Но, къ счастью, переходя по обыкновенію изъ хедера въ хедеръ, отъ меламеда къ меламеру, Л. О. попалъ къ одному меламеру, бывшему ученикомъ извѣстнаго р. Хаима Васо-жинера и домашнимъ человѣкомъ у р. Ильи Вильнеръ, такъ называемаго виленскаго гаона. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ сильнымъ поборникомъ Библии, библейскаго языка и его грамматики. Подъ вліяніемъ этого замѣчательнаго чело-вѣка, многіе благочестивые талмудисты, считавшіе прежде изученіе Библии дѣломъ не стоющимъ серьезнаго вниманія и, пожалуй, даже не совсѣмъ благочестивымъ, взялись за книгу книгъ и стали заучивать ее наизусть; въ числѣ этихъ лицъ находился также новый учитель Л. О., который съумѣлъ вну-шить своему чуткому ученику любовь къ библейскому слову и пониманіе красоту библейскаго языка. Разъ, рассказываетъ Левъ Осиповичъ, ему попалось какое-то еврейское стихотворе-ніе, написанное на клочкѣ бумаги. Л. О. сталъ съ особеннымъ любопытствомъ и интересомъ прочитывать найденный имъ лоскутокъ; дѣло было въ хедерѣ, помѣщавшемся въ домѣ благочестиваго и ревностнаго еврея. Послѣдній, увидѣвъ въ рукахъ Л. О. бумажку, исписанную коротенькими строками, внушавшими въ тѣ времена благочестивый страхъ всякому бо-гобоязненному еврею, наградилъ застигнутаго за «опаснымъ» занятіемъ мальчика тяжеловѣсной пощечиной. Это было пер-вымъ «поощреніемъ» Л. О. на поприщѣ служенія еврейской музѣ. Однако видно, что это поощреніе не подѣйствовало на молодого Л. О. запугивающимъ образомъ; напротивъ, онъ про-должалъ еще съ большимъ рвеніемъ заниматься Библиею, ев-рейскимъ языкомъ и его грамматикой и, будучи пятнадцати-шестнадцати лѣтъ отъ роду, уже завязываетъ знакомство съ М. Лебенсономъ, считавшимся тогда восходящей звѣздой первой величины.

М. Лебенсонъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше Л. О. и съ чуткостью настоящаго поэта съумѣлъ открыть въ своемъ молодомъ товарищѣ задатки истиннаго дарованія, такъ что молодые люди сошлись очень близко, и въ своемъ לשלי יחודי Л. О. посвящаетъ своему рано погибшему другу строки, которыя могли быть продиктованы только истинной дружбой. Дѣйствительно этимъ двумъ даровитымъ юношамъ трудно было тогда не соединиться узами тѣснѣйшей дружбы: оба были молоды, воспріимчивы, впечатлительны и беззавѣтно преданы еврейской музѣ; оба носились съ величавыми библейскими образами, которые они и положили въ основаніе своихъ произведеній: М. Лебенсонъ—своего Соломона, Самсона и другихъ, а Л. О. своего «Давида и Михаль», «Давидъ и Варзили» и т. д. Впрочемъ, М. Лебенсонъ не сразу сталъ на эту дорогу; напротивъ, первое его произведеніе составляетъ переводъ поэмы Виргилія «Разрушеніе Трои». Переводъ былъ сдѣланъ мастерски и отличалъ въ молодомъ переводчикѣ недюжинное дарованіе, но зачѣмъ понадобилось перевести поэму знаменитаго римскаго поэта на древне-еврейскій языкъ?—это осталось такой же тайной, какъ, напримѣръ, въ болѣе позднее время необходимость перевода на тотъ же языкъ «Парижскихъ Тайнъ», «Вѣчнаго Жида» и т. п. На мысль заняться библейскими темами М. Лебенсона натолкнулъ Цунцъ, которому молодой поэтъ преподнесъ свой переводъ и, можетъ быть, только вліянію знаменитаго германскаго ученаго мы обязаны появленіемъ въ свѣтъ такихъ перловъ еврейской поэзіи, какъ «Саломонъ-Когелеть», «Местъ Самсона», «Іегуда Галеви». * У Льва Осиповича же мы видимъ

* Собраніе стихотвореній М. Лебенсона בין צנץ было издано отцомъ поэта, А. Б. Лебенсономъ, въ то время, когда юный поэтъ лечился за границей отъ той страшной болѣзни, которая потомъ скосила его молодую, столько обѣщавшую жизнь. Но такъ какъ М. Лебенсонъ писалъ небезукоризненно въ грамматическомъ отношеніи и, сверхъ того, очень неразборчивымъ и неудобочитаемымъ почеркомъ, то А. Б. Лебенсонъ искалъ человека, который могъ-бы переписать эти стихотворенія, чтобы ему возможно было затѣмъ сдѣлать въ нихъ необходимыя замѣненія. Выборъ его палъ на Л. О., тогда 17 лѣтняго юношу. Л. О. охотно взялся за эту работу и, переписывая стихи, самъ, ни-

совершенно другое. Его библейскія темы занимають съ самаго начала его творческой дѣятельности. Первымъ написаннымъ имъ произведеніемъ было «Давидъ и Варзили»; но въ печати раньше всѣхъ появилась его поэма «Давидъ и Михаль».

Канва для этой поэмы взята изъ библейскаго разсказа о судьбахъ Давида, причѣмъ библейскій хроникеръ присовокупляетъ: «а Михаль, дочь Саула, полюбила его». Конечно, библейскому хроникеру, занятому политическими событіями цѣлаго народа, часто передававшимися имъ въ необыкновенно сжатомъ изложеніи, некогда и незачѣмъ было останавливаться на судьбахъ отдѣльныхъ людей, на ихъ чувствахъ и похожденіяхъ; но подъ рукой поэта этотъ библейскій намекъ превращается въ цѣлую поэму, отличающуюся богатствомъ красокъ и цѣлностью содержанія. Дѣйствительно, канва прекрасная. Съ одной стороны величественный образъ гордаго, вспыльчиваго, мнительнаго, но при всемъ томъ благороднаго царя Саула, а съ другой — Давидъ, пастухъ, играющій на арфѣ, являющійся въ царскій домъ въ качествѣ искуснаго музыканта, звуки котораго должны услаждать царскій слухъ и разогнать его хандру. Предъ глазами читателя совершается переворотъ въ судьбахъ обоихъ этихъ лицъ, стоящихъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Давидъ, пребывая въ царскомъ домѣ, мало по малу изъ бѣднаго, никому неизвѣстнаго пастуха превращается въ героя, умнаго и прозорливаго царедворца, въ любимца войска и народа, наконецъ, въ царскаго зятя и интимнѣйшаго друга его наслѣдника; сообразно этому Саулъ теряетъ свою популярность въ народѣ, лишается своего самообладанія, дѣлается придиричивъ, несправедливъ и раздражителенъ и доходитъ до того, что начинаетъ чувствовать превосходство

кому не сообщая объ этомъ, поправляя въ нихъ нѣкоторыя мѣста по своему усмотрѣнію. А. Б. Лебенсонъ, извѣстный какъ педантъ въ отношеніи грамматической чистоты языка, замѣтивъ измѣненія въ стихотвореніяхъ сына, сдѣланна *переписчикомъ*, вполне одобрилъ ихъ, говоря, что Л. О. преупредилъ его собственныя намѣренія, и порекомендовалъ Л. О. одному изъ тогдашнихъ корифеевъ еврейской литературы, какъ юношу, подающаго большія надежды.

музыканта-пастуха и бояться его все возрастающаго вліянія. Между этими двумя героями поэмы стоитъ главная героиня— царская дочь, Михаль, полюбившая молодого героя со всѣмъ жаромъ своего пылкаго, благороднаго сердца. Ни разница происхожденія и положенія, ни извѣстное ей нерасположеніе ея отца къ Давиду не останавливаетъ ее; она беззавѣтно отдается своему чувству; чарующая нѣга первой любви приковываетъ ея взоры къ поэтическому юношѣ, когда онъ, для царскаго удовольствія, извлекаетъ изъ своей арфы чудные звуки, то свѣтлой надежды, то давящей грусти и тоски. Она понимаетъ этотъ языкъ, она знаетъ, кому посвящены эти могучіе звуки, кто царитъ въ сердцѣ юнаго героя, волнуемаго такими разнообразными чувствами. Она видитъ, что избранникъ ея сердца изнываетъ въ непосильной борьбѣ между пламенной любовью и горкими сомнѣніями, между озаряющей его по временамъ надеждой и леденящимъ его душу отчаяніемъ; въ уединеніи лѣсовъ онъ на своей арфѣ изливаетъ всю накопившуюся въ немъ тоску и душевную боль; царская дочь слышитъ это и, осиливъ свою дѣвичью стыдливость и свою царственную гордость, признается мечтательному юношѣ въ своей жгучей, вѣчной, неизмѣнной любви.—Давиду достаточно знать, что онъ любимъ своей Михаль, что ея сердце бьется для него—и никакіе подвиги уже не трудны для него, чтобы пріобрѣсти руку обожаемой дѣвушки; онъ терпѣливо сноситъ капризную неблагодарность ея непостояннаго отца, онъ рѣшается даже на такое самопожертвованіе, какимъ несомнѣнно должны считаться его походъ во главѣ пары десятковъ вѣрныхъ людей въ филистимлянскій лагерь и убіеніе имъ двухъ сотъ враговъ, чтобы такимъ образомъ поймать царя на словѣ и получить руку его дочери. Давидъ, наконецъ, получаетъ свою Михаль—конечную цѣль его желаній, его мечтаній, надеждъ, стремленій, опасеній, его тоски и отчаянія; онъ—самый счастливый изъ людей; въ объятіяхъ своей Михаль онъ забываетъ всѣ невзгоды, забываетъ царскую мнительность, забываетъ витающую

постоянно надъ его головой опасность: для героя настала часъ отдыха и наслажденія...

Но не долго продолжался земной рай Давида! Увы, идиллии его юной любви, его медовыхъ дней коснулось ядовитое дыханіе зависти, этого ужаснаго орудія сатаны—и чаша его наслажденій отравлена. И поэтъ восклицаетъ:

Страшный адъ ты, о, зависть роковая!
Языкъ твой—пламя, стали крѣпче твои зубы;
И адскимъ пламенемъ сердца ты пожираешь,
И дружбы и любви союзы разрываешь.

Постоянныя удачи Давида еще больше обозлили царя Саула; онъ сталъ чувствовать, что въ этихъ удачахъ заключается серьезная опасность для его династіи, что этотъ простоватенкій, краснощекій пастушекъ уже въ гораздо большей степени обладаетъ симпатіями народа, чѣмъ его, гордый могущественный царь. И по мѣрѣ того, какъ червь зависти все болѣе и болѣе заѣдаетъ сердце царя, въ немъ все усиливается недолимое желаніе избавиться отъ соперника. Съ этой цѣлью онъ подсылаетъ убійцъ, окружающихъ всѣ выходы изъ дома Давида, чтобы онъ не могъ избѣгнуть смерти. Но его вѣрная жена, Михаль, находитъ средство избавить своего обожаемаго мужа отъ вѣрной гибели: со свинцовой грустью въ сердцѣ и горячими прощальными благословеніями на устахъ она спускаетъ Давида въ окошко и, чтобы ввести убійцъ въ заблужденіе и не давать имъ погнаться за Давидомъ, она кладетъ пенаты на мѣсто мужа, облачаетъ ихъ въ его платье, и пока посягающіе на жизнь Давида убѣждаются въ обманѣ, самъ Давидъ уже успѣлъ спрятаться въ лѣсу, куда его Михаль обѣщала явиться къ нему, чтобы проститься съ нимъ передъ разлукой, конца которой они не могли предвидѣть. Дѣйствительно, имъ, въ продолженіи всего царствованія Саула, уже видѣться не пришлось. Давидъ, любимецъ народа, герой, столько разъ неустрашимо пробившій себѣ дорогу сквозь сонмища враговъ, долженъ бѣжать отъ гнѣва своенравнаго царя; онъ, во главѣ дружины изъ преданныхъ лицъ, скитается по чужимъ землямъ, укрываясь въ пу-

стыняхъ, въ лѣсахъ и пещерахъ отъ преслѣдованій неблагодарнаго Саула. Любимый народный герой остается вдали отъ Иудей даже въ ту критическую минуту, когда горячо любимой имъ родинѣ, готовится страшный ударъ со стороны филистимлянъ, этихъ исконныхъ враговъ древней Иудей. Мнительный, хандрящій, надломанный Сауль теряетъ всякую самоувѣренность, всякую внутреннюю силу, его добрый геній уже давно оставилъ его, и онъ рѣшительно не способенъ уже выступить во главѣ народной арміи и доставить ей побѣды, какъ во время оно. Онъ бросается къ священникамъ, чтобы при помощи *уримъ* заглянуть въ будущее и узнать объ исходѣ предстоящей войны, но священниковъ нѣтъ; онъ самъ необдуманно и жестоко умертвилъ ихъ за мнимое содѣйствіе проискавъ Давида, а единственный священникъ, оставшійся въ живыхъ, бѣжалъ къ Давиду, забравъ уримъ съ собою. Испытавъ неудачу въ своей попыткѣ обратиться къ Богу, Сауль рѣшается постучаться въ двери ада. Въ страшномъ отчаяніи онъ восклицаетъ:

Къ небесной выси лишь одна ведетъ дорога,
И Богъ ее передо мною закрываетъ,
А въ бездну, въ адъ путей есть очень, очень много,
Мечи и Херувимы ихъ не пресѣкаютъ.

Сауль отправляется искать колдунью, которая, распоряжаясь адскими силами, предсказала-бы ему исходъ войны. Но напрасно царь такъ старался снять покрывало съ грознаго лица этого таинственнаго будущаго: то, что онъ узналъ, было способно только довести его отчаяніе до послѣднихъ предѣловъ; онъ узнаетъ, что часъ его пробилъ, что завтра его не будетъ больше въ живыхъ. И пророчество это сбылось! Сауль былъ убитъ филистимлянами, его армія разбита на голову, и его престолъ послѣ нѣкотораго времени унаслѣдованъ Давидомъ, который первымъ условіемъ принятія царской короны ставитъ — возвращеніе ему его все еще любимой Михаль, которая между тѣмъ, по повелѣнію Саула, была отдана другому. Михаль возвращена въ домъ Давида, но минута

любви уже прошла! Отъ прежней жгучей любви остались одни блѣдныя воспоминанія. Давидъ еще любилъ свою Михаль, но уже не могъ отдаваться этому чувству, какъ въ тѣ дни, когда онъ былъ царскимъ арфистомъ, только что начинавшимъ свою политическую карьеру. Теперь на его рукахъ былъ многочисленный народъ, всѣ заботы о которомъ поглощали все время, все вниманіе и всѣ силы царя. Къ тому же у Михаль не было дѣтей, слѣдовательно, она не могла сдѣлаться матерью наслѣдника престола. Всѣ эти обстоятельства стали между Давидомъ и нѣкогда такъ горячо любившею его Михаль, которая послѣ одного столкновенія съ царемъ почти окончательно расходится съ нимъ, хотя любовь ея къ нему не угасаетъ. Въ послѣдней, двѣнадцатой, пѣсни поэмы «Давидъ и Михаль» мы видимъ обоихъ этихъ, нѣкогда умѣвшихъ такъ пламенно любить и такъ сладко мечтать героевъ поэмы въ положеніи, совершенно различномъ отъ того, въ какомъ мы находимъ ихъ въ началѣ поэмы. Тогда они находились въ веснѣ своей жизни, теперь настала глубокая осень; тогда Давидъ былъ мечтательный пастушекъ, умѣвшій извлекать изъ своей арфы звуки, приводившіе въ восторгъ даже хандрящаго царя; любивъ царскую дочь, о взаимности которой онъ не дерзаетъ и думать, онъ повѣряетъ свою грустную тайну опять таки только вѣщимъ струнамъ своей арфы; напротивъ, Михаль—величественная неприступная красавица, гордо отвергающая всѣ мольбы и вздохи безчисленныхъ поклонниковъ, внимая исключительно голосу своего сердца, отдаетъ свою руку и сердце вчерашнему пастуху изъ Виеелеема. Теперь декорація перемѣнилась. Давидъ—сѣдой монархъ, имя котораго приводитъ въ трепетъ враговъ, могущественный царь всего Израиля, постарѣвшій отъ разныхъ жизненныхъ невзгодъ и окружившій свой народъ небывалымъ блескомъ военной славы, а Михаль—одинокая, брошенная, разочарованная, удалившаяся въ одинъ изъ замковъ своего отца, чтобы прожить остатокъ дней своихъ въ горькомъ одиночествѣ среди мѣсть, напоминающихъ ей о быломъ величїи, о свѣтлыхъ дняхъ молодости, о своихъ свиданї-

яхъ съ Давидомъ, о короткихъ минутахъ любви и жгучихъ наслажденій и о долгихъ, долгихъ дняхъ тоски по скитающемся въ чужихъ земляхъ мужѣ. И смерть застаеъ *ею* въ пышной обстановкѣ блестящаго двора, среди преданныхъ слугъ и друзей и народнаго ликоваія по поводу воцаренія его любимаго сына, Соломона, а *ее* — въ пустынномъ лѣсу, окружающемъ ея уединенный замокъ, подъ тѣмъ самымъ деревомъ, гдѣ она впервые поклялась своему Давиду въ вѣчной любви; тамъ она доживаетъ послѣднія минуты и тамъ она оставляетъ свою земную жизнь, произнося въ послѣдній разъ имя своего незабвеннаго, единственнаго Давида... Дочитавъ послѣднія строки поэмы, невольно вспоминаешь слова Жюли, обращенныя къ Донъ-Жуану:

Любовь не *суть* мужчины, она ему игра,
 Но жизни женской, она весь смыслъ.
 И шумный дворъ и церковь, море и поле брани —
 Это все для васъ, дорожащихъ силой и славой.
 Прославить свое имя—вотъ цѣль у васъ бакал,
 У рѣдкаго изъ васъ живетъ иная цѣль.
 Совсѣмъ иной удѣлъ *мы* въ жизни имѣемъ
 Мы умѣемъ лишь любить и страдать.

Что же касается художественной обработки поэмы, то не отрицая существованія въ ней мѣстъ, которыя должно назвать блѣдными, мы должны однако сказать, что вообще она изобличила въ своемъ, очень молодомъ еще тогда авторѣ, истинное поэтическое дарованіе. Нѣкоторыя мѣста прямо поражаютъ поэтическимъ блескомъ. Описанія природы, которыхъ очень много въ этой поэмѣ, почти всюду прекрасны, а мѣстами восхитительны; поэтъ какъ бы гереселился духомъ въ тотъ прекрасный уголь Палестины, гдѣ первый еврейскій царь основалъ свою столицу, и восторгается его природными красотами. Богатство и яркость красокъ особенно выдаются при частыхъ переходахъ автора отъ явленій свѣтлыхъ, прекрасныхъ къ явленіямъ мрачнымъ и грустнымъ. Любимые поэтомъ лица и предметы являются у него какъ бы облитыми цѣлыми полосами свѣта; напротивъ же, лица и явленія, ему несимпатичныя, какъ-то враждеб-

но, нелюдимо смотрятъ на насъ сквозь густые слои самой мрачной тѣни. Изъ отдѣльныхъ сценъ особенно хороша сцена триумфальнаго шествія войска съ царемъ во главѣ послѣ побѣды надъ Голиаѳомъ. Хорошо также свиданіе Давида съ Михаль, въ лѣсу, послѣ его бѣгства, но тамъ поэтъ нѣсколько увлекся обычной въ то время склонностью къ философствованію, такъ что онъ совершенно некстати заставляетъ свою Михаль тратить дорогія минуты послѣдняго свиданія на разсужденія о достоинствахъ идеальной любви и о безсмертіи души. Это тѣмъ болѣе жаль, что всѣ эти сентенціи являются въ устахъ красавицы временъ Саула неестественными и очень натянутыми. Сцена прощанія много-бы выиграла, еслибы она была короче и Михаль менѣе словоохотлива, словомъ, если-бы вышли, говоря словами Гейне,

Kurze Worte, lange Küsse,

а не наоборотъ. Да и Давидъ напрасно заставляетъ свою возлюбленную выслушать его псалмъ въ такое неудобное время.

За то истиннымъ перломъ поэзіи и художественнаго творчества является восьмая пѣсня, въ которой рисуется настроеніе мнительнаго, мучимаго самолюбіемъ и терзаемаго своей совѣстью Саула. Сонъ Саула предъ сраженіемъ на Гильбоа, заставляющій его искать совѣта и спасенія сперва въ Богѣ, а затѣмъ въ темныхъ силахъ ада, такъ богатъ поэтическими красотою, что его слѣдуетъ считать однимъ изъ лучшихъ мѣстъ всей поэмы *. Жаль только, что поэтъ не воспользовался такимъ благодарнымъ матеріаломъ, какъ сама сцена вызванія духа Самуила. Желаніемъ обойти техническія трудности мы этого не расположены объяснить потому, что поэтъ, какъ можно заключить изъ многихъ мѣстъ поэмы, не только не боится подобныхъ трудностей, но, напротивъ, ему доставляетъ видимое удовольствіе бороться съ ними. Вообще, вся поэма отличается такимъ богатствомъ, такой гибкостью, силой и мѣткостью языка, что о чемъ либо, невыполнимомъ для поэта въ области литературной техники, едва-ли можно говорить.—Къ

* См. выше стих. „Видѣніе Саула“ въ переводѣ С. Г. Фруга.

лучшимъ главамъ поэмы принадлежитъ также послѣдняя, двѣнадцатая пѣсня, гдѣ совершается самая естественная развязка всей поэмы,—смерть обоихъ героевъ въ одинъ и тотъ же часъ, какъ будто имъ суждено было опять встрѣтиться, но уже тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста ревности, волненіямъ, политическимъ соображеніямъ и интригамъ:

И подь березой той завѣтной, гдѣ впервые
Она влялась ему въ любви своей сердечной,
Теперь на вѣкъ она простилася съ землею
И встрѣтились они во храмѣ жизни вѣчной.

Д. Канторъ.

(Окончаніе будетъ).

БЕРНЕ И ГЕЙНЕ.

ГЛАВА ИЗЪ «ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ» ГРЕТЦА.

II. Гейне.

Генрихъ (Гарри) *Гейне* (род. въ Дюссельдорфѣ 1799, ум. въ Парижѣ 1856) * былъ по природѣ неизмѣримо болѣе евреемъ, чѣмъ Берне; онъ въ высокой степени обладалъ всѣми преимуществами и недостатками евреевъ. Но кто въ состояніи изобразить эту натуру хамелеона, этого «необузданнаго любимца грацій и музъ» (какъ его называли), этого насмѣшливаго романтика и лирическаго философа? Онъ одинъ былъ бы въ состояніи дать намъ мѣткій образъ самаго себя, если бы могъ отразить себя въ зеркалѣ своего ума. Умъ Берне подобенъ былъ прозрачной водѣ ключа, пробѣгающаго по чистымъ камушкамъ и волнующагося только подъ напоромъ бурь, умъ Гейне напротивъ подобенъ былъ водовороту, на поверхности котораго солнечные лучи переливаются цвѣтами радуги, но который увлекаетъ приближающіяся суда въ свои бурныя пучины и дробить ихъ, если они не крѣпкой постройки. Гейне былъ такимъ же глубокимъ мыслителемъ, какъ и поэтомъ-художникомъ, такимъ же неумолимымъ критикомъ, какъ и милымъ насмѣшникомъ, онъ былъ полонъ и оригинальныхъ мыслей и пѣсень. Берне въ сущности не понялъ основного тона существа Гейне: такъ какъ Гейне не вѣрилъ, подобно

* Биографическія свѣдѣнія заимствованы по большей части изъ „Heine's Leben und Werke von Strodtmann, 1867—1869“; анекдоты Германа Шиффа, „Heinrich Heine und der Neu-Israelitismus“, не всегда достовѣрны.

ему, что христіанинъ тотъ, кто любить и поклоняется—чести ли, славѣ, мужеству, вѣрности, свободѣ и истинѣ, что христіанство есть пантеонъ всѣхъ этихъ божествъ,—такъ какъ Гейне осмѣивалъ эту туманность мысли и чувства, то Берне утверждалъ, что онъ неспособенъ былъ ни къ какому серьезному направленію, ни къ какому убѣжденію, что онъ рѣдко заблуждался, потому что рѣдко искалъ истину *. Гейне незачѣмъ было искать истину, она сама низлетала къ нему, она открывалась ему, какъ своему любимцу, подобно музѣ, шаловливой и ласковой. За его смѣхомъ скрывалось очень часто болѣе серьезнаго убѣжденія, чѣмъ за проповѣдью брюзги-моралиста. Гейне рвался къ идеаламъ, которымъ онъ могъ бы создать культъ своимъ умомъ, и, не находя ихъ, онъ осмѣивалъ кумировъ, заставлявшихъ поклоняться себѣ какъ богамъ. Во всякомъ случаѣ онъ глубоко рѣшилъ загадки исторіи. Изъ любви къ формѣ онъ никогда не жертвовалъ содержаніемъ тамъ, гдѣ оно имѣло больше значенія. Правда, онъ часто мѣнялъ свои взгляды, но онъ не игралъ своими убѣжденіями. Гейне не былъ политическимъ писателемъ по призванію, онъ былъ только политическимъ дилетантомъ; для него искусство было выше политики. Поэтому онъ отвернулся отъ нея еще прежде, чѣмъ доморощенный либерализмъ потерпѣлъ крушеніе. Онъ рано понялъ ея бессодержательность и крики о томъ, что она имѣетъ цѣлебный бальзамъ противъ всѣхъ язвъ. Мѣнялись и его религіозныя воззрѣнія, но своему образу мыслей онъ никогда неизмѣнялъ. Никогда не писалъ онъ и не дѣйствовалъ противъ своего *временнаго* убѣжденія. Если онъ нѣкоторое время былъ приверженцемъ ложной философіи, дѣлавшей изъ человѣка божество, то онъ потомъ понялъ это заблужденіе и основательно осмѣялъ его. Его продолжительная вѣрность друзьямъ, даже друзьямъ холоднымъ и фальшивымъ, и то самое обстоятельство, что у него вообще были преданные друзья, доказываютъ, что онъ вовсе не былъ такимъ эгоистомъ, какимъ

* Берне. Разборъ „De l'Allemagne“ Т. VІІ, стр. 266, 273.

его прославили и какимъ онъ выставлялъ себя самъ въ гордой прихоти. Гейне не былъ, конечно, зеркаломъ добродѣтели, но онъ не былъ и такимъ грѣшникомъ, какъ можно было бы подумать, судя по его острому перу и языку. Онъ никогда не терялъ глубокаго благородства своей души, своей воспримчивости къ высокому; онъ и не валялся въ тинѣ чувственности, какъ хотѣлъ заставить думать своихъ читателей. Онъ изображалъ себя хуже, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Онъ былъ впечатлителенъ, и это участь поэтовъ, актеровъ и проповѣдниковъ, а у Гейне впечатлительность была еще въ связи съ его сильными нервными страданіями. При своей впечатлительности онъ могъ писать вещи, которыхъ не одобрялъ по зрѣломъ обсужденіи, но отъ которыхъ стыдился открыто отказываться.

Гейне имѣлъ то преимущество передъ Берне, что онъ носилъ въ сердцѣ глубокую любовь къ своей матери. *Бетти фонъ-Гельдернъ*, происходившая изъ почтенной, какъ говорятъ, получившей дворянство еврейской фамиліи, дочь доктора, была для своего сына до самой его смерти предметомъ обожанія и удивленія. Онъ гдѣлъ юношей:

Я родился съ упрямой головою,
 Высоко я чело держать привыкъ;
 И если-бъ самъ король всталъ предо мною,—
 Я и тогда бы взоромъ не поникъ.
 Но отъ тебя, о мать моя! не серю,
 Хотя во мнѣ духъ гордости великъ,
 Смирался я всегда передъ тобою,
 Взглянувъ на твой привѣтный, кроткій ликъ” *.

Эта образованная мать, которой онъ былъ обязанъ выработкой своего ума, была религіозна и дала своимъ дѣтямъ еврейское религіозное воспитаніе. Гейне не зналъ религіознаго разлада, который рано отвратилъ Берне отъ іудейства, и въ дѣтствѣ онъ остерегался нарушать обрядовыя предписанія. Хотя онъ не учился такъ много по-еврейски какъ Берне, но

* Heine's Ges. Schr. B. XIV. p. 77. Переводъ О. Б. Миллера.

то небольшое, чему его учили, онъ воспринялъ съ любовью и потому не забылъ этого и впоследствии, между тѣмъ какъ изъ памяти Берне оно изгладилось совершенно *. Никогда не угасшая въ немъ, не смотря на всѣ насмѣшки, любовь къ иудейству и въ особенности глубокое пониманіе этого послѣдняго происходили изъ нѣжныхъ воспоминаній дѣтства, оставшихся для него незабвенными какъ сладостныя, дорогіе сны. Его душа была полна очарованіемъ нѣжной еврейской семейной жизни и это обстоятельство дало ему возможность приложить правильную мѣрку къ тому, что люди называютъ добродѣтелью и счастьемъ. Гейне испыталъ и глубокое несчастье, одно только дающее поэту истинное крещеніе, и оно сдѣлало его душу элегически мягкой и вмѣстѣ съ тѣмъ философски укрѣпило ее, оно открыло ему вещи въ ихъ настоящемъ видѣ и научило его отличать сущность отъ формы. Гейне съ самой своей юности былъ дѣйствительно несчастливъ. Воспитанный въ идеальной атмосферѣ, сроднившійся съ классической литературой и убаюканный сладостными грезами, онъ долженъ былъ, благодаря недостаточности средствъ своихъ родителей, обратиться къ прозѣ торговой жизни и еще къ тому же въ двухъ изъ такъ называемыхъ вольныхъ городовъ, во Франкфуртѣ и въ Гамбургѣ, гдѣ царило и на смерть враждовало съ идеализмомъ купеческое безсердечіе. Дѣтскіе глаза Гейне уже въ своемъ родномъ городѣ видѣли солнце восходящей подъ французскимъ господствомъ свободы; равноправность евреевъ въ христіанскомъ обществѣ стала совершившимся фактомъ, и судьба забросила поэта какъ разъ въ тѣ два города, гдѣ патриціи съ ожесточеніемъ заковывали евреевъ въ старыя цѣпи рабства и снова открывали на нихъ старое гоненіе. Неудача въ торговыхъ дѣлахъ, которыми онъ занялся въ Гамбургѣ (1818 по весну 1819) и которыя окончились печально, жало несчастной любви, которое вонзила ему въ сердце его кузина, зависимость, въ которую

* Это выдумка Германа Шиффа, (стр. 11), что Гейне совсѣмъ не учился по-еврейски и не могъ сказать благословенія при Торѣ.

онъ попалъ, отъ своего богатаго, благороднаго, но самодурнаго дяди *Соломона Гейне*, возложенное на него принужденіе изучать сухую юриспруденцію, «желѣзные параграфы эгоистической системы правъ», къ чему онъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности, все это вмѣстѣ, обрушившись на него одно вслѣдъ за другимъ, наполнило его сердце глубокой скорбью. Гейне былъ дѣйствительно несчастенъ, и тѣмъ несчастнѣе, что онъ, вслѣдствіе тонкости своего поэтическаго чувства и пламенной фантазіи, глубоко чувствовалъ разочарованіе и даже преувеличивалъ его. Съ другой стороны онъ былъ слишкомъ гордъ и слишкомъ привыкъ держать высоко свою голову, чтобъ выказать свою скорбь; онъ, напротивъ, заключилъ ее въ своей груди, разыгрывалъ силача и—смѣялся. Насмѣшка, иронія, юморъ, прогоняющій смѣхомъ свои собственныя слезы, были панциремъ, въ который онъ заключилъ свое раненое сердце. Жизнь въ его глазахъ подернулась траурнымъ флеромъ, такъ какъ его надежды — на любовь, вѣрность и независимое положеніе, которое можно обезпечить себѣ только богатыми средствами—разлетѣлись уже въ его молодости. Онъ потерялъ свою вѣру, и, не поддержи его поэзія, онъ погибъ бы, какъ погибъ напр. Граббе, какъ погибали многіе даровитые юноши его времени, не находившіе исхода для своихъ порывовъ. Но поэзія и красота формъ были для него святыней, и онъ смотрѣлъ на себя, какъ на призваннаго служить имъ жреца; онъ только понималъ ихъ иначе и глубже, чѣмъ его товарищи по искусству. Шутливость была у него сначала только маской, скрывавшей его неудовлетворенность и смѣхомъ утѣшавшей его въ крушеніи его идеаловъ. Но этотъ щитъ, который онъ носилъ такъ легко и изящно, скоро въ рукахъ его сталъ оружіемъ и побудилъ поэта часто употреблять его какъ возбуждательное средство противъ своего собственнаго убѣжденія.

Къ іудейству или къ еврейскому племени, къ исторіи еврейскихъ страданій, къ Священному Писанію онъ хранилъ въ груди теплое чувство привязанности, чувство, которое для него самого было не совсѣмъ яснымъ. Его поражала многовѣковая

древность іудейства, его живучесть, не ослабляемая ни временемъ, ни постоянными преслѣдованіями. Гейне по временамъ гордился тѣмъ, что принадлежитъ къ этому древнему дворянству. Онъ почувствовалъ то, что писалъ потомъ подъ старость: «Теперь я вижу, что греки были только прекрасные юноши, евреи же были всегда мужи, мощные, непреклонные мужи; таковы они и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, несмотря на восемнадцать столѣтій гоненій и бѣдствій. Я научился съ тѣхъ поръ лучше цѣнить ихъ; и такъ какъ гордость подобнаго происхожденія не будетъ глупымъ противорѣчіемъ съ демократическими принципами воина республики,— то пишущему эти строки можно гордиться тѣмъ, что предки его принадлежали къ благородному дому Израиля, что онъ потомокъ тѣхъ мучениковъ, которые дали міру Бога и нравственность, которые бились и страдали во всѣхъ сраженіяхъ мысли» *. Это сознаніе смутно таилось въ немъ съ самаго дѣтства. Но онъ не зналъ, что ему дѣлать съ іудействомъ, въ какое положеніе онъ долженъ стать по отношенію къ нему. Еврейская среда, въ которой еще господствовала замкнутость, высокая добродѣтель и нравственность, совершенно оттолкнула его своей неэстетической внѣшней стороной и примѣсью религіозныхъ формъ, пониманія которыхъ ему не доставало. Неприглядная внѣшняя сторона іудейства и его представителей оскорбляла его чувство изящнаго. У утонченнаго кружка евреевъ, въ который онъ втянулся въ Берлинѣ начинающимъ формироваться юношей, у стариковъ Фридендера, Бень-Давида, Якобсона и ихъ молодыхъ отпрысковъ—тоже не лежало настоящимъ образомъ сердце къ іудейству, чтобы внушить Гейне готовность отдаться ему. Въ полуеврейскихъ кружкахъ, въ которыхъ онъ тоже вращался во время своей жизни въ Берлинѣ, какъ напр. у принявшей крещеніе Рахили фонъ Варнгагенъ, онъ слышалъ только слова глубокаго презрѣнія къ

* Признанія. Десятый томъ русскаго изданія сочиненій Гейне, стр. 66.

іудейству и евреямъ и мечтательной, романтической склонности къ христіанству.

Но Гейне не отличался такимъ несамостоятельнымъ сужденіемъ какъ Берне, чтобы преклонить колѣна передъ кумирами дня. Онъ не послушался совѣтовъ умниковъ и сохранилъ свою приверженность къ іудейству. Онъ присоединился къ обществу нѣсколькихъ молодыхъ людей «для подъема уровня культуры между евреями» (былъ принятъ 4 августа 1822) и этимъ самымъ присоединился къ подразумевавшейся клятвѣ членовъ не креститься изъ-за государственной карьеры *. Его, какъ и членовъ общества, увлекало конечно неясное стремленіе, но это все-таки показываетъ его желаніе содѣйствовать съ своей стороны облагороженію своихъ современниковъ. Онъ принималъ порученія съ цѣлью расширенія и увеличенія общества **. Даже о всѣми презираемыхъ польскихъ евреяхъ Гейне былъ лучшаго мнѣнія и замолвилъ за нихъ слово. Приѣхавъ по приглашенію своего друга, графа *de Бреза*, въ его имѣнне въ герцогствѣ Познань (около Гнѣзно), онъ (осенью 1822) издалъ оригинальное описаніе страны и людей въ Польшѣ, заключающее въ себѣ много мѣткаго. Онъ говоритъ тамъ о евреяхъ: «Между хлопомъ и паномъ въ Польшѣ стоятъ евреи... Они могутъ быть названы польскимъ *tiers-état* (среднимъ сословіемъ). Наши статистики, все мѣрящіе на свой нѣмецкій или по крайней мѣрѣ на французскій аршинъ, очень ошибаются, утверждая, что въ Польшѣ средняго сословія нѣтъ,—основываясь только на томъ, что это сословіе стоитъ отдѣльно отъ прочихъ, и члены его находятъ удовольствіе въ особомъ истолкованіи Ветхаго Завѣта, да и по наружности еще далеки отъ идеала мирныхъ бюргеровъ, который такъ мило и въ такомъ праздничномъ видѣ изображенъ въ одномъ нюрнбергскомъ дамскомъ альбомѣ, въ образѣ филистеровъ имперскихъ городовъ. Изъ сказаннаго вы видите, что евреи въ Польшѣ численностью

* Heine's sämmtl. Werke. Письма Ч. I, стр. 91 и Штродтманъ, стр. 245.

** Письмо къ Мозеру ib. 441 и сл.

своею и положеніемъ въ обществѣ гораздо болѣе имѣютъ важности въ политико-экономическомъ отношеніи, чѣмъ у насъ въ Германіи, и что для того, чтобы сказать о нихъ что нибудь дѣльное, недостаточно банкирскихъ воззрѣній чувствительныхъ романистовъ нашего сѣвера или натуръ-философскаго глубокомыслія лавочниковъ юга... Въ старину, однако, евреи были образованнѣе и развитѣе дворянъ, занимавшихся только войной и еще не имѣвшихъ французскаго лоска. Евреи же все-таки имѣли свою ученость и свои книги, ради коихъ и покинули свои прежнія мѣста жительства. Но таковыми они и остались съ тѣхъ поръ; новѣйшая европейская цивилизація прошла мимо ихъ, весь ихъ духовный міръ обратился въ міръ суевѣрій и предрасудковъ, схоластически введенныхъ въ тысячи самыхъ странныхъ формъ. Не смотря однако на варварскую мѣховую шапку, покрывающую его голову, и на варварскія идеи, ее наполняющія, — польскій еврей для меня выше иного нѣмецкаго еврея, щеголяющаго со своимъ боливаромъ на головѣ и Жанъ-Поль-Рихтеромъ въ головѣ. Польскій еврей въ своей суровой исключительности представляетъ все-таки нѣчто цѣльное... Да, польскій еврей, въ своей грязной шапкѣ, со своей бородой, не чуждой паразитнаго населенія, со своимъ жаргономъ и пр., для меня пріятнѣе, чѣмъ многіе изъ нѣмецкихъ евреевъ во всемъ ихъ государственно-бумажномъ величіи*. Это — иное и болѣе мѣткое описаніе своихъ соотечественниковъ, чѣмъ то, которое набросано Соломономъ Маймономъ. Гейне глубже проникъ въ сущность вещей и обстоятельствъ. Но его сильно возненавидѣли польскіе нѣмцы за то, что онъ поднималъ голосъ въ защиту евреевъ и поляковъ, и въ особенности за то, что онъ возвысилъ первыхъ въ положеніе третьяго сословія**.

Гейне всеѣмъ своимъ существомъ сталъ бы на сторону іудейства, если бы оно само, т. е. сыны его, развило въ себѣ силу ума и характера, если бы оно соединило съ величіемъ своей глупости

* Ibid. стр. 139—144.

** Письмо къ Вольвиллю, 2 апрѣля 1823. Ibid. стр. 85.

бокой древности, своего содержания и призванія свѣжестъ и привлекательность молодости и было бы въ состояніи снискать уваженіе у образованнаго міра. Въ своемъ нетерпѣніи онъ желалъ, чтобы іудейство, подобно скованному въ Римѣ Мессіи саги, внезапно сбросило свою нищенскую оболочку, свою зараженную проказой кожу, свой согбенный рабскій образъ и обратилось въ разряженнаго, цвѣтущаго и повелѣвающаго юношу. Ходъ процесса возрожденія казался ему слишкомъ медленнымъ, средства, употреблявшіяся на это, слишкомъ мизерными, всѣ поступки тѣхъ, которые желали содѣйствовать этому, ихъ заигрываніе съ господствующей церковью, представлялись ему слабыми, обезьяньими и недостойными. «Израилю недостаетъ подъема силы. Мозольные операторы (Давидъ Фридендеръ и его товарищи) старались исцѣлить тѣло іудейства отъ его роковой проказы и теперь Израиль истекаетъ кровью отъ ихъ неловкости и умственныхъ бандажей изъ паутины. О, если бы скорѣе исчезло заблужденіе, что прекрасное состоитъ въ слабости, въ лишеніи силы, въ одностороннемъ отрицаніи... У насъ нѣтъ болѣе мужества носить бороду, поститься, ненавидѣть и терпѣть изъ ненависти. Вотъ мотивъ къ нашей реформаціи. Одни, получившіе свою просвѣщенность и образованность черезъ комедіантовъ, хотятъ дать іудейству новыя декорации и кулисы, и суфлеръ вмѣсто бороды долженъ носить бѣлые воротнички. Они хотятъ влить океанъ въ крошечный бассейнъ... Другіе хотятъ евангелическаго христіанства подъ еврейской фирмой...» «И у меня нѣтъ мужества», прямо признался онъ, «носить бороду и позволять называть меня жидомъ» *. Подражаніе христіанскимъ церковнымъ обычаямъ, обнаружившееся въ незадолго передъ тѣмъ открытомъ реформаціонномъ храмѣ въ Гамбургѣ, было противно Гейне, напротивъ вѣрность стариннымъ обычаямъ привлекала его своимъ величіемъ. «Во мнѣ уже давно, какъ результатъ историческихъ изслѣдованій, существовала склонность къ послѣдовательному и строгому раввинству» **. Въ

* Ibid. стр. 44 и сл.

** Ibid. стр. 127.

принадлѣ негодованія на сплетни нѣкоторыхъ сторонниковъ гамбургскаго храма, вредившія ему въ глазахъ его дяди, Соломона Гейне, онъ прямо заявилъ, что онъ не энтузіастъ еврейской религіи, а скорѣе природный врагъ всѣхъ положительныхъ религій. Онъ раздраженно назвалъ іудейство религіей, впервые оповорившей человѣка, т. е. создавшей ловлю душъ и прозелитизмъ, хотя Гейне хорошо зналъ, что іудейство никогда не исходило изъ этого. Давая обѣщаніе выступить на защиту гражданской равноправности евреевъ,— «въ плохія, безвыходныя времена германская чернь услышитъ мой голосъ, который отдается въ нѣмецкихъ портерныхъ и дворцахъ»,—онъ хотѣлъ думать, что поступаетъ такъ не изъ любви къ евреямъ, но по мягкосердечію своему, упрямству и благоразумію, поддерживая этимъ противоядіе*. Но Гейне самъ обманывался въ характеръ своего чувства къ евреямъ и іудейству. Правда, пора безвѣрія и философія гіерофанта Гегеля, смѣшавшаго найденное имъ мѣрило истины съ огромной массой ложныхъ выводовъ и водившаго своей софистикой молодежь на помочахъ, уничтожила въ немъ вѣру въ Бога Израиля. Но Гейне вѣрилъ въ историческое возмездіе, въ обнаруживающееся въ исторіи предопредѣленіе, и эта вѣра и была тѣми чарами, которые привлекали его къ іудейству.

Его приверженность къ іудейству рѣзко выразилась въ простительной ненависти къ гонителю и мучителю его племени, къ заклятому врагу, получившему спасеніе отъ іудейства и оплевывавшаго и терзавшаго его въ тюрьмахъ за это. Антипатія Гейне къ христіанству была глубока и непримирима**.

* Ibid. стр. 103.

** Еще въ 1836 году онъ писалъ своему другу Мозеру: „Я также ненавижу христіанскую ложь въ поэзіи, какъ и въ жизни“, *ibid.* Т. II, стр. 94. Еще живы свидѣтели, довольно часто слышавшіе отъ него на одрѣ его болѣзни, что іудейство ему дорого. Онъ носился съ планомъ написать романъ „Герцогиня Козельская“, которая отличалась особенной любовью къ іудейству, и просилъ Боденшца перевести ему *Pirke Abot* и другія еврейскія пьесы (*Meissner, Charaktermasken*. II, стр. 113). За нѣсколько дней до смерти онъ говорилъ одному своему другу: „Je suis revenu à Jehovah“ (*Univers Israélite* за 1856, стр. 349).

Судорожно вспомнивъ о старыхъ мученіяхъ, перенесенныхъ евреями отъ языческаго и христіанскаго Рима, онъ слилъ въ словѣ *Эдомъ* пѣлый міръ влокачущей злобы. Въ стихотвореніи къ *Эдому* онъ пронизироваль:

„Славно, братья, мы другъ друга
 „Терпимъ многіе года,
 „Ты, ты терпишь, что дышу я,
 „Я твой гнѣвъ терплю всегда.

„Хоть бывало, въ пору мрака,
 „Изъ признательной любви,
 „Ты свои малютки-лапки
 „Обагралъ въ моей крови;

„Но теперь совсѣмъ иное,
 „Все дружнѣе мы съ тобой,
 „Вѣдь и самъ я сталъ сердиться,
 „Какъ и ты бывай порой“ *.

Еще болѣе ненавидѣль Гейне измѣнниковъ знамени, перелѣбчиковъ, евреевъ, которые изъ-за выгодъ отвращались отъ своихъ товарищей по страданіямъ и присоединялись къ врагамъ. Гейне не могъ себѣ представить серьезнаго убѣжденія у крещенаго еврея; крещеніе есть самообманъ, если только не ложь. Евангеліе, бесплодно проповѣдывавшееся бѣднякамъ Іудеи, теперь въ чести у богачей **. Въ своей драмѣ *Альманзоръ* (кончена въ 1823) Гейне далъ этой ненависти поэтическое выраженіе. Но онъ нашель неудобнымъ вывести на сцену евреевъ, которые въ пламенныхъ стихахъ говорили бы про свое страданіе и униженіе; поэтому онъ вложилъ эти рѣчи въ уста мусульманамъ Гранады, благодаря дьявольской злобѣ испытывавшимъ ту же злую участь, какъ и евреи, понуждаемымъ креститься, и чувствовавшимъ поэтому глубокую рану въ своемъ сердцѣ. Стихи сразу обличаютъ вылившуюся въ нихъ еврейскую скорбь:

* Письмо къ Мозеру, Т. II, стр. 180; помѣщено и въ собраніи стихотвореній.

** Письма. Т. I, стр. 44.

„Нѣтъ, не ходи туда! Какъ отъ заразы,
 „Бѣги отъ мѣстъ, гдѣ вѣры новой сѣмя
 „Дало ростки. Тамъ изъ твоей груди
 „Плѣнительными звуками исторгнуть,
 „Какъ крючьями, твое младое сердце,
 „И вложить за него тебѣ змѣю.
 „Тамъ будутъ лить на голову твою
 „Горячую струю свинцовыхъ капель,
 „Чтобъ никогда не могъ твой бѣдный мозгъ
 „Отъ дикаго безумья исцѣлиться.
 „Тамъ прѣжнее твое отнимуть имя
 „И новымъ назовуть, чтобы твой ангель,
 „Тебя остерегая, звалъ напрасно
 „Тебя тѣмъ именемъ“ .

Гейне не скрывалъ, что не свободная муза создала эту драму, а что ее внушили антипатія къ христіанству и стремленіе бороться съ нимъ; поэтому онъ самъ считалъ ее неудачной и не рассчитывалъ, чтобы она произвела глубокое впечатлѣніе *. Дѣйствительно, эта драма навлекла на еврейскаго поэта много враждебныхъ нападокъ. Онъ создалъ себѣ славу своими стихотвореніями, о которыхъ справедливо говорили, что это настоящія народныя пѣсни съ глубокимъ содержаніемъ. Его ставили наравнѣ съ Гете и даже выше его, потому что въ его пѣсняхъ была теплая естественность, а не холодное искусство. Имъ подражали, ихъ клали на музыку. Германія стала гордиться Гейне, стала гордиться тѣмъ, что она была въ состояніи возрастить новаго поэта Божьей милостію. Но эта слава не защитила его отъ оскорбленій. Нѣмцы не могли простить еврею того, что онъ осмѣлился создать поэтическіе образы кровавыхъ дѣлъ и неправдъ христіанства. Волны ненависти къ евреямъ окружили его. «Отовсюду замѣчаю я проявленія этой ненависти. Друзья, съ которыми я провелъ большую часть моей жизни, отвертываются отъ меня. Поклонники дѣлаются преслѣдователями; тѣ, кого я люблю всѣхъ сильнѣе, всѣхъ сильнѣе ненавидятъ меня. Всѣ ста-

* Ibid. стр. 115.

раются вредить мнѣ» *. Между тѣмъ директоръ національнаго театра въ Брауншвейгѣ все-таки сдѣлалъ попытку поставить на сценѣ (20 авг. 1823) Альманзора, испытывавшаго со всѣхъ сторонъ враждебныя нападки. Пьеса до конца шла съ успѣхомъ: поэтическіе образы и мысли, нѣжный и пламенный языкъ, смѣсь романтической мечтательности и пластической наглядности, производили сильное впечатлѣніе, — какъ вдругъ одинъ грубьянъ смутилъ публику. «Кто авторъ?» спросилъ онъ, и, услыша, что жидъ Гейне, принялъ его за его однофамильца еврея-мѣнялу въ Брауншвейгѣ и началъ производить адскій шумъ. «Какъ! мы станемъ слушать чепуху дурака-жида!» Онъ подбилъ бессмысленную театральную публику произвести шумъ и такимъ образомъ Альманзоръ былъ освистанъ и исчезъ со сцены **.

Эта глупая выходка въ Брауншвейгѣ послужила для Гейне поворотнымъ пунктомъ развитія. Его не удовлетворяли снисканныя имъ лавры лирическаго поэта. Его честолюбіе состояло въ томъ, чтобы вызвать къ жизни драматическіе образы, дерзнуть соперничать съ Шекспиромъ, провозглашать со сцены, подобно Лессингу, свои задушевнѣйшія убѣжденія. У него были для этого всѣ данныя: блестящая, но не высканивающая изъ рамокъ фантазія, даръ созданія образовъ, обиліе мыслей, богатство картинъ, тонкое пониманіе житейскихъ контрастовъ, наблюдательность въ мелочахъ, въ живомъ изображеніи разнообразныхъ сторонъ бытовой жизни, и звучности волшебное могущество языка, подобнаго музыкѣ. На этихъ своихъ способностяхъ онъ построилъ свою будущность и страстно желалъ узнать, какъ будутъ приняты на подмосткахъ драматическія созданія его фантазіи. И этотъ близкій къ осуществленію планъ жизни грубымъ брауншвейгскимъ шталмейстеромъ былъ разрушенъ какъ воздушный замокъ. Альманзоръ былъ освистанъ за то, что сочиненъ евреемъ. Какой театральнѣй антрепренеръ рѣшится во второй разъ взять пьесу отъ него, носящаго на лбу

* Ibid. стр. 113, Письмо отъ сент. 1823.

** Штротманъ, I, стр. 285.

печать Каина? Ослиного терпѣнія, чтобы выжидать болѣе благоприятнаго времени, у Гейне не было. Къ тому же и его подозрительная фантазія сыграла съ нимъ злую шутку; Гейне вообразилъ себѣ, что вызвали паденіе его пьесы и способствовали ему одинъ еврей (П. Г.) вмѣстѣ съ однимъ христіаниномъ, соперничествовавшимъ съ Гейне *. Гейне былъ этимъ крайне озлобленъ, у него явилось недовольство самимъ собой и глубокое раздраженіе противъ евреевъ и христіанъ.

Въ то же время разныя сплетни членовъ общины храма очернили его передъ дядей, который далъ Гейне почувствовать зависимость отъ его кошелька болѣе, чѣмъ могла вынести гордость Гейне. Съ этого времени онъ сталъ серьезно думать о томъ, какъ бы выйти изъ зависимости отъ своего богатаго и такъ мелочно поступаващаго съ нимъ дяди и завоевать себѣ независимое положеніе.

За теплую приверженность Гейне къ своему племени говорить и то обстоятельство, что и въ этомъ мрачномъ настроеніи духа онъ серьезно думалъ о томъ, чтобы возвеличить его. Изъ головы его не выходилъ увлекательный псаломъ, пропѣтый когда то на лугахъ вавилонскихъ однимъ еврейскимъ поэтомъ:

„Пусть прильнетъ языкъ къ гортани,
 „Пусть рука моя отсохнетъ,
 „Если только позабуду
 „Я тебя, Іерусалимъ!“ **.

Онъ углубился въ изученіе еврейской исторіи, чтобы написать статью для періодическаго изданія культуръ-ферейна, которая должна была трактовать о «трагическихъ еврейскихъ страданіяхъ» ***. Онъ хотѣлъ блестящимъ образомъ отомстить враждебному іудейству нѣмецкому христіанству за испытанный имъ позоръ и рельефно изобразить его въ еврейскомъ романѣ. Онъ хотѣлъ живо, какъ это онъ одинъ только

* Письма, I, стр. 119.

** Письмо къ Мозеру отъ нач. января 1824, I, стр. 142; помѣщено и въ Романцero и въ Еврейскихъ мелодіяхъ. Т. XVIII, стр. 195.

*** Письма къ Мозеру отъ іюня 1823, *ibid.*, стр. 69, 89.

и былъ въ состояніи, представить въ «Бахаракскомъ раввинѣ» прекрасныя и печальныя сцены еврейской исторіи *. Съ этой цѣлью создать исторически вѣрную картину онъ еще болѣе углубился въ анналы еврейской исторіи; его фантазія должна была только освѣщать факты, но не выдумывать ихъ, такъ какъ подъ рукою у него было довольно матеріала. Гейне, не смотря на свою тонкую впечатлительность, неумоимо рылся въ пыли старыхъ хартій, въ Шудтѣ (Еврейскія достопримѣчательности), «этомъ памятникѣ франкфуртской ненависти къ евреямъ». Но онъ сумѣлъ извлечь кое-что и изъ мякины и пыли. «Духъ еврейской исторіи становится для меня все болѣе и болѣе яснымъ, и это умственное направленіе, конечно, принесетъ мнѣ пользу современемъ» **. Въ героическомъ и страдальческомъ ходѣ еврейской исторіи онъ усматривалъ нѣкоторую связь съ планами предопредѣленія. «Въ тотъ самый годъ, когда евреи были изгнаны изъ Испаніи, была открыта новая страна религиозной свободы» †. Всего болѣе привлекала его блестящая эпоха средневѣковой еврейской исторіи, исторія испанскихъ евреевъ. На этомъ фонѣ онъ хотѣлъ вывести въ своемъ романѣ гордыхъ евреевъ, не сгибавшихъ спину подъ ярмомъ нѣмецкихъ законовъ о евреяхъ и каноническихъ притязаній и открыто исповѣдывавшихъ свою религію. Гейне искалъ необходимыхъ матеріаловъ, такъ какъ и объ этой эпохѣ существовали тогда только скудныя извѣстія, но никто не могъ удовлетворить его жажду. Тѣ, къ кому онъ обращался, вмѣсто характерныхъ фактовъ давали ему рубленную соломѣ ††. Онъ даже не могъ добиться обстоятельныхъ

* Хотя въ письмахъ къ Мозеру Гейне упоминаетъ, стр. 167, о Бахаракскомъ раввинѣ только въ іюнѣ 1824 г., но изъ его выраженій можно заключить, что онъ уже давно работалъ надъ нимъ и только что кончилъ третью часть. О томъ, что онъ читаетъ хроникъ, онъ пишетъ къ Мозеру уже въ февралѣ того же года. Значитъ, онъ приступилъ къ нему уже годъ тому назадъ, вѣроятно, вслѣдствіе неудачи „Альманзора“.

** *ibid.*, стр. 167.

† *ibid.*, стр. 169.

†† *ibid.*, стр. 179.

свѣдѣній о фамиліи Абраванель, которую хотѣлъ вплести въ свой романъ. Но Гейне не пренебрегалъ никакими усиліями, чтобы собрать интересные историческіе матеріалы для своего романа. Это произведеніе должно было явиться чадомъ не его ненависти, но любви. Онъ говорилъ совершенно прямо: «Какъ созданный любовью, мой романъ будетъ безсмертной книгой, неугасимой лампадой въ храмѣ Бога, а не гаснущей театральной лампой». Онъ прямо говорилъ, что только онъ можетъ написать это произведеніе и что это полезный, угодный Богу поступокъ *. Гейне предвидѣлъ, сколько новыхъ враговъ привлечетъ ему этотъ еврейскій романъ, въ которомъ онъ думалъ выдвинуть іудейство на первый планъ **; но онъ не падалъ духомъ отъ этого предчувствія и продолжалъ спокойно работать надъ нимъ посреди физическихъ страданій и приготовленій къ экзамену по юридическимъ наукамъ.

Дѣйствительно, романъ «Бахаракскій раввинъ» былъ широко задуманъ. Хотя дѣйствіе его должно было происходить въ Германіи, но на переднемъ планѣ должна была стоять исторія испанскихъ евреевъ, изгнаніе ихъ изъ Испаніи и насильственные понужденія креститься. Главное дѣйствующее лицо, Бахаракскаго раввина, поэтъ перенесъ въ прекрасную страну Пиренеевъ съ ихъ привольнымъ воздухомъ и далъ ему либеральное образованіе. Онъ и его прекрасная жена Сарра, настолько же благородная какъ и чисто еврейская женщина, должны были служить достойными представителями стараго еврейства. Другую сторону евреевъ долженъ былъ олицетворять испански гордый рыцарь, еврей родомъ, племянникъ еврейскаго государственнаго мужа Абраванеля, крестившійся для того, чтобы ему легче жилось. Онъ легкомысленный насмѣшникъ въ противоположность своему другу, Бахаракскому раввину. Онъ говоритъ о себѣ: «я язычникъ и мнѣ равно ненавистны жесткіе, безрадостные евреи и грустные, любящіе помучить назареи». Увидѣвъ прелестную жену раввина, онъ

* *ibid.*, стр. 214.

** *ibid.*

предлагаетъ себя въ ея рыцари. Поэтъ влагааетъ ей въ уста мѣткій отвѣтъ: «Если вы хотите быть моимъ рыцаремъ, то вы должны бороться противъ всѣхъ народовъ, и если хотите носить мои цвѣты, то должны вышить желтыя кольца на вашемъ плащѣ... Это мои цвѣты, цвѣты моего дома, который зовется Израилемъ, очень несчастенъ и служить предметомъ уличныхъ насмѣшекъ для сыновъ счастья». Раввинъ, признавшій сразу спасеннаго имъ друга, остерегаетъ его отъ христіанства, которое онъ исповѣдуетъ устами. «Но берегись, донъ Исаакъ, ты не созданъ для стихіи крокодила. Вода (ты понимаешь, о чемъ я говорю) для тебя несчастье и ты погибнешь». Трагическій узелъ завязывается въ самомъ началѣ. Въ то время какъ раввинъ и его жена блаженствуютъ въ воспоминаніи пасхальнаго вечера въ память исхода изъ Египта, въ комнату прокрадываются двое замаскированныхъ и бросаютъ подъ столъ трупъ ребенка, чтобы возбудить противъ раввина и общины ужасное обвиненіе въ дѣтоубійствѣ. Кровавый призракъ средневѣковаго суевѣрія поднимаетъ голову.

Гейне такъ пламенно стоялъ тогда за евреевъ, что его очень разстроила драма (Парія) его друга Михаила Беера (брата композитора Мейербеера), нѣсколько унижительно намекавшая на евреевъ. Отверженецъ, парія Гади, приковавшій къ себѣ любовью дочь раджи и погибшій вмѣстѣ съ нею изъ за нея, долженъ былъ напоминать отверженцевъ евреевъ, которые суевѣрно были прокляты духовенствомъ и ненавидимы народомъ. Правда, Михаилъ Бееръ устами своего героя говорить горькую правду этимъ надменнымъ людямъ:

Любезны имъ ихъ лошадь и собака,
А мы имъ ненавистны, точно намъ
Дала природа образъ человѣка
Для виду одного. Но встаньте рядомъ
Какъ равные со мной и посмотрите
Чѣмъ я васъ ниже. Есть и у меня
Своя отчина и готовъ всегда
Я на ея защиту.....

.....

Да, какъ чумы, они боятся насъ;
 Но въ ихъ крови горять постыдно похоть,—
 И этотъ сладострастный родъ не знаетъ
 Различія между дворцомъ роскошнымъ
 И паріа лачугою проклятой,
 Чтобы свою насытить похотливость.

Но Гади или Михаилъ Бееръ призналъ справедливость нападокъ его преслѣдователей и отчасти нашель своихъ единоплеменниковъ заслуживающими быть отверженными. На нихъ лежитъ проклятіе:

За то, что въ дни сѣдые старины
 Читъ парія тебя не согласился
 И издѣвался надъ Творцемъ, который,
 Чтобы подвергнуть землю испытанью,
 Сіяніемъ одѣлъ свой чистый образъ.

Это крайне раздосадовало Гейне, такого признанія еврей не долженъ былъ дѣлать христіанству, въ противномъ случаѣ онъ заслуживаетъ свое мѣсто раба. «Досадною, въ высшей степени досадною показалась мнѣ главная мысль стихотворенія, что парія замаскированный еврей. Надо приложить все старанія, чтобы это никому не пришло въ голову... и намѣренно выставлять это сходство на видъ—глупо. Но всего пошлѣе и вреднѣе грязная мысль заставить парію предположить, что его предки своимъ кровавымъ злодѣйствомъ сами навлекли на себя свое печальное положеніе. Пусть намекъ на Христа нравится нѣкоторымъ... Я бы желалъ, чтобы Михаилъ Бееръ крестился и рѣзко, совершенно по альманзоровски высказался бы по отношенію къ христіанству, вмѣсто того, чтобы боязливо щадить его и даже дѣлать ему глазки» *. Гейне могъ бы еще прибавить, что Михаилъ Бееръ, по ослѣпленію ли или по недостатку фантазіи, приводилъ своихъ единовѣрцевъ, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлиться даже внѣшнимъ образомъ, къ поворному столбу и приписалъ имъ въ стихотвореніи пороки, отъ которыхъ они безспорно совершенно свободны. Его «Благочестивый раввинъ» описываетъ намъ знатока талмуда, въ

* Къ Мозеру *ibid.*, стр. 188 и сл.

пустынной мѣстности за мертвыми книгами и старающагося исполнить всѣ религіозныя обязанности и въ особенности три заповѣди.

Вотъ три заповѣди главныхъ:
 Быть всегда гостепріимнымъ,
 За больнымъ ходить усердно,
 И умершаго въ могилу
 Провожать святой молитвой.

Поэтому талмудистъ обрадовался, когда въ домъ къ нему пришелъ гость, которому онъ могъ оказать долгъ гостепріимства. Но потомъ онъ терзаетъ и ранитъ его, чтобы быть въ состояніи его вылечить, и наконецъ заноситъ надъ нимъ топоръ, чтобы исполнить на немъ и послѣднюю изъ трехъ заповѣдей. Плохую остроу, достойную заклятаго врага евреевъ, Михаилъ Бееръ превратилъ въ обвиненіе противъ приверженцевъ талмуда.

Бѣдный Михаилъ Бееръ держался далеко отъ своихъ соплеменниковъ и тянулся къ изящному христіанскому обществу въ тщетной надеждѣ, что оно забудетъ его происхожденіе. Но оно вспомнило о немъ и наконецъ такъ чувствительно напомнило поэту объ этомъ, что онъ принялъ къ сердцу испытанное имъ оскорбленіе и умеръ *.

Но именно въ это время, когда Гейне такъ интересовался еврействомъ, когда онъ съ такимъ энтузіазмомъ относился къ его исторіи и всего менѣе расположенъ былъ къ христіанству — онъ потихоньку крестился въ Гейлигенштадтѣ (28 іюня 1825) и принялъ въ крещеніи имя Христіана Іоанна Генриха. Долго боролся онъ противъ этого искушенія. Онъ довольно ясно говоритъ намъ объ этомъ: «Никто изъ моего семейства не противъ этого, кромѣ одного меня. И этотъ я — человѣкъ очень своеобразнаго характера. Изъ моего образа мыслей ты конечно можешь заключить, что для меня крещеніе есть незначущій актъ, что я и символически не ставлю его высоко и что при моихъ обстоятельствахъ и при

* Августъ Левальдъ, *Paragone von München*. I стр. 76—79.

той обстановкѣ, при которой оно совершилось, оно могло бы и для другихъ не имѣть никакого значенія. Для меня оно могло имѣть то значеніе, что я теперь могу еще болѣе отдаться заступничеству за моихъ несчастныхъ единоплеменниковъ. Но тѣмъ не менѣе я считалъ бы унижительнымъ и мараяющимъ мою честь креститься для того, чтобы получить въ Пруссіи должность. Въ милой Пруссіи!.. Я пожалуй еще стану католикомъ съ досады и повѣшусь» *. А онъ это дѣйствительно сдѣлалъ для того, чтобы добиться мѣста въ Пруссіи, и еще болѣе для того, чтобы избавиться этимъ отъ гнетущей зависимости отъ своего дяди. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ дневникѣ:

„Склонился ты покорной головою
 „Передъ крестомъ, который презиралъ,
 „Который ты недавно порою
 „Попирать въ грязи пятой своей мечталъ **.

Нѣсколько времени спустя (20 іюля 1825) онъ сдалъ экзаменъ на юриста. Но онъ гнался за призракомъ и даромъ отдалъ свою честь. Онъ не получилъ никакого назначенія и не могъ обойтись безъ поддержки своего дяди †. Гейне, пристыженный какъ молодая дѣвушка, провинившаяся въ чемънибудь, цвѣтистымъ языкомъ сообщилъ своему закадычному другу Мозеру о своемъ крещеніи: «Молодой испанскій еврей, который, оставаясь въ душѣ евреемъ, изъ пышной заносчивости принимаетъ крещеніе, состоитъ въ перепискѣ съ молодымъ Іегудой Авраванелемъ и посылаетъ ему стихотвореніе, переведенное съ арабскаго. Можетъ быть онъ и боится безъ обиняковъ сообщить своему другу о несовѣмъ благородномъ поступкѣ, какъ бы то ни было онъ посылаетъ ему это стихотвореніе. Не думай объ этомъ» *†.

* Письма къ Мозеру I стр. 115.

** Heine's letzte Gedichte und Gedanken, изданнаго Штротманомъ въ 1869. стр. 43 съ заглавіемъ «Отщепенцу».

† Его расчеты на адвокатуру въ Гамбургѣ и профессуру въ Берлинѣ не осуществились. Письма *ibid.* 240.

*† Письмо написано вскорѣ послѣ крещенія Гейне, а не въ началѣ августа 1825, какъ указано у Штротмана.

Гейне послѣ крещенія ожесточился противъ христіанства еще сильнѣе, какъ будто оно вовлекло его въ вѣроломство, въ забвеніе чести и самого себя. «Увѣряю тебя», писалъ онъ своему другу, «что я бы не крестился, если бы законы дозволяли кражу серебряныхъ ложекъ». Онъ былъ радъ, когда въ его присутствіи проповѣдникъ гамбургскаго храма, Готтольдъ Саломонъ, сдѣлалъ колкій намекъ на крещеныхъ евреевъ и на него самого, замѣтивъ, что они измѣнили вѣрѣ своихъ отцовъ, увлекшись пустой надеждой получить мѣсто. Когда же около этого времени принялъ христіанство и Эдуардъ Гансъ, основатель и дѣятельный застрѣльщикъ культуръ-ферейна, то Гейне никакъ не могъ простить ему этого, такъ какъ онъ не былъ вызванъ къ тому нуждой. Онъ еще болѣе озлобился противъ него, узнавъ, что Гансъ подговаривалъ креститься безхарактерныхъ евреевъ. «Онъ глупецъ, если дѣлаетъ это изъ убѣжденія, и дрянъ, если постукаетъ такъ изъ лицемѣрія» *. Онъ былъ недоволенъ и Мозеромъ, что тотъ мягко отнесся къ его крещенію, а не оттолкнулъ его рѣзко, какъ онъ ждалъ отъ этого закаленнаго характера. «Я радъ, что старикъ Фридендеръ и Бенъ Давидъ стары и скоро умрутъ, тогда мы смѣло назовемъ ихъ нашими, и наше время не упрекнутъ въ томъ, что оно не можетъ указать ни на одного незапятнаннаго человѣка» **. Непріятно ему было еще и то, что его противники не хотѣли забыть его еврейскаго происхожденія и при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ это было и съ Берне, напоминали ему объ этомъ. Чтобы нѣсколько уменьшить упреки совѣсти, онъ продолжалъ работать надъ романомъ «Бахаракскій раввинъ»; онъ хотѣлъ показать этимъ свою внутреннюю приверженность къ евреямъ и намѣревался издать его, несмотря на уговоры своего друга Мозера, который не могъ не видѣть рѣзкаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ, и понималъ сколько враговъ постъ создастъ себѣ этимъ. Между тѣмъ Гейне мало по малу забросилъ это произведеніе и только позднѣе издалъ въ видѣ отрывка:

* *ibid.* стр. 141, сл.

** *ibid.* стр. 276, стр.

Но Гейне былъ не такой человѣкъ, чтобы вѣчно терзаться угрызеніями совѣсти. Разъ отвернувшись отъ іудейства, онъ сталъ стараться усыпить свою совѣсть. Только самоусыпленіемъ и была его полная развлеченій жизнь послѣ крещенія. Гейне серьезно старался найти темныя стороны въ еврейхъ и іудействѣ и такимъ образомъ оправдаться передъ самимъ собою. Это настроеніе и породило его злобныя выходки противъ іудейства, которое, напр., онъ называлъ «не религіей, а бѣдствіемъ». Позднѣе онъ старался свести бездну между іудействомъ и христіанствомъ до незамѣтной линіи, называлъ и то и другое мучающимъ самого себя, монашескимъ и назарейскимъ, издѣвался надъ ними и объявлялъ себя сторонникомъ греческой религіи «возстановленія плоти». По мѣрѣ того какъ онъ погружался въ водоворотъ жизни, іудейство и евреи исчезали въ его кругозорѣ. Но, въ свѣтлыя минуты, его старая любовь къ іудейству снова очень часто прорывалась наружу и онъ опять высказывалъ свой ясный, продуманный взглядъ на него. Такъ Гейне досадовалъ, что Шекспира причисляли къ врагамъ евреевъ потому, что онъ создалъ Шейлока, и онъ употребилъ весь блескъ своего краснорѣчія на то, чтобы снять это пятно съ евреевъ и съ Шекспира. «Хотѣли Шекспиръ представить въ Джессикѣ еврейку? По всей вѣроятности, не хотѣлъ; онъ изобразилъ только одну изъ дочерей Евы, одну изъ тѣхъ красивыхъ птичекъ, которыя, какъ только выростутъ у нихъ крылья, летятъ изъ родительскаго гнѣзда къ возлюбленному самцу... Въ Джессикѣ особенно замѣтенъ какой-то трусливый стыдъ, котораго она не можетъ преодолѣть, одѣваясь мальчишески. Можетъ быть, въ этой чертѣ слѣдуетъ видѣть удивительное цѣломудріе, свойственное еврейскому племени и придающее его дочерямъ особенную прелесть. Цѣломудріе евреевъ есть, можетъ быть, слѣдствіе той оппозиціи, которая давно уже образовалась въ отношеніи къ восточнымъ нравамъ и служенію чувственности, роскошно процвѣтавшимъ въ прежнее время у ихъ сосѣдей, египтянъ, финикіянь, ассиріянь и вавилонянь, и сохранившимся до настоящаго вре-

мени послѣ постоянныхъ видоизмѣненій. Еврей народъ цѣломудренный, воздержный, я готовъ почти сказать—абстрактный, и чистотою своихъ нравовъ они ближе всего подходятъ къ германскимъ племенамъ... Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно тѣсное сродство, существующее между обоими народами нравственности—евреями и германцами... Оно имѣетъ болѣе глубокое основаніе, и оба народа до такой степени похожи другъ на друга въ коренныхъ своихъ началахъ, что можно считать прежнюю Палестину восточною Германіею, точно такъ какъ нынѣшнюю Германію должно считать отчизною священнаго слова, родиною пророчества, градомъ чистаго разума. Но не только одна Германія имѣетъ фizioномію Палестины; и остальная Европа возвышается до евреевъ. Я говорю—возвышается, ибо еврей уже въ самомъ началѣ носилъ въ себѣ тотъ современный принципъ, который видимо, развился у европейскихъ народовъ только въ настоящее время. Греки и римляне были привязаны всею душою къ землѣ... Позднѣйшіе сѣверные обитатели въ римскомъ и греческомъ мірѣ привязались къ личности своихъ предводителей... Но еврей, съ давнихъ временъ, были преданы только закону абстрактной мысли, подобно нашимъ новымъ космополитическимъ республиканцамъ... Свобода и равенство были ихъ (евреевъ) религіею...» *. Одно-сторонность Берне нашла движущія идеи новаго времени, которымъ онъ отдавался, въ папскомъ католицизмѣ. Много-сторонность Гейне открыла ихъ начало въ іудействѣ. Онъ, несмотря на свою раздвоенность, съ своимъ обычнымъ тонкимъ пониманіемъ, справедливо замѣтилъ и то, что талмуду еврей обязанъ тѣмъ, что они также геройски могли бороться противъ христіанскаго Рима, какъ нѣкогда боролись противъ языческаго **.

Съ приближеніемъ старости, когда тяжелыя нервныя страданія еще болѣе прояснили зеркало его ума и онъ призналъ

* Женщины и дѣвушки Шекспира. Собр. соч. т. III, стр. 318 и сл. Сравни также письма изъ Гельголанда т. XII, стр. 69 сл.

** О Германіи или Салонъ т. V, стр. 164.

преимущество основаннаго на религіозности цѣломудрія предъ красотою, Гейне окончательно возвратился къ своей юношеской любви и къ своему энтузіазму предъ іудействомъ. Его «Признанія» (1853—54)—это одушевленные гимны на еврейскую исторію и еврейскій народъ и въ нихъ замѣтно серьезное чувство. Библией, какъ тонко впечатлительный поэтъ, онъ всегда увлекался *. «Евреи могутъ утѣшиться въ потерѣ Иерусалима и ковчега завѣта; такая потеря ничтожна въ сравненіи съ Библией, вѣчной сокровищницей, которую они спасли. Эта священная книга снова разбудила во мнѣ религіозное чувство; она была для меня столько же источникомъ спасенія, сколько и предметомъ благоговѣйнаго удивленія... За то въ первой части священной книги я кажется понялъ лучше характеръ Моисея. Ярко освѣщенная, во всемъ своемъ величїи, возстаетъ передо мной эта личность. Какой исполинскій образъ! Я убѣжденъ, что царь Басана, Огъ, не былъ такъ великъ. Какъ малъ кажется Синай, когда Моисей стоитъ на немъ! Гора эта — только пьедесталь, опора ногъ человѣка, голова котораго возносится до небесъ, и тамъ говоритъ онъ съ Богомъ... Не такъ любилъ я Моисея прежде — вѣроятно вслѣдствіе преобладавшаго во мнѣ тогда эллинскаго духа. Я не могъ простить еврейскому законодателю его ненависть ко всемъ образовательнымъ искусствамъ, къ пластикѣ. Я не понялъ, что Моисей, не смотря на свою войну съ искусствомъ, самъ однако былъ великій художникъ, имѣлъ истинную душу художника; только эта душа стремилась у него, какъ и у его египетскихъ земляковъ, лишь къ колоссальному, къ нетлѣнному... Онъ строилъ человѣческія пирамиды; рѣзцомъ своимъ высѣкалъ онъ человѣческіе обелиски: онъ взялъ бѣдное пастушье племя и создалъ изъ него народъ, народъ равнымъ образомъ выдержавшій нѣсколько столѣтій, великій, вѣчный, священный народъ, народъ божій, который могъ служить образцомъ всемъ другимъ народамъ, прототипомъ цѣлому человечеству: онъ

* См. письма изъ Гельголанда за 1830 г. Т. XII, стр. 63 сл.

создалъ *Израиля*. Какъ о зиждителѣ, такъ и о его созданіи, о евреяхъ, я никогда не говорилъ съ должнымъ уваженіемъ. Исторія среднихъ вѣковъ и даже новаго времени рѣдко заносила въ свои реляціи имена этихъ рыцарей Святаго Духа: они сражались всегда съ опущеннымъ забраломъ. Міру также мало извѣстны дѣла евреевъ, какъ и собственно ихъ сущность; онъ узнаеть ихъ лишь по бородамъ и не идетъ далѣе въ этомъ отношеніи; и въ средніе вѣка и въ новѣйшее время они остаются бродячею тайной. Она откроется, быть можетъ, въ тотъ день, когда, по предсказанію пророка...

«Да, евреи дали міру Бога, они дали ему и слово его — Библию. Они спасли ее изъ банкротства римской имперіи и въ бѣшенное, боевое время переселенія народовъ сохранили они священную книгу до той поры, когда протестантизмъ отыскалъ ее у нихъ и, переведа на мѣстное нарѣчіе, распространилъ найденную книгу по всему свѣту... На сѣверѣ Европы и Америки этотъ палестинскій характеръ привился такъ крѣпко, что думаешь находиться тамъ посреди евреевъ... Я не хочу ужъ говорить о множествѣ новыхъ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ педантически подражается ветхозавѣтная жизнь. Но внѣшнія краски когда нибудь сотрутся, истинное и непреходимое, т. е. нравственность древняго іудейства, будетъ процвѣтать въ этихъ странахъ также богоугодно, какъ нѣкогда цвѣла она на берегахъ Иордана и высотахъ Ливана. Не нужно пальмы и верблюда, чтобы быть добрымъ, а *доброта лучше всякой красоты*... Іудея всегда казалась мнѣ клочкомъ запада, затеряннымъ посреди востока. Въ самомъ дѣлѣ, съ своимъ спиритуалистическимъ вѣрованіемъ, со своими строгими, цѣломудренными, даже аскетическими нравами, короче, со своимъ отвлеченнымъ содержаніемъ, эта страна и ея народъ всегда представляли изумительную противоположность съ соседними странами и ихъ обитателями, которые, поклоняясь сладострастно пестрымъ и развратнымъ культамъ, тратили жизнь свою въ вакхическомъ веселіи. Израиль скромно сидѣлъ подъ своей смоковницей, доблестный и праведный, и пѣлъ хвалу

невидимому Богу; между тѣмъ какъ въ храмахъ Вавилона, Ниневіи, Тира и Сидона праздновались тѣ кровавыя, развратныя оргіи, при одномъ описаніи которыхъ и теперь волосы становятся дыбомъ! Подумаешь о такой обстановкѣ, нельзя вдоволь надивиться раннему величію Израиля. О его любви къ свободѣ въ то время, когда не только вокругъ него, но даже у всѣхъ народовъ древности, не исключая и философскихъ грековъ, процвѣтало и оправдывалось рабство, я не хочу говорить здѣсь, чтобы не компрометировать Библии у теперешнихъ самодержцевъ... Да, вмѣсто того, чтобы бороться съ невозможнымъ, или глупымъ декретомъ уничтожить собственность, Моисей стремился только къ ея морализаціи; онъ старался—собственность привести въ гармонію съ нравственностью, съ истиннымъ разумнымъ правомъ. Съ этой цѣлью учредилъ онъ юбилейный годъ, когда каждое отчужденное наслѣдство, состоявшее всегда въ поземельномъ владѣніи, доставалось первоначальному его собственнику тѣмъ же путемъ, какимъ было и отчуждено. Это учрежденіе представляетъ рѣшительную противоположность съ правомъ давности у римлянъ... Моисей не хотѣлъ уничтожать собственность, онъ хотѣлъ скорѣе, чтобы каждый обладалъ ею, для того, чтобы никто черезъ нищету не сдѣлался рабомъ съ рабскими наклонностями. Свобода всегда была послѣдней мыслью великаго эманципатора; она дышетъ и пылаетъ во всѣхъ его законахъ, касающихся пауперизма. Рабство само по себѣ было ему въ высшей степени ненавистно... Но если же рабъ, освобожденный, наконецъ, закономъ, не оставлялъ все таки дома своего господина, то Моисей приказывалъ пригвоздить за ухо неисправимаго негодяя къ дверямъ господскаго дома... О, Моисей, великій провозвѣстникъ свободы, снабди меня молотомъ и гвоздями, чтобы я могъ пригвоздить къ «бранденбургскимъ воротамъ» нашихъ добродушныхъ рабовъ съ ихъ длинными ушами» *.

Духъ еврейскаго закона и еврейской исторіи осѣнилъ этого блуднаго сына Израиля и ниспослалъ ему откровеніе, которое

* Признанія. Русск. изд. т. X, стр. 64—75.

прежде его поняли во всей глубинѣ только немногіе, а такъ ясно не изобразить еще никто. Гейне не только понялъ глубину мудрости законовъ и умственную борьбу въ продолженіи тысячелѣтій еврейской исторіи *, онъ оцѣнилъ по достоинству и истинное золото поэзіи, созданной величайшимъ еврейскимъ поэтомъ среднихъ вѣковъ. Едва Михайль Заксъ, проповѣдникъ съ душою псалмопѣвца и рѣчью пророка (см. послѣднюю главу), сдѣрнулъ покровъ съ скрытыхъ прелестей «религіозной поэзіи евреевъ въ Испаніи» и въ особенности восстановилъ снова затмившійся блескъ поэта Іегуды Галеви Альхассана, какъ Гейне, на котораго произведенія этого родственнаго и по племени и по искусству трубадура произвели глубокое впечатлѣніе, поставилъ ему памятникъ. Своимъ чародѣйскимъ жезломъ онъ поднялъ тѣнь Іегуды Галеви изъ гроба, и изобразилъ его во всемъ идеализмѣ его природы и со всѣмъ пыломъ энтузіазма **.

Въ Гейне до послѣдней минуты боролись два міровыхъ умственныхъ принципа, чистое цѣломудріе іудеевъ съ пластичностью грековъ, и онъ удивлялся обоимъ, не будучи въ состояніи ихъ примирить:

„Противорѣчья рѣзко видны здѣсь,
 „Веселье грековъ и идея Бога
 „Евреевъ

 „И вѣчно дѣяться будетъ этотъ споръ,
 „Борьба межъ истиной и красою... ***.

* См. замѣтки Гейне о евреяхъ, іудействѣ и еврейской исторіи въ „*letzte Gedichte und Gedanken Heine's*“ стр. 195 сл. Особенно хороша слѣдующая замѣтка: «Еврейская исторія прекрасна, но молодые евреи портятъ старымъ, которыхъ слѣдовало бы поставить гораздо выше грековъ и римлянъ. Я думаю, что, еслибы евреевъ больше не было и вдругъ бы узнали, что гдѣ то существуетъ экземпляръ этого народа, то охотно бы провѣдали 100 часовъ, чтобы увидѣть его и пожать ему руку—а теперь отъ насъ сторонятся».

** Написанное въ стилѣ макама приложеніе къ Романцero объ Іегудѣ Галеви заимствовано, какъ извѣстно, изъ книги М. Зака: „*Religіöse Poesie der Juden in Spanien*“ (стр. 287) и характеристика Зака натолкнула Гейне на мысль написать стихотвореніе Іегуда бенъ Галеви.

*** Альфредъ Мейснеръ, Н. Heine, Воспоминанія. Стихотвореніе къ „Монахамъ“ стр. 253, 256.

Гейне чувствовалъ, что гармоническое сляніе обоихъ этихъ элементовъ составляетъ задачу европейской цивилизаціи *, но онъ не былъ въ состояніи исполнить этого самъ. Эта борьба и породила его разорванность и его попытки, съ помощью на-смѣшки, сдѣлаться господиномъ обоихъ этихъ началъ, чтобы не оставаться въ подчиненности имъ.

Евреи многимъ обязаны Гейне и Берне, этимъ двумъ своимъ сыновьямъ отщепенцамъ. Они умѣрили, если не уничтожили (а это трудно) ненависть нѣмцевъ къ евреямъ. Гейне однажды сказалъ, вспомнивъ про бѣшенное «her-her»: «И подобная вещь теперь не можетъ повториться, потому что преса есть оружіе, и существуетъ два еврея, обладающихъ нѣмецкимъ стилемъ: одинъ—я, другой—Берне», ** и это пророчество отчасти исполнилось. Со времени ихъ появленія уже не повторялись болѣе такія злыя, грубыя нападки на евреевъ. Рюсъ, Фрисъ и другіе іудоѣды, отказывавшіе евреямъ во всѣхъ высшихъ умственныхъ способностяхъ, уже не могли говорить съ этого времени такимъ высокомернымъ тономъ. Германія не могла указать на болѣе даровитыхъ, художественныхъ и тонкихъ писателей, чѣмъ эти два еврея. Эти два борца, дѣйствительнѣе, чѣмъ майнцкая инквизиція, увротили глупое то изображавшее религію, то уходившее въ первобытные лѣса, тевтонофильствованіе разныхъ Массмановъ и Вольфганговъ Менцелей; они сдѣлали то, что проклятiе противъ евреевъ обратилось въ благословеніе. Многіе іудоѣды, какъ Менцель, стали говорить въ пользу равноправности евреевъ.

Но болѣе, чѣмъ евреи, обязана Германія этимъ двумъ своимъ воспитателямъ и бичевателямъ. Они опрокинули надъ Германіей настоящій рогъ изобилія мыслей, практическихъ мыслей, какъ два короля, которые на своемъ пути разбрасываютъ полными горстями золотыя монеты. Чтобы разбудить нѣмецкаго Михеля, они очень непочтительно дергали его за носъ;

* Собр. соч. т. XX, стр. 77.

** Германъ Шиффъ. Heine, стр. 24.

но они освободили нѣмцевъ отъ ихъ безгласности, исцѣлили ихъ отъ грубости и способствовали ихъ зрѣлости, создавъ имъ изящный, ясный и красивый языкъ и открывъ имъ храмъ свободы.

Молодая Германія, положившая начало теперешнему состоянию культуры и создавшая освободительный 1848 годъ, — есть дитя этихъ обоихъ еврейскихъ отцовъ. Ругатели, клеветники и тайная полиція руководились истиннымъ тактомъ, назвавъ *евреями* вожаковъ молодой Германіи, потому что, конечно, безъ вліянія еврейскаго духа, они бы не сдѣлались передовыми борцами за свободу. Враги евреевъ думали опозорить ихъ, называя евреями бѣлокуроыхъ борцовъ, но они указали имъ этимъ на почетный исходъ и выказали только умственную нищету нѣмцевъ.* Они возбудили во французахъ удивленіе къ силѣ нѣмецкаго ума и заставили смолкнуть нескончаемыя насмѣшки зарейнскихъ сосѣдей надъ неуклюжестью и мечтательной туманностью нѣмцевъ. Берне и Гейне первые нѣсколько сблизили Францію съ Германіей, соединивъ нѣмецкое глубокомысліе съ французскимъ изяществомъ. Они первые освѣтили туманъ, раздѣлявшій оба народа, побудили французовъ подниматься на гору, а нѣмцевъ спускаться съ нея, чтобы они могли встрѣтиться на полдорогѣ и подать другъ другу руки въ знакъ братскаго союза, забывъ свои обоюдные предрасудки и своихъ порабитителей. Если когда нибудь наступитъ эта мессіанская пора, то мы должны знать, что дорогу къ ней проложили оба эти еврея своимъ рѣшеніемъ національныхъ задачъ.

Перев. О. Бакетъ.

* Мендель, французо- и іудоѣдъ, взглянулъ на дѣло глубже Риссера, объявивъ жидовской молодую Германію. Риссеръ, родомъ изъ Готы, не соглашался опозорить евреевъ приписываніемъ имъ революціоннаго духа. Ср. *Jüdische Briefe*. I, 6.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

Выборы въ Германіи.—Побѣда прогрессистовъ и ликование берлинскаго населенія.—Неудавшіяся демонстраціи антисемитовъ.—Агитація послѣднихъ непосредственно передъ выборами, ихъ приемы и матеріальныя средства.—Одинъ изъ поставщиковъ требовавшихся для агитаціи капиталовъ.—Повсемѣстное пораженіе антисемитовъ.—Избирательная сходка съ Вирховымъ, его рѣчь и вызванное ею впечатлѣніе.—Итоги выборовъ.—Попытки Штекера заключить союзъ съ социаль-демократами.—Депутаты еврейскаго происхожденія.—Слухъ объ отставкѣ Штекера.—Антисемиты закрываютъ постепенно лавочку.—Вліяніе выборовъ на кн. Бисмарка, его отзывы о евреяхъ.—Факты, уличающіе его въ потворствѣ антисемитамъ.—Что дало антисемитамъ силу?—Статистика евреевъ въ Пруссіи и вытекающіе изъ нея результаты.

Нѣмецкіе евреи ликуютъ. Наконецъ-то и на ихъ улицѣ праздникъ!

День 27-го (15) октября вознаградилъ ихъ богато за всѣ тѣ униженія и оскорбленія, за всѣ пакости и мерзости, которыя шайка покровительствуемыхъ проходимцевъ фабриковала на ихъ счетъ день за днемъ, въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ. Славный былъ это день, день лихорадочно ожидаемыхъ выборовъ, призванный рѣшить судьбу новаго рейхстага и политики правительства въ ближайшемъ трехлѣтіи. Германскіе евреи готовились къ нему съ трепетомъ, съ замираніемъ сердца: сотня-другая лишнихъ голосовъ въ пользу главныхъ руководителей послѣдняго антисемитскаго движенія - и опять пошли-бы въ ходъ инсинуаціи и сходы, памфлеты и петиціи, поджоги и кулачная расправа. Невыразимо скверно было-бы, если-бы врагъ возликовалъ, если-бы онъ вышелъ изъ борьбы торжествующимъ побѣдителемъ.

Прекрасенъ былъ Берлинъ въ этотъ знаменательный день! Уча-

стіе въ выборахъ отличалось на этотъ разъ особеннымъ оживленіемъ. Истекшее трехлѣтіе оставило послѣ себя черезъ-чуръ ужъ тяжелые слѣды. Положеніе дѣлъ въ Германіи обострилось на столько въ послѣднее время, что спасеніе было возможно лишь при условіи дружнаго и разумнаго эксплоатированія наступившихъ выборовъ.

Уже съ утра на улицахъ столицы замѣчалось необычайное движеніе. Озабоченныя лица переходили отъ одного избирательнаго пункта къ другому, знакомые перешептывались при встрѣчѣ, — видно было по всему, что публика чѣмъ-то занята, что она ждетъ чего-то съ худоскрываемымъ напряженіемъ. Результаты выборовъ имѣли быть обнародованы къ 10-ти часамъ вечера. Въ громадномъ залѣ «Центральной гостинницы» собрались еще раньше старшины избирательнаго комитета прогрессистской партіи. Счетъ голосовъ производился здѣсь бойко, опытными въ этомъ дѣлѣ спеціалистами. Нетерпѣніе публики, большою толпою размѣстившейся предъ самымъ зданіемъ гостинницы и въ прилежащихъ улицахъ, росло съ каждою минутою. Толки, возгласы, громко высказываемыя догадки — все это свидѣтельствовало о необычайномъ возбужденіи собравшихся здѣсь тысячъ людей, въ теченіи дня исполнившихъ свой гражданскій долгъ и жаждавшихъ узнать окончательную судьбу своихъ избранниковъ. Наконецъ-то великій моментъ наступилъ. Публика засуетилась еще больше, посыпались распросы, раздалось дружное ура, ликующіе граждане разсыпались по городу, чтобы раздѣлить свою радость съ родными и знакомыми. „Fortschritt hat gesiegt!“ — побѣда за „прогрессомъ“ (т. е. за прогрессистами)... Эта многозначительная фраза переходила изъ устъ въ уста, вызывая аплодисменты и другіе знаки одобренія. Берлинъ постоялъ-таки за себя и съ полнѣйшимъ правомъ праздновалъ побѣду.

Публика все прибывала, улицы стали непроходимы, давка была необычайная. Полиція, въ усиленномъ составѣ, пѣшомъ и на коняхъ усмирляла толпу, не давая разыгаться ея радостному чувству за предѣлы дозволеннаго. Появились разношники съ газетными бюллетенями, докладывавшими о результатѣ выборовъ. Редакціи газетъ были просто осаждаемы публикою, горѣвшею нетерпѣніемъ увидѣть въ печати имена шести избранныхъ Берлиномъ депутатовъ. Бюллетени разбирались на

расхватъ и уносились счастливыми ихъ обладателями во всѣ углы и закоулки широко раскинувшейся столицы. Ихъ читали и перечитывали вслухъ, и каждое чтеніе сопровождалось одобрительнымъ „ура“, которое расходилось по воздуху, словно раскаты грома: „Да здравствуютъ Вирховъ, Рихтеръ, Леве и т. д.! Прочь Штекера, прочь его достойныхъ товарищей! Не имъ состоятъ нашими представителями!“... Вирхову и его друзьямъ были устроены овація за оваціей. Вновь избранные депутаты, собравшіеся въ «Центральной гостинницѣ», одинъ за другимъ произнесли краткія рѣчи, въ которыхъ выражали свою благодарность не измѣнившему имъ въ вѣрности населенію Берлина.

Суета не унималась долго, движеніе продолжалось далеко за полночь. Не дремали, конечно, и антисемиты. Не прятаться-же, въ самомъ дѣлѣ, отъ людей и объявить себя окончательно побѣжденными!... Компания, человекъ изъ двухсотъ, разгуливала по улицамъ и орала во всю глотку, чувствуя все тѣхъ же «жидовъ» и «ожидовѣлыхъ прогрессистовъ». Добралась она до дома депутата Леве, которому требовалось непременно устроить враждебную демонстрацію. Полиція не нашла, однако, удобнымъ дать на этотъ разъ волю неистовствующимъ защитникамъ христіанской Германіи: даровое представленіе было прервано на самомъ интересномъ мѣстѣ. Такія же демонстраціи затѣвались засимъ и въ другихъ еще мѣстахъ, но деспотическіе блюстители порядка являлись повсюду со своимъ безапелляціоннымъ veto.

Исходъ выборовъ превзошелъ ожиданія не однихъ только евреевъ. Какія только пружины не были пущены въ ходъ, чтобы добиться противоположныхъ результатовъ! Сила консерваторовъ, дѣйствовавшихъ заодно съ антисемитами, была велика, группа же либеральныхъ партій еле удерживалась на ногахъ. Врагъ ихъ находился въ условіяхъ до нельзя выгодныхъ. Консервативно-антисемитскіе дѣятели имѣли въ своемъ распоряженіи громадныя суммы. Имъ покровительствовало правительство, которое помогало пропагандировать и предупредительнѣйшимъ образомъ расчищало предъ ними дорожку. Агенты обходили чиновную публику, рабочихъ и иныхъ правоспособныхъ гражданъ, на податливость которыхъ можно было болѣе или менѣе рассчитывать. На уличныхъ столбахъ и въ публичныхъ мѣстахъ красовались, напечатанныя крупнѣйшимъ и разноцвѣтнымъ шрифтомъ, афиши, въ которыхъ

рекомендовались публикѣ Штекеръ, Генрици и остальные кандидаты соединенной консервативно-антисемитской лиги. Либераламъ не было дано возможности вывѣшивать свои контръ-воззванія: они видите-ли, не позаботились, подобно антисемитамъ, испросить на это заблаговременно разрѣшенія начальства, чѣмъ и закрыли сами себѣ путь къ этому способу пропаганды. Брошюры, прокламаціи, стихи и всякая иная антисемитская макулатура навязывались даромъ прохожимъ, на всѣхъ перекресткахъ столицы. Сходки одна за другой и въ разныхъ частяхъ города поджигали мирныхъ гражданъ, при помощи патріотическихъ рѣчей, трескучихъ фразъ и вымышленныхъ разсказовъ. Евреевъ и ихъ друзей, прогрессистовъ, ораторы изображали какими-то чудовищами, которыхъ надлежало сдѣлать во что бы то ни стало безвредными. Чего только не было пущено въ ходъ враждебною евреямъ и прогрессистамъ кликою, въ послѣдніе дни предъ выборами! Цѣлые томы можно-бы наполнить эпизодами, имѣющими отношеніе къ этой безчестной агитаціи. Наемные посыльные расказывали по городу съ привѣшенными къ груди табличками, на которыхъ были изображены слова: «*Hepp, hepp! Wählet keinen Juden! Heraus mit den Jtzigs!*» и т. д. въ томъ же родѣ. Портреты Штекера и остальныхъ антисемитскихъ кандидатовъ были распространяемы въ тысячахъ экземплярахъ; къ нимъ были приложены біографіи этихъ великихъ мужей, которые представлены мучениками и героями. Наванунъ выборовъ появился вдругъ «подъ Липами», т. е. въ самой оживленной части столицы, какой-то каррикатурный еврей—грязный, оборванный, съ безконечно-длинными пейсами, въ длиннополой хламидѣ, однимъ словомъ субъектъ рѣдкостный, какихъ не откопать въ Берлинѣ ни за какія деньги. Этотъ франтъ мозолилъ нѣсколько часовъ подрядъ глаза публикѣ, ловко изворачиваясь отъ взоровъ полиціи. Онъ приставалъ нахально къ прохожимъ, надоѣдалъ какъ и чѣмъ только могъ и сталъ, наконецъ, до того несносенъ, что вызвалъ протесты, дошедшіе до полиціи. Послѣдняя, не тратя лишнихъ словъ, подкараулила его и, схвативъ за шиворотъ, отравила для расправы въ участокъ. Взяли его на допросъ и оказалось, что это ни болѣе и ни менѣе какъ переодѣтый христіанинъ, нанятый за хорошій гонораръ антисемитами и дѣйствовавшій по инструкціи своихъ временныхъ хозяевъ. Этотъ импровизированный актеръ былъ снаряженъ для того, чтобы своею презен-

табельностью воздѣйствовать на нервы прохожихъ обывателей: любуйтесь, моль, каковъ жидъ-то, сующій и свою лапу въ избирательную урну, претендующій на ваше довѣріе, на вашу благосклонность!—На центральной телеграфной станціи, которую въ теченіе дня посѣщаютъ тысячи народа, найдена, тоже наканунѣ выборовъ, валявшаяся на полу редакція телеграммы, яко-бы адресованная кандидату въ депутаты, еврею Леве, и подписанная какимъ-то неизвѣстнымъ гражданиномъ. Въ этой телеграммѣ докладывается слѣдующее: «всѣ деньги вышли, пришлите еще и какъ можно скорѣе, иначе ваше избраніе сомнительно. Вербовка голосовъ идетъ успѣшно». Леве—одинъ изъ безупречнѣйшихъ и популярнѣйшихъ депутатовъ г. Берлина, кандидатура котораго отнюдь не нуждалась въ искусственномъ привлеченіи добытыхъ по найму голосовъ. Впрочемъ авторы телеграммы были на столько неосторожны, что сфабриковали еще другой экземпляръ ея, который былъ подброшенъ въ другомъ многолюдномъ мѣстѣ, какъ будто утерянный ея отправителемъ. — Но всего положительно не рассказать. Антисемиты оказались ловкими агитаторами, изобрѣтательными и не отступающими ни предъ чѣмъ. Выше уже было упомянуто, что они располагали большими капиталами, которые расходовали щедро. Деньги эти исходили отъ частныхъ жертвователей, богачей, принадлежащихъ къ тѣмъ сословіямъ, для которыхъ успѣхъ антисемитской агитаціи имѣлъ значеніе жизненнаго вопроса. Главнымъ сборщикомъ и поставщикомъ денегъ былъ въ послѣднее время извѣстный въ Берлинѣ миллионеръ, коммерсантъ Рудольфъ Герцогъ, владѣющій однимъ изъ богатѣйшихъ мануфактурныхъ магазиновъ и поставщикъ принадлежностей женскаго туалета. Черезъ однѣ только его руки прошло на дѣло антисемитской пропаганды около полумилліона марокъ, изъ которыхъ львиная доля исходила изъ его же кассы. Герцогъ принадлежалъ когда-то, по политическимъ своимъ убѣжденіямъ, къ партіи прогрессивной; съ нѣкотораго времени, однако, онъ воспыпалъ страшною враждою къ евреямъ и отвернулся какъ отъ нихъ самихъ, такъ и отъ политическихъ ихъ друзей. Ненависть его къ евреямъ толкуется различно и приводится, между прочимъ, въ связь съ слѣдующимъ обстоятельствомъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ императорскій дворъ былъ поставленъ въ возможность сдѣлать, по случаю бракосочетанія одного изъ членовъ императорской фамилии,

весьма крупный заказ по части женскаго гардероба. Герцогъ былъ на сей разъ почему-то обойденъ. Заказомъ были удостоены его соперники по профессіи, еврейскія фирмы Герсбна, Мангеймера и Израэли, склады и мастерскія которыхъ пользуются извѣстностью даже за предѣлами Берлина. По поводу этого происшествія было много толковъ въ столицѣ. Герцогъ не могъ переварить нанесенной ему обиды, виновниками которой были, по его убѣжденію, подпольныя продѣлки вышеупомянутыхъ еврейскихъ коммерсантовъ. Съ тѣхъ поръ и пошло. Какъ на грѣхъ подвернулось антисемитство. Герцогъ нашелъ моментъ подходящимъ, чтобы свести счеты съ евреями. Антисемитамъ только и нуженъ былъ такой клиентъ. Они раскусили быстро молодчика и опутали его со всѣхъ сторонъ. Денегъ-же у Герцога бездна. Такимъ-то образомъ и вышло, что Герцогу пришлось выложить, за короткое время, сотню-другую тысячъ изъ своихъ, правда, очень крупныхъ сбереженій. Затраты у антисемитовъ были вѣдь громадныя. Однѣ типографіи поглотили цѣлое состояніе! Но больше всего ушло денегъ на разные угощенія и праздники, которые устраивались въ честь рабочихъ и, вообще, низшихъ классовъ населенія. «Хлѣбъ» — сулили народу въ будущемъ, пока-же подкупали его «зрѣлищами», которыя и устраивались при подобающей случаю обстановкѣ. Такъ недѣли полторы до выборовъ праздновался день рожденія германскаго кронпринца, который совпадаетъ съ годовщиною Лейпцигской битвы и съ какимъ-то еще патриотическимъ событіемъ. Этимъ тройнѣ торжественнымъ днемъ антисемиты рѣшили воспользоваться. Наняли они всѣ частныя столичныя театры, (за исключеніемъ лишь одного, владѣлецъ котораго отказался отъ сдѣлки), и раздали бесплатно билеты фабричнымъ и инымъ рабочимъ. Для приглашенныхъ была устроена, кромѣ того, даровая закуска съ неизмѣннымъ пивомъ, которое поставлялось à discretion. Разумѣется, что публику угощали въ антрактахъ патриотическими рѣчами, имѣвшими отношеніе къ вопросу о выборахъ. Инициаторы этого политическаго праздника задумали расширить еще больше программу послѣдняго, но затѣя не удалась. Они обратились почтительнѣйше къ кронпринцу съ ходатайствомъ, о разрѣшеніи имъ разукрасить его дворецъ цвѣтами и флагами, въ дополненіе къ чему рѣшено еще было устроить въ честь его фавельцугъ. Однимъ словомъ, предполагалось поставить на сцену эффектнѣйшую де-

монстрацію, при участі многихъ тысячъ народа, заранѣ настроенныхъ на надлежащій ладъ. Кронпринцъ рѣшилъ, однако, иначе и отклонилъ категорически предложенную ему честь. Онъ отвѣтилъ чрезъ своего гофмаршала, что не можетъ дать свое согласіе на демонстрацію, явно задуманную съ «тенденціозными» цѣлями.

И все таки дѣло не выгорѣло! Капризная фортуна не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ. Событія одного только дня разрушили самымъ обиднымъ образомъ все зданіе антисемитовъ, возведеніе котораго поглотило столько силъ и денегъ. Антисемиты потерпѣли безпримѣрное пораженіе, поразившее даже враговъ ихъ. Штекеръ, выступившій кандидатомъ не только въ Берлинѣ, забаллотированъ пока повсюду. Если не спасутъ его дополнительные выборы, то въ ближайшемъ трехлѣтніи его голосъ не будетъ ужъ больше раздаваться съ высоты парламентской трибуны, не будетъ инсинуировать и своимъ нахальствомъ приводить въ смущеніе терпѣливую аудиторію. Не даромъ, за нѣсколько дней до выборовъ, избиратели второго округа въ Берлинѣ, въ которомъ шла борьба между Вирховымъ и Штекеромъ, пѣли воодушевленно

„So lang noch Lieb' zur Freiheit blüht,
 „Und deutscher Sinn uns warm durchglüht,
 „So lang noch Stolz der Wähler hat,
 „Ist hier für Stöcker—keine Stadt!“

Этотъ второй округъ въ продолженіи полугода обрабатывался особенно усердно Штекеромъ и его соглядатаями. Здѣсь прогрессисты выставили свою главную силу, знаменитаго ученаго и государственнаго мужа Вирхова—самаго опаснаго изъ берлинскихъ кандидатовъ либеральной партіи. Штекеръ взялся побороть этого конкурента и записался въ кандидаты того же самаго округа; ему-то антисемиты и посвятили отнынѣ наибольшую свою дѣятельность. Между тѣмъ Вирховъ предпринялъ поѣздку, съ ученою цѣлью, сначала въ Лондонъ, а затѣмъ въ южную Россію. Антисемиты блаженствовали и обдѣлывали бойко свои дѣлишки, предоставляя ненавистному вожаку прогрессистовъ, т. е. Вирхову, пожинать лавры на чужбинѣ. Но приближавшіеся выборы привлекли Вирхова домой. Нужно было и ему побесѣдовать публично со своими будущими избирателями. Въ его отсутствіи, Штекеровцы агитировали изъ всѣхъ силъ; они не совѣстились смѣшивать съ грязью этого заслуженнаго мужа, имя котораго уже обезпечило

себѣ почетное мѣсто на страницахъ исторіи. Для антисемитовъ Вирховъ оказался шарлатаномъ, диллетантомъ въ политикѣ, врагомъ народа, слугою жидовъ и т. д. Эти эпитеты такъ и сыпались изъ устъ ораторовъ, подрядившихся «открыть глаза» народу и познакомить его съ достоинствами не по чину лелѣемаго нѣмцами Вирхова. На всю эту мерзость Вирховъ, конечно, не откликнулся. Возвратился онъ въ Берлинъ дней за пять до выборовъ. Прогрессистская партія устроила публичное собраніе, на которомъ вызвался говорить Вирховъ. Давно уже Берлинъ не былъ свидѣтелемъ такого торжественнаго собранія, такого величественнаго зрѣлища, какъ эта сходка. Залъ для собранія былъ выбранъ самый вмѣстительный. Публика допускалась по билетамъ, которые достать было очень трудно. Наступилъ назначенный для собранія вечеръ. Тысячъ шесть гостей заняло залъ, роскошнѣйшимъ образомъ убранный гирляндами и вѣнками, флагами и вензелями, въ честь Вирхова, на дняхъ только отпраздновавшаго 60-ти-лѣтіе своего рожденія и 25-ти-лѣтіе своей славной ученой дѣятельности. Вирховъ вступилъ въ залъ среди долго неумолкавшихъ, оглушительныхъ рукоплесканій. Встрѣча съ этимъ симпатичнымъ публичнымъ дѣятелемъ была поистинѣ трогательная. Публика вела себя съ замѣчательнымъ тактомъ. По знаку музыки, она зашла въ одинъ голосъ, имѣя предъ собою розданный у входа текстъ, специально сочиненный въ честь Вирхова гимнъ, одна изъ строфъ котораго повторена выше. Мотивъ «Wacht am Rhein» былъ весьма искусно приложенъ къ тексту этого удавшагося стихотворенія и придавалъ ему замѣчательную силу. Наконецъ Вирхову дано было слово. Въ мѣткой и содержательной рѣчи онъ, мягкимъ и симпатичнымъ своимъ голосомъ, обрисовалъ современное положеніе Германіи, дѣятельность антисемитовъ и ихъ значеніе въ настоящей избирательной кампаніи. Рѣчь его блистала умомъ и остроуміемъ; она находила живой отголосокъ въ сердцахъ многочисленныхъ слушателей, которые выражали аплодисментами свой неподдѣльный восторгъ. Вирховъ упомянулъ и о недавнихъ событіяхъ въ Россіи, имѣющихъ также отношеніе къ евреямъ. Ораторъ много размышлялъ по поводу выдвинутаго тамъ вновь еврейскаго вопроса. Онъ старался познакомиться съ нимъ нѣсколько ближе въ самой Россіи, гдѣ авторитетныя личности обогатили его устно многими интересными на этотъ счетъ сообщеніями.

Вирховъ сопоставилъ русское антисемитство съ германскимъ штекеровскимъ и нашелъ между ними близкое родство. И тутъ, и тамъ нѣтъ и рѣчи о мотивахъ нравственныхъ, о борьбѣ за идею, о причинахъ, вытекающихъ изъ различій расовыхъ и вѣроисповѣдныхъ. Личные интересы, корысть и зависть, мракобѣсiе — вотъ что создало это позорное явленiе, именующее себя — антисемитствомъ и выражающееся въ насилiяхъ надъ мирными и полезными согражданами. Вирховъ закончилъ свою рѣчь энергическимъ приглашенiемъ — отнестись серьезно къ предстоящимъ выборамъ, которые имѣютъ значенiе не для одной только Германiи. На нѣмцевъ устремлены въ данную минуту взоры всей цивилизованной Европы, и они должны во что бы то ни стало оправдать обращенныя къ нимъ надежды.

Трудно описать тотъ эффектъ, который произвела рѣчь Вирхова — спокойная, не задорная, вполне достойная ея автора и внимавшей ему избранной публики. И все-таки кандидатура даже Вирхова не была обезпечена до послѣдней минуты. Прогрессисты не уклонялись, однако, отъ прямого пути и не подражали своимъ соперникамъ, которые не брезгали и мутными источниками тамъ, гдѣ честная агитацiя обѣщала меньше успѣха. И порокъ былъ наказанъ! Всѣ шесть кандидатовъ, которыхъ выставила въ Берлинѣ консервативно-антисемитская лига, провалились. Генрици — душа антисемитовъ, устроитель поджоговъ, литераторъ и хлопотунъ, безъ котораго не обходилось въ послѣднее время ни одно собранiе — получилъ цѣлыхъ 841 голосъ, тогда какъ противнику его въ томъ же округѣ, кандидату прогрессистовъ, досталось 12,850 голосовъ. Берлинъ не опозорилъ себя избранiемъ антисемитовъ; отвернулась отъ нихъ и провинцiя: ихъ жалкая армiя разбита на голову и уходитъ со сцены, напутствуемая насмѣшками и оставляя послѣ себя самыя отвратительныя воспоминанiя. Теперь только, проснувшись отъ долгаго кошмара, Германiя начинаетъ понимать, чѣмъ угрожала ей побѣда антисемитовъ-консерваторовъ, если бы она все-таки состоялась, вопреки ихъ уродливости и наперекоръ здравому смыслу нѣмецкаго народа. Въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, выборы еще не вездѣ закончены, и общiй результатъ ихъ не установленъ еще окончательно. Во многихъ мѣстахъ имѣютъ состояться дополнительные выборы, между конкуррентами, получившими въ однихъ

и тѣхъ же мѣстахъ одинаковое почти большинство. Такіе «Stichwahlen» оказались и въ Берлинѣ въ двухъ округахъ. Но и тутъ не антисемиты были соперниками прогрессистовъ, а социаль-демократы, которые пробиваютъ себѣ дорогу въ Германіи, не смотря на то, что имъ не даютъ поднять голову. 12-го ноября состоялись конкурсные выборы въ этихъ двухъ округахъ: въ обоихъ избраны опять-таки прогрессисты. Штекеръ, разыгрывающій роль официальной особы—каковую онъ и изображаетъ изъ себя, по занимаемой имъ должности придворнаго проповѣдника,—создавшій спеціальнѣйшій союзъ, (христіанско-соціалистской партіи), для борьбы съ социаль-демократами, не побрезгалъ вступить въ переговоры съ послѣдними, съ цѣлью повредить прогрессистамъ на дополнительныхъ двухъ выборахъ. Онъ взялся передать всѣ голоса своей партіи социаль-демократамъ, лишь бы сдѣлать невозможнымъ избраніе прогрессистовъ. Но социаль-демократы отказались отъ такого союзника, найдя неудобнымъ воспользоваться его, сомнительнаго достоинства, услугами. Штекеръ, навязывающій себя социаль-демократамъ! Этою послѣднею выходкою онъ погубилъ себя окончательно. Но намъ мало дѣла до судьбы Штекера, карьера котораго, безъ сомнѣнія, клонится къ концу.

Ликваніе либеральныхъ партій безконечно велико. Оно и вполне законно. Ихъ силы значительно увеличились, въ сравненіи съ составомъ послѣдняго рейхстага. Правительство очутилось на мели. Рейхстагъ соберется не ранѣе 17-го ноября, но уже теперь поговариваютъ о твердомъ рѣшеніи кн. Бисмарка удалиться отъ дѣлъ. Если отставка германскаго канцлера, безъ сомнѣнія, и не состоится (извѣстно вѣдь, что императоръ Вильгельмъ написалъ на одномъ изъ прежнихъ прошеній его объ отставкѣ слово «никогда!»), то одно ужъ намѣреніе его въ этомъ смыслѣ достаточно обрисовываетъ положеніе дѣлъ. Либеральные элементы, съ которыми кн. Бисмаркъ разошелся окончательно въ послѣднее время, являются для него грозною оппозиціею, съ которою справиться будетъ очень трудно.—Побѣдили прогрессисты, значить побѣдили и евреи, идущіе съ ними рука объ руку. Скрывать нечего: евреи содѣйствовали не мало успѣху прогрессистовъ. Помимо своихъ собственныхъ голосовъ, которые въ общемъ итогѣ тоже кое-чего да стоятъ, они и дѣломъ сослужили службу своимъ единомыш-

ленникамъ: послѣдніе отдають полнѣйшую справедливость энергіи и открытому образу дѣйствій евреевъ въ этомъ отношеніи.

Еврей удостоились тоже избранія въ разныхъ мѣстахъ. Число депутатовъ-евреевъ, имѣющихъ служить государству въ новомъ рейхстагѣ, еще не приведено въ полную извѣстность, но по всему видно, что оно, во всякомъ случаѣ, не уменьшилось сравнительно съ прежнимъ. Антисемиты оказались даже и тутъ безсильными! Популяриѣйшіе депутаты изъ евреевъ—Ласкеръ, Бамбергеръ, Леве—вышли изъ избирательной урны съ громаднымъ числомъ голосовъ, а баллотировались они въ такихъ мѣстахъ, гдѣ антисемиты насаждали свое ученіе съ наибольшимъ усердіемъ. Изъ остальныхъ евреевъ, попавшихъ теперь въ депутаты, назовемъ еще талантливаго публициста Оппенгеймера, написавшаго нѣсколько мѣткихъ статей и брошюръ противъ антисемитовъ. Избранъ также Зоннеманъ, редакторъ враждебной антисемитамъ «Франкфуртской газеты».

Результаты выборовъ привѣтствуются всюду восторженно, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать. Штекеру и Штекеровцамъ посвящаются въ газетахъ цѣлые столбцы. Ихъ провожаютъ со словами укоризны, съ безопадною критикою. Общественное мнѣніе не признаетъ въ данномъ случаѣ извѣстной латинской пословицы: *de mortuis aut bene, aut nihil*.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ Берлинѣ передается изъ устъ въ уста слухъ объ удаленіи Штекера отъ должности придворнаго проповѣдника. Этотъ слухъ повѣряется консервативными газетами и, между прочимъ, такими, которыя до послѣдняго еще времена пѣли со Штекеромъ въ униссонъ. Прибавляютъ, что инициаторомъ этой отставки является никто иной, какъ самъ кн. Бисмаркъ. Вѣрить этому слуху представляется теперь достаточно основаній. Штекеръ оказывается въ настоящее время лишнею обузою. Въ его услугахъ не нуждаются больше и крайне не рады, что имѣли неосторожность связаться съ нимъ раньше*.

Антисемиты приостанавливаютъ постепенно свою дѣятельность. Сейчасъ же послѣ перваго дня выборовъ прекратила свое суще-

* Какъ извѣстно, Штекеръ уже уволенъ, по настоянію кронпринца, отъ должности придворнаго проповѣдника.

ствование самая распространенная изъ ихъ газетъ, центральный органъ партіи, издававшійся подъ руководствомъ Генрици, подъ фирмою: «Der Reichsherold». Перестала выходить и другая антисемитская газета, «Der deutsche Patriot», которая разсылалась, въ видѣ приложения, при официальныхъ вѣдомостяхъ, издающихся въ главныхъ провинціальныхъ городахъ. Сходки уменьшились въ числѣ и собирались гораздо рѣже. Они происходятъ еще только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣютъ произойти перебаллотировки.

Пораженіе антисемитовъ не осталось безъ вліянія и на кн. Бисмарка. Хорошимъ симптомомъ служить въ этомъ отношеніи слѣдующій разговоръ, уже нѣсколько дней занимающій прессу.

Кн. Бисмаркъ состоитъ уже много лѣтъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ однимъ богатымъ фабрикантомъ-евреемъ, сосѣдомъ его по имѣнію. Этотъ фабрикантъ скупаетъ у него сырье и пользуется большимъ расположеніемъ канцлера. На-дняхъ онъ былъ приглашенъ къ его столу, при каковомъ случаѣ кн. Бисмаркъ вступилъ съ нимъ, ни съ того, ни съ сего, въ длинную бесѣду о евреяхъ и еврейскомъ вопросѣ. Вотъ самое характерное мѣсто изъ сужденій кн. Бисмарка о евреяхъ, которое мы передаемъ здѣсь въ почти дословномъ переводѣ:

«Невѣрно въ высшей степени—высказался германскій канцлеръ—считать меня солидарнымъ съ антисемитами. Я осуждаю самымъ рѣшительнымъ образомъ ихъ походъ противъ евреевъ—имѣй онъ свою причину въроисповѣдныя мотивы, или расовое различіе. Вѣдь съ такимъ же точно правомъ можно бы накинуться, въ одинъ прекрасный день, на нѣмцевъ польскаго или французскаго происхожденія, и также заявить, что они вовсе не нѣмцы! То, что евреи обнаруживаютъ больше наклонности къ коммерческой дѣятельности—дѣло вкуса. Имъ закрывали въ прежнее время доступъ къ другимъ профессіямъ, и это достаточно объясняетъ вышеозначенное явленіе. Ихъ большая зажиточность не оправдываетъ никоимъ образомъ враждебныхъ сужденій на ихъ счетъ, которыя я считаю незаконными, такъ какъ они возбуждаютъ въ толпѣ зависть и ненависть. Я никогда не допущу, чтобы принадлежащія евреямъ по нашей конституціи гражданскія права были въ какомъ бы то ни было отношеніи сужены. Ум-

ственная организація евреевъ дѣлаетъ ихъ, вообще, наклонными къ критикѣ: оттого-то они и оказываются по преимуществу въ рядахъ оппозиціи. Но я лично не дѣлаю никакого различія между противниками—будь это христіане, или евреи—моей хозяйственной политики, которую я, по убѣжденію своему, считаю для страны наиболѣе благодѣтельной. Если я давалъ отвѣты на сочувственные мнѣ адреса и телеграммы, то я исполнялъ этимъ не болѣе какъ долгъ вѣжливости, какъ я уже имѣлъ случай пояснить это Рихтеру. Я съ удовольствіемъ отвѣтилъ бы не менѣе предупредительно на слова одобренія со стороны прогрессистской партіи, но таковыхъ мнѣ получать не приходилось».

Вся эта рацея была произнесена дипломатомъ-канцлеромъ въ бесѣдѣ съ г. Берендтомъ, изъ Кеслина, который попросилъ разрѣшенія обнародовать ее въ газетахъ. Согласіе было дано,—кн. Бисмаркъ призвалъ нужнымъ заявить гласно о своей готовности (иначе его рѣчь не можетъ быть истолкована!) заключить миръ съ евреями и удостоивать ихъ впредь своего благосклоннаго расположенія. Мало того. Онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы письменное изложеніе этой бесѣды было представлено ему для просмотра, до отправки въ редакціи. Берендтъ исполнилъ это требованіе и, такимъ образомъ, канцлеровское заявленіе получило огласку, подъ отвѣтственностью его же, кн. Бисмарка. Само по себѣ, это офиціозное *profession de foi* не способно сбить съ толку евреевъ. Германскій канцлеръ давно уже потерялъ кредитъ въ глазахъ своихъ соотчичей, до того времени подхватывавшихъ съ благоговѣніемъ каждое слово, исходящее изъ его устъ. Нынче дѣло измѣнилось: «*Wer sich auf Bismarck verlässt, der ist mehr wie verlassen!*»—разсуждаютъ нѣмцы, извѣрившіеся окончательно въ своемъ прежнемъ кумирѣ. Впрочемъ, кн. Бисмаркъ поторопился самъ смягчить значеніе вышеприведенныхъ его разглагольствованій о евреяхъ. Почти одновременно съ опубликованными медоточивыми словами, въ газетахъ приводилось другое его сужденіе, характера совершенно иного. Опять-таки въ частной бесѣдѣ—такъ гласитъ газетная молва—канцлеръ изволилъ выразиться о евреяхъ, что они «*thun was sie können, um mich zum Antisemiten zu machen*». Они не пляшутъ по его дудкѣ, не поддерживаютъ его проектовъ и даже имѣютъ дерзость противодѣй-

ствовать, вмѣстѣ съ другими, ихъ осуществленію: какъ же не стать антисемитомъ, въ виду такой недалковидности евреевъ, пренебрегающихъ милостью всемогущаго устроителя судебъ Германіи! И кн. Бисмаркъ въ самомъ дѣлѣ антисемитъ. Давно ли пресловутый Ферстеръ, (кстати, привлеченный на-дняхъ магистратомъ Берлина къ суду за клевету), счелъ себя въ правѣ заявить объ этомъ громогласно, въ публичномъ собраніи, происходившемъ въ столицѣ Германской имперіи? Ферстеръ прибавилъ еще даже, что «нашъ уважаемый канцлеръ—самый усердный и самый надежный антисемитъ». Выходить, такимъ образомъ, что онъ совершенно напрасно корчитъ изъ себя теперь казанскую сироту. Онъ противорѣчитъ себѣ самъ на каждомъ шагу, что даже и непонятно въ такомъ искусномъ и испытанномъ дипломатѣ. Въ то время, какъ изъ устъ его въ присутствіи еврея-Берендта, раздаются такіа сладкозвучныя рѣчи, онъ не перестаетъ удостоивать привѣтственными телеграммами тѣхъ самыхъ антисемитовъ, отъ которыхъ яко-бы совершенно ужъ отвернулся. «Союзъ нѣмецкихъ студентовъ» въ Лейпцигѣ (читай—группа антисемитскихъ юношей) счелъ необходимымъ обратиться къ канцлеру, вслѣдъ за огласкою перваго результата берлинскихъ выборовъ, съ телеграммою патріотическаго содержанія и явно антисемитскаго характера. Възливый князь поторопился отвѣтить, что онъ отъ души благодаритъ за телеграмму, что берлинскіе выборы его не удивляютъ и не смущаютъ, и что наконецъ хроническія болѣзни требуютъ для своего излеченія времени и терпѣнія. «Я радъ—заканчиваетъ онъ свой отвѣтъ—что фереинъ нѣмецкихъ студентовъ раздѣляетъ мои мысли, уповая вмѣстѣ со мною на лучшее будущее». Почти тѣ же слова отправлены имъ, нѣсколько дней спустя, по адресу негодяя Ферстера, устроившаго, уже послѣ выборовъ, сходку въ Берлинѣ и отправившаго также вѣрноподданническо-антисемитскую телеграмму на имя его сіятельства. Всѣ эти факты вызываютъ, конечно, крайне невыгодныя для кн. Бисмарка сужденія въ прессѣ и въ обществѣ—сужденія, открыто порицающія предосудительный образъ дѣйствія, какъ видно, со всѣмъ растерявшагося канцлера.

Двойственность политики кн. Бисмарка въ антисемитской исторіи, продолжающаяся еще понынѣ, была главною причиною по-

разительной, во всякомъ случаѣ, силы, которой достигли антисемиты, особенно въ послѣднее время. Пропаганда послѣднихъ стояла съ самаго начала на шаткой почвѣ и отнюдь не могла рассчитывать на успѣхъ. Не забудемъ, что ареною служила имъ Германія, страна съ установившимися политическими учрежденіями и народомъ, въ общей сложности на столько ужъ самостоятельнымъ и развитымъ, чтобы оцѣнить по достоинству сшитые на живую нитку тезисы разныхъ Штекеровъ, Генрици, Руппелей и Ферстеровъ. Правда, сами же нѣмцы разсуждаютъ, что:

Es giebt auf Erden nichts so dumm—
Es findet doch sein Publicum,

но измышленныя антисемитами инсинуаціи, помощью которыхъ они вербовали adeptовъ и достигали разоренія евреевъ въ разныхъ мѣстахъ, были на столько ужъ прозрачны, что безъ побочныхъ явленій никогда не сдумѣли бы пробить себѣ дорогу. Главнымъ аргументомъ антисемитской пропаганды служилъ, какъ извѣстно, вопросъ о „страшномъ и прогрессивномъ“ возрастаніи еврейскаго населенія въ Германіи и объ опасностяхъ, угрожающихъ Германіи, въ виду пассивнаго ея отношенія къ этому незаконному явленію. Сочинили по этому поводу слово „Masseneinwanderung“ и пошли эксплуатировать его, елико оказалось возможнымъ. И чтожъ? На-дняхъ появился *официальный* статистическій отчетъ объ итогахъ переписи, произведенной по всей Германіи 1-го декабря 1880 года. Цифры, сообщаемыя этимъ отчетомъ, интересны во многихъ отношеніяхъ и приобрѣтаютъ еще больше значенія, если сравнить ихъ съ официальными же данными, по тому же предмету, помѣщенными въ „Журналъ королевско-прусскаго статистическаго бюро“ за 1874 г. (14-й годъ изданія, книжки 2-я и 3-я).

Между послѣднею переписью (1880 года) и тою, которая была произведена въ 1871 году, состоитъ промежутокъ ровно въ 9 лѣтъ. Съ того времени отношеніе еврейскаго населенія къ христіанскому возросло въ Пруссіи (здѣсь будетъ рѣчь только о послѣдней, такъ какъ агитація антисемитовъ происходила, главнымъ образомъ, въ Пруссіи) на 0,1 процента. Въ настоящее время это отношеніе составляетъ всего на всего 1,33 процента. Одна газета

авторитетныя центральныя власти осуждаютъ рѣшительнымъ образомъ пошлую дѣятельность антисемитовъ и признаютъ ее нахальною спекуляціею, которая въ цивилизованномъ государствѣ не можетъ быть терпима. Отчего правительство кн. Бисмарка избрало другую тактику—вопросъ, хотя и вполне выясненный въ послѣднее время, но стоящій въ сторонѣ отъ прямыхъ задачъ еврейскаго журнала. Впрочемъ, читатели „Восхода“ имѣли возможность познакомиться съ главными сторонами этого вопроса по отчетамъ и корреспонденціямъ, помѣщеннымъ въ прежнихъ книжкахъ.

А.

ПИСЬМА ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Извиняясь передъ читателями за долгій перерывъ въ литературныхъ нашихъ письмахъ, мы на будущее время постараемся быть болѣе аккуратными и давать ихъ по возможности въ каждой книжкѣ «Восхода». Въ настоящемъ письмѣ мы не будемъ останавливаться на антисемитскихъ памфлетахъ, а также брошюрахъ, гдѣ отражаются ихъ нападки, хотя эти своеобразныя литературныя произведенія до сихъ поръ еще не исчезаютъ съ книжнаго рынка. Мы перейдемъ къ другой, гораздо менѣе извѣстной и несравненно болѣе интересной отрасли литературы, а именно къ пословицамъ.

Пословица, по своему существу не ограничивается какими либо исключительными національными или же религіозными рамками. По внутреннему своему содержанію она космополитка. Вытекая изъ долговременнаго жизненнаго опыта, она коротко и ясно высказываетъ истину въ безобидной и не оскорбительной формѣ. Непосредственно затрогивая сферы нравственныхъ и социальныхъ отношеній, пословицы, въ силу содержащихся въ нихъ принциповъ и сужденій такъ называемой народной мудрости, составляютъ одинъ изъ важныхъ факторовъ въ народномъ характерѣ, нравахъ и общемъ состояніи культуры. У каждаго народа—у испанцевъ и французовъ, русскихъ и нѣмцевъ, англичанъ и евреевъ—свои пословицы.

Уже и въ библіи встрѣчаются пословицы, которыхъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, оказывается до 179. Несравненно большее ихъ число представляетъ талмудъ и сочиненія различныхъ раввиновъ. Пословицы эти, собранныя и частью переведенныя съ не-

обходимыми комментаріями Буксдорфомъ, Гартманомъ, Дукесомъ, Фирсталеиъ, Іоповичемъ, Цунцомъ и др. могли бы составить нѣсколько томовъ весьма почтеннаго формата. Недавно *Леопольдъ Фрейндъ* собралъ и перевелъ стихами до 700 пословицъ и поговорокъ, помѣщенныхъ въ различныя времена въ еврейскихъ писаніяхъ. Сборникъ этотъ озаглавленъ: «*Blüthen in den Gefilden Judas*» (Цвѣты на поляхъ Іудеи). Кромѣ того существуетъ множество общезвѣстныхъ еврейскихъ пословицъ, полныхъ остроумія и юмора, которыя до сихъ поръ живутъ въ устахъ народа.

Покойный секретарь гамбургской еврейской общины, Гаарблейхеръ, уже въ 1854 году, во «Всеобщей газетѣ еврейства», весьма остроумно объяснилъ многія изъ этихъ пословицъ. Весьма желательно, чтобы и остальные многочисленныя пословицы и поговорки, встрѣчающіяся въ еврейскихъ календаряхъ, ежегодникахъ и газетахъ, а также употребляемыя до сихъ поръ польскими евреями, были собраны свѣдущимъ человѣкомъ и такимъ образомъ спасены отъ забвенія.

Слѣдуетъ замѣтить также, что и каждый народъ, среди котораго жили евреи, сложилъ о *нихъ* большее или меньшее число пословицъ и поговорокъ. Понятно, что эти приговоры анонимнаго народнаго суда далеко не свободны отъ предразсудковъ, не отличаются особенно безпристрастнымъ и объективнымъ отношеніемъ къ предмету. Обычныя предразсудки и вражда могутъ воплощаться также и въ пословицѣ. Поэтому пословицамъ и поговоркамъ объ евреяхъ вообще нельзя приписывать большей достовѣрности, чѣмъ напр. пословицамъ, сложеннымъ во Франціи объ англичанахъ, или въ Германіи о французахъ.

Д-ръ *А. Іеллинекъ*, извѣстный талантливый проповѣдникъ еврейской общины въ Вѣнѣ, началъ собирать и комментировать не-еврейскія пословицы и поговорки о евреяхъ. Онъ обнародовалъ уже два выпуска своихъ трудовъ по этому предмету, озаглавленныхъ «Еврейское племя въ нееврейскихъ пословицахъ» (Вѣна, 1881, 1882). Для объясненія этого заголовка необходимо упомянуть, что незаконченный еще сборникъ нееврейскихъ пословицъ объ евреяхъ состоитъ въ связи съ изданнымъ д-ромъ Іеллинекомъ въ 1869 году—«Этюдомъ объ еврейскомъ племени». Въ сборникѣ пословицъ встрѣчаются зачастую ссылки на этотъ этюдъ. Вообще оба сочиненія написаны въ одномъ и томъ же духѣ. При этомъ

трудно было избѣгнуть горькихъ намековъ и замѣчаній по поводу современнаго антисемитскаго движенія. Трейчке, Штекеру, Истоци и разнымъ другимъ вождямъ антиеврейской лиги чтение „Нееврейскихъ пословицъ о евреяхъ“ могло бы оказаться очень поучительнымъ, но во всякомъ случаѣ не доставило бы особеннаго удовольствія. Что нѣкоторые намеки и шутливыя замѣчанія могли бы безъ ущерба быть выпущены изъ книги — это отрицать мы не считаемъ нужнымъ.

Но остановимся нѣсколько подробнѣе на сообщаемыхъ Теллиненомъ пословицахъ. Въ первомъ выпускѣ содержатся *дѣтъ* французскихъ, *три* польскихъ и нѣсколько нѣмецкихъ пословицъ о евреяхъ. Эти послѣднія далеко не такъ враждебны въ еврейскому племени какъ можно было бы заключить, судя по тому что происходитъ теперь въ Германіи. Одна изъ пословицъ „Juden und Edelleute halten zusammen“ (евреи и дворяне держатся вмѣстѣ) заявляетъ, что евреи точно также стоятъ другъ за друга какъ и дворяне. Вмѣстѣ съ тѣмъ она указываетъ, что между евреями и дворянствомъ существовали извѣстныя отношенія (стр. 30). Весьма характеристично сравненіе евреевъ съ женщинами, высказанное въ пословицѣ: «Jud und Weib sind ein Leib» (стр. 35). Дѣйствительно у женщины и у евреевъ много общихъ достоинствъ и недостатковъ: еврей представляетъ собою какъ бы воплощеніе женственности въ мужскомъ образѣ. Онъ добродушенъ какъ женщина, но можетъ быть также какъ она мстителемъ и несистематиченъ.

Второй выпускъ нееврейскихъ пословицъ о еврейскомъ племени начинается у Теллинека испанскими поговорками. Вообще по части пословицъ испанцы безспорно самый богатый народъ, такъ какъ у нихъ насчитывается отъ 25,000—30,000 пословицъ и поговорокъ, изъ нѣкоторыхъ многія заимствованы изъ Талмуда и Мидраха. Приведемъ для примѣра: «La mentira no tiene pies» (Ложь не имѣетъ ногъ). Это почти дословный переводъ талмудическаго положенія: *אין לו רגלים* Точно также «Matarás y matarte han, y matarán à quien te matara» (Убей только и тебя убьютъ и убьютъ того кто тебя убилъ), прямо напоминаетъ изреченіе мудраго Гиллеля (Абатъ 2, 6), *אמר ר' גלילאי אשכחתי אשכחתי ואתה אשכחתי*, о которомъ между прочимъ можно замѣтить, что это единственный извѣстный намъ гекзаметръ на еврейскомъ языкѣ. Вообще

въ испанскихъ пословицахъ, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ, восхваляются еврейскій умъ, еврейская красота, еврейская суббота, сердечный энтузіазмъ евреевъ и упоминается о пристрастіи ихъ къ играмъ въ карты и въ шахматы!

Послѣ испанскихъ пословицъ приведены мадьярскія, вообще не отличающіяся оригинальностью. «Zidó assonyon mindig fitieg valami» (на жидовкѣ всегда что нибудь навѣшено), оказывается еще одной изъ лучшихъ. Поговоркой этой мадьярская народная мудрость укоряетъ еврейскую женщину въ щегольствѣ и пристрастіи къ драгоценнымъ уборамъ и въ томъ, что на ней всегда виситъ что нибудь изъ золота или драгоценныхъ камней. Другая пословица: „Жидъ всегда остается жидомъ“ употребляемое не одними мадьярами имѣетъ для евреевъ не хвалебное, а укоризненное значеніе. Іеллинекъ приводитъ въ этомъ выпускѣ также нѣсколько народныхъ нѣмецкихъ пословицъ, а затѣмъ характеристичную для поляковъ поговорку: «Kiedy bieda to do żyda, a po biedzie za drzewi żydzie» (Въ нуждѣ къ жиду, а какъ нужда миновала—за двери жиды). Въ заключеніи помѣщена русская пословица: „Не тотъ жидъ кто еврей, а тотъ жидъ кто жидъ“. По словамъ Іеллинека, пословица эта дѣлаетъ честь неизвѣстному народному русскому автору и его добросовѣстности. Подобно тому какъ французы различаютъ israelite отъ juif, русскіе отличаютъ еврея отъ жиды. Еврей для русскаго—человѣкъ достойный уваженія, совершенно безупречный въ своей частной и общественной дѣятельности, въ своихъ сношеніяхъ съ русскими; жидомъ же является хитрецъ, который, независимо отъ еврейскаго своего происхожденія и вѣроисповѣданія, позволяетъ себѣ въ своей дѣятельности много такого, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано предъ судомъ строгой честности, къ сожалѣнію часто упускаемой изъ виду при различныхъ такъ называемыхъ коммерческихъ сдѣлкахъ*. Замѣчательно, что и еврейская письменность различаетъ между евреями два класса людей и даетъ имъ разныя наименованія. Она отличаетъ истинныхъ евреевъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ праведномъ, нравственномъ и человѣчномъ духѣ іудаизма, отъ тѣхъ, кто, „называ-

* Русская пословица имѣетъ въ данномъ случаѣ болѣе широкій смыслъ чѣмъ предполагаетъ д-ръ Іеллинекъ, такъ какъ подъ словомъ «жиды» въ ней подразумѣвается всякій, хотя бы и православный, дѣйствующій „какъ жидъ“.

Ред.

ясь евреями и соблюдая наружные обряды еврейства, преступаетъ строгія его узаконенія о правдѣ и справедливости, искренности и честности, человѣколюбіи и человѣчности“.

Читатели „Восхода“ могли бы остаться недовольными, еслибъ мы прошли молчаніемъ первую статью, въ первомъ выпускѣ „Не-еврейскихъ пословицъ“, озаглавленную „Великій Князь Константинъ и рабби Акиба“. Весьма естественно было бы задать вопросъ: какая связь можетъ быть между русскимъ великимъ княземъ и великимъ толковникомъ Талмуда, мученикомъ рабби Акибой? Иеллинекъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Когда Наполеонъ III стоялъ еще на высшей ступени своего могущества, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ бытность свою въ Парижѣ, часто посѣщалъ Тюльери. Однажды на блестящемъ вечерѣ въ императорскомъ дворцѣ Великій Князь долго бесѣдовалъ съ императрицей Евгеніей. Императрица обратилась къ высокому своему гостю съ вопросомъ: „Какая изъ присутствующихъ дамъ кажется ему самою красивою? Ваше Величество—отвѣчалъ Великій Князь—я знаю всего *одну* только красивую женщину—*мою жену*“. Этимъ отвѣтомъ Великій Князь явился рыцаремъ и спасителемъ рабби Акибы, который, какъ извѣстно былъ героемъ сердечнаго романа и выработалъ себѣ недостижимо высокій идеалъ супружеской жизни. Подъ вліяніемъ этого идеала онъ заявилъ однажды, что „можно развестись съ женой, если находишь женщину болѣе красивую“. Сравненіе кажется отчасти натянутымъ, но во всякомъ случаѣ какъ остроумное толкованіе оно не лишено нѣкотораго интереса.

Мы отвели сравнительно много мѣста обзору „пословицъ и поговорокъ“, а потому должны лишь вкратцѣ упомянуть о другомъ, также недавно лишь вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи Иеллинека: „Въ родительскомъ домѣ лорда Биконсфильда“ (Вѣна 1881). Въ этомъ сочиненіи приведены разговоры Исаака Дизраели съ сыномъ его Бенжаменомъ (впослѣдствіи лордомъ Биконсфильдомъ), котораго онъ, еще несовершеннолѣтнимъ, заставилъ принять христіанскую вѣру. Темой разговоровъ служили еврейство и еврейскій народъ, его исторія и судьбы, его значеніе въ прошедшемъ и въ настоящемъ и жетолкованія этого значенія. Впослѣдствіи Бенжаменъ подробнѣе разобралъ эту тему въ сочиненіи „The Genius of Judaism“ (Духъ еврейства), вышедшемъ въ свѣтъ въ

1833 году. Какъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ, Геллинекъ придаетъ преувеличенное значеніе дѣятельности покойнаго англійскаго премьера въ пользу еврейства и евреевъ.

„*Alexandria и Кордова*“—такъ озаглавлена популярно-научная бесѣда, прочитанная въ пражскомъ обществѣ развитія и распространенія научныхъ свѣдѣній объ еврействѣ мѣстнымъ раввиномъ и проповѣдникомъ *Морциомъ Тауберомъ*. Бесѣда эта вышла теперь въ Прагѣ отдѣльной брошюрой (1881). Александрія и Кордова представляютъ двѣ блестящихъ эпохи въ лѣтописяхъ еврейской культуры, между которыми имѣлось въ виду провести параллель. Между тѣмъ авторъ занялся главнымъ образомъ александрійской школой и главнымъ ея представителемъ—Филономъ, такъ что Кордовѣ, или лучше сказать—Маймониду, представителю испанско-еврейской культуры, отведены всего лишь двѣ странички.

Въ томъ же обществѣ *И. С. Блохъ* (раввинъ въ Флорисдорфѣ близъ Вѣны) читалъ лекцію о предшественникѣ Лессинга въ XVI столѣтіи, французскомъ государственномъ дѣятелѣ и профессорѣ юриспруденціи, Жанѣ Боденѣ (Франкфуртъ 1881). Авторъ обѣщаетъ напечатать обстоятельную монографію о Боденѣ, поэтому мы воздержимся отъ оцѣнокъ вышедшаго теперь въ свѣтъ труда, въ которомъ приведена лишь выдержка изъ религіозно-филосо夫скаго сочиненія Бодена „*Herba plomeros*“.

Въ заключеніи этого письма необходимо упомянуть о новомъ международномъ обзорѣни, — „*Auf der Hoeh*“ (На высотѣ) которое издаетъ Леопольдъ фонъ Захеръ-Мазохъ, извѣстный авторъ „Еврейскихъ разсказовъ“. Въ настоящее время вышло въ свѣтъ уже два нумера этого журнала (Лейпцигъ 1881), заслуживающаго вниманія и упоминанія въ „*Восходѣ*“, не только ради того что Захеръ-Мазохъ (про котораго ошибочно утверждаютъ будто онъ выросъ изъ евреевъ) помѣстилъ въ немъ разсказъ — „Еврейскій Рафаэль“, но также и потому, что въ числѣ главныхъ сотрудниковъ, состоятъ многіе изъ выдающихся писателей-евреевъ, какъ напр. Брашъ, Штейнъ, Филипсонъ и др. Притомъ же этотъ журналъ обѣщаетъ энергически выступать противъ антисемитскаго движенія нашего времени.

Д-ръ М. Кайзерлингъ.

Буда-Пештъ, ноябрь 1881 г.

СКРОМНОЕ ТОРЖЕСТВО.

Насъ собралось человѣкъ пятьдесятъ въ небольшой залѣ, за весьма скромнымъ, чуть ли не совершенно обыкновеннымъ еврейскимъ обѣдомъ и—мы праздновали двадцатипятилѣтній юбилей—обратите вниманіе—*еврейскаго писателя!*

На сколько намъ извѣстно, въ еврейско-русскомъ мірѣ такое торжество имѣетъ мѣсто въ первый разъ. Кто привыкъ нѣсколько вдумываться въ тѣ или другія явленія нашей жизни, а не безучастно проходить мимо нихъ, тому невольно это, происходящее впервые публичное чествованіе еврейскаго писателя должно было показаться въ нѣкоторомъ родѣ знаменательнымъ. Почему именно въ настоящее, столь трудное, столь мрачное для русскихъ евреевъ время, когда, по выраженію поэта,

Не видно солнца ни откуда,

устраируютъ празднества древне-еврейской литературы, питающей тотъ якобы вредоносный еврейскій духъ, противъ котораго у насъ нынѣ вооружились всѣ отъ мала до велика и съ такою яростью, съ такимъ остервененіемъ, что въ своемъ ослѣпленіи не щадятъ даже и своей собственной священной книги книгъ—своего собственнаго Священнаго Писанія—Библии? И почему именно такого чествованія первый удостоился Левъ Осиповичъ Гордонъ?—Вотъ вопросы, которые невольно должны были возродиться въ умѣ тѣхъ, кто интересуется подобными явленіями нашей жизни. Не знаю какъ это, но мы сами шли на это торжество, какъ на настоящій, какъ будто нашъ личный, такъ сказать семейный, и въ тоже время общенародный, праздникъ. При всемъ личномъ нерасположеніи нашемъ ко всякаго рода публичнымъ тор-

жествамъ, которыя очень рѣдко пронизаны искреннимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, а въ большинствѣ случаевъ устраиваются *по обязанности* и имѣютъ характеръ дѣланности, искусственности, и въ которыхъ принимаютъ участіе лишь «rag concenance» — мы въ данномъ случаѣ чувствовали себя пронизанными какимъ-то теплымъ, согрѣвающимъ чувствомъ. Откровенно говоря, мы сначала и не могли бы себя отдать яснаго отчета, почему именно это торжество дѣйствуетъ на насъ такимъ, такъ сказать, умилительнымъ образомъ. Одно только мы ясно чувствовали, что это торжество потому именно пріобрѣтаетъ для насъ такое значеніе, что оно устраивается въ самый повидимому неудобный моментъ — по отношенію къ мрачному настроенію всего русскаго еврейства — и для человѣка, который своею дѣятельностью навлекъ на себя незаслуженную вражду, много потерялъ и чуть-ли не совершенно погибъ въ своей борьбѣ противъ тьмы, мракобѣсія и ханжества. Въ смыслѣ общеврейскомъ мы сознавали, что наше скромное собраніе послужить намъ мѣстомъ, гдѣ можно будетъ, такъ сказать, отвести душу, послѣ всѣхъ тѣхъ ежедневныхъ одуряющихъ мерзостей, которыя приходится читать и слышать изъ разныхъ сферъ, печатныхъ и непечатныхъ, высшихъ и низшихъ, общественныхъ и необщественныхъ. Въ смыслѣ спеціальному, по отношенію къ личности Льва Осиповича, мы видѣли въ этомъ торжествѣ удовлетвореніе чувствъ правды и справедливости. Самое торжество, все его теченіе и сопровождавшее его общее задушевное настроеніе собравшихся лицъ изъ всѣхъ слоевъ здѣшняго еврейскаго общества, привѣтственные рѣчи, адреса и телеграммы, еще болѣе рельефно выяснили то, что прежде чувствовалось нами какъ бы бессознательно, — и мы поэтому съ удовольствіемъ останавливаемся на подробностяхъ этого истиннаго праздника еврейской литературы.

Приблизительно около 6¹/₂ ч. вечера мы сѣли за столъ, и лишь къ 10-ти часамъ подали десертъ. Но обѣдъ длился такъ долго не вслѣдствіе множества блюдъ — ихъ всего было пять — и не вслѣдствіе громаднаго количества выпитаго вина — всего было откупорено около 30 бутылокъ, и то добрая половина ихъ осталось не допитою. Онъ длился не потому,

что присутствующіе отдавали особенную честь кулинарному искусству или слишкомъ усердно жертвовали Бахусу, а потому именно, что мало было обращено вниманія какъ на то, такъ и на другое. Всѣ были заняты исключительно внутреннимъ содержаніемъ торжества, его духовнымъ значеніемъ. Едва успѣли подать супъ, какъ со всѣхъ сторонъ стали раздаваться требованія рѣчей, тостовъ, привѣтствій. И вотъ молодой талантливый поэтъ С. Г. Фругъ прочелъ своему старшему товарищу слѣдующее стихотвореніе:

Могучая лира досталась тебѣ,
И льются могучіе звуки...
Въ нихъ слышенъ укоръ и проклятье судьбъ
За все, что погублено въ долгой брѣбѣ,
За всѣ пережитыя муки.

Задвнешь угадкой одну лишь струну,
И разомъ всѣ боли проснутся,
И всѣ наши стоны, всѣ вопли въ одну
Могучую пѣсню сольются...

О, сколько въ ней мощи и силы живой,
И сколько чарующей власти!...
Поешь ты,—и образы жизни былой
Въ тревожную душу тѣснятся толпой
И грудь разрываютъ на части!...

Ты чудною лирой своей воскресилъ
Для насъ наши пѣсни родныя,—
Изъ мрачныхъ развалинъ, изъ темныхъ могилъ
Вновь слышимъ мы звуки живые...

Жива наша пѣсня!.. И радость, и свѣтъ
Льетъ въ грудь нашу каждое слово!
И дороги намъ твои пѣсни, поэтъ:
Въ тѣхъ пѣсняхъ вѣдь все, что средь горя и бѣды,
Осталось у насъ отъ былого...

Такъ дай же намъ чудныя пѣсни твои,
Дай слышать родныя намъ звуки!...
Проснутся надежды въ разбитой груди,
Окрѣпнуть безсильныя руки,

И—время придетъ—загорится заря
 Надъ нашею долею бѣдной, —
 И станетъ унылая пѣсня твоя
 Торжественной пѣсней побѣдной!...

Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ юбиляру на древне-еврейскомъ языкѣ отъ имени любителей еврейской литературы, и другой, также на древне-еврейскомъ языкѣ, отъ имени студентовъ института путей сообщенія. Тутъ-же былъ прочитанъ присланный г. Ольшвангеромъ стихотворный акrostихъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Изъ множества поздравительныхъ телеграммъ, полученныхъ юбиляромъ изъ разныхъ концовъ Россіи и за-границы, особенно сильное впечатлѣніе произвела телеграмма, полученная изъ Вильны. Вотъ текстъ ея:

„Въ двадцати-пяти-лѣтнюю годовщину Вашего блестящаго и благотворнаго служенія во храмѣ нашей народной музы, не дряхлѣющей отъ времени и не унывающей отъ невзгодъ, считаемъ священнымъ и пріятнымъ долгомъ привѣтствовать Васъ, дорогой Левъ Осиповичъ, искреннимъ пожеланіемъ, дабы вы еще долго, долго работали въ нашемъ народномъ вертоградѣ на радость, утѣшеніе и поученіе отцовъ и дѣтей, дабы Ваши сладкозвучныя пѣсни, плодъ высокихъ думъ Вашихъ, свидѣтельствовали передъ дальними и близкими, что Израиль не вдовствуетъ, что, съ посохомъ въ одной рукѣ, лирою въ другой и печатью высокой миссіи на челѣ, онъ мужественно шествуетъ впередъ къ своей высокой и благодарной цѣли“.

Подписали: *Л. Леванда, раввинъ докторъ А. Гордонъ, А. Лебенсонъ, А. Воль, Самуилъ Финнъ, О. Штейнбергъ, Г. Герштейнъ, А. Сыркинъ, С. Валерштейнъ, С. Мееровичъ, М. Полякъ, И. Авербахъ.*

По прочтеніи привѣтственныхъ телеграммъ, были вручены А. А. Кауфманомъ юбиляру, отъ имени почитателей его таланта, изящное золотое перо съ изображеніемъ лиры и надписью: „Л. О. Гордону отъ почитателей поэта, 1856—1881“, и серебряный кубокъ прекрасной работы съ ручкой, изображающею собою серебрянную лиру, и съ слѣдующею надписью: *לחמלין ומשורר יחודך ליב גארדאן למלאת חזי ויבל*

לבכורי שירתו יה' השון הרמ"ב אזכרתה ממכבדיו חובבי שפה עבר.
 (Писателю и пѣвцу Іегудѣ-Лейбу Гордону, въ двадцати-пяти-
 лѣтію его творческой дѣятельности, въ память отъ его по-
 читателей, друзей еврейскаго языка). На другой сторонѣ куб-
 ва изображена развернутая книга и награвировано заглавіе
 перваго произведенія поэта: קור ומיכל.

Послѣ этого г. Штейнбергъ прочелъ слѣдующее, пе-
 реведенное имъ стихотвореніе юбиляра:

Для кого?...

Вновь чувствую музы моей появленье,
 Волнуетъ опять мою кровь вдохновенье,—
 И на языкѣ позабытомъ пою.
 Зачѣмъ? для кого? что за цѣль, за желанье?
 И чье привлекутъ мои пѣсни вниманье?
 Кому я досугъ и покой отдаю?

Отцы наши, вѣчно бесѣдуя съ Богомъ,
 Проводятъ всѣ дни въ благочестіи строгомъ;
 Имъ чужды искусства, поэзія, свѣтъ.
 Въ слѣпомъ фанатизмѣ кричатъ они хоромъ:
 „Въ искусствѣ, въ поэзіи—гибель! Позоромъ
 „Клеймите поэта:—отступникъ поэтъ!“

А братья... Предавшись познаньямъ, наукѣ,
 Съ народомъ своимъ вы давно ужъ въ разлукѣ,
 Давно ужъ забыли вы старую мать!
 Вашъ лозунгъ: „оставьте языкъ залѣснѣлый,
 „Въ немъ свѣжести нѣтъ, выраженія не смѣлы:
 „Языкъ той страны, гдѣ живешь, надо знать“.

А сестры, а дщери Сіона... Привѣта
 Не встрѣчу-ль у васъ для родного поэта?
 На васъ Богъ излилъ вѣдь все благо свое:
 Вы сердцемъ доступны всему, что прекрасно.
 Но чуждъ вамъ языкъ мой;—учить васъ опасно:
 „Кто дочь свою учитъ, тотъ губить ее“!...

А дѣти, что нынѣ растутъ поколѣнья...
 Тѣ предали насъ ужъ съ пеленокъ забвенью.
 О нихъ мое сердце и мысли скорбятъ!
 Все дальше, впередъ все идутъ они смѣло;
 Не знаетъ никто ихъ стремленьямъ предѣла.
 И Богъ знаетъ, есть-ли оттуда возвратъ...

Кому же я строки свои посвящаю?
 Не тѣмъ-ли немногимъ я ихъ назначаю,
 Кому еще милы Сіона слова,
 Кому еще милы Сіона напѣвы?
 Увы, одинокіе! сколько васъ, гдѣ вы?—
 На городъ, на царство одинъ или два!

Но сколько-бъ васъ ни было, гдѣ-бъ вы ни жили.
 Что къ слову Сіона любовь сохранили,
 Привѣтъ мой примите и братомъ меня
 Своимъ называйте. Пусть выльютъ всецѣло,
 Вамъ пѣсни мои, что въ душѣ накопило
 И какъ мое сердце изсохло скорбя.

Вамъ въ жертву я сердце несу, возліянемъ
 Пусть будутъ вамъ слезы мои. Я рыданьемъ
 На вашей груди облекусь отъ тревогъ.
 При мысли въ груди не могу сдержатъ стона,
 Что, можетъ, послѣдній пѣвецъ я Сіона,
 Послѣдніе вы, кто-бъ читать меня могъ...

Глубоко тронутый юбиляръ скромно приписалъ эти оваціи не своимъ личнымъ заслугамъ, а возродившимся въ народѣ любви и влеченію къ еврейскому языку. Подѣлившись, затѣмъ, съ слушателями нѣсколькими очень интересными моментами изъ своей творческой дѣятельности, юбиляръ прочелъ два своихъ стихотворенія. Въ первомъ изъ нихъ, на древне-еврейскомъ языкѣ, поэтъ, по поводу выразившагося и на обѣдѣ единенія между старымъ и новымъ поколѣніемъ, воспѣваетъ это единеніе. Каждый куплетъ кончается библейскимъ стихомъ „בְּנֵי יִשְׂרָאֵל וּבְנֵי נִכְרִי יִשְׂרָאֵל“ (Со стариками и съ молодежью мы пойдёмъ). Вотъ это стихотвореніе въ приблизительномъ, помѣщенномъ въ „Разсвѣтъ“, переводѣ С. Г. Фруга, подъ заглавіемъ:

„И старь, и младь“.

Всегда, и въ радости, и въ горѣ,
 Въ скитаньяхъ средь чужой земли,
 Сплотившись всѣ въ союзъ вѣчномъ,
 И старь, и младь—мы дружно шли...

* * *

Мы межъ собой порой враждуемъ,
И мстить одинъ другому радъ,
Но лишь раздастся гласъ Господній,—
Грядемъ мы дружно—старъ и младъ.

* *

.....
.....
.....
.....

* *

Единый Богъ, одно ученье,
Одинъ языкъ... и живъ народъ!...
И въ этомъ тройственномъ союзѣ
И старъ, и младъ грядемъ впередъ.

* *

Когда гроза виситъ надъ нами,
Мы, какъ овечки подъ дождемъ,
Другъ къ другу плотно прижмаясь,
И старъ, и младъ впередъ идемъ...

* *

Реветь гроза... катятся громы...
Но не погибнетъ мой народъ!..
Онъ слышитъ въ бурѣ гласъ призывный:
„—И старъ, и младъ—впередъ, впередъ!..“

* *

Не разорвемъ-же мы союза!..
До лучшихъ дней мы доживемъ
И въ путь къ грядущему спасенью
И старъ, и младъ дружнѣй поидемъ!..

Второе стихотвореніе написано на жаргонѣ и составляетъ нѣчто въ родѣ посвященія. Содержаніе его сходно съ слѣдующимъ стихотвореніемъ Л. О. Гордона, появившимся въ III. т. „Еврейской Библіотеки“ въ переводѣ извѣстнаго поэта Д. Д. Минаева, подъ заглавіемъ:

БРАТЬЯМЪ.

Наши братья и сестры гонимые,
Дѣти горя, нужды и хулы,
Безконечной работой томимые,
Какъ ярмомъ непосильнымъ волеы.

Вы, что свѣдѣлись съ зимой и морозами -
Коробейникъ измученный нашъ,

И работникъ, живущій извозами,
И послѣдній на рынкѣ торгашъ,

И корчмарь, предъ публикою праздною
Вѣкъ ходящій съ согнутой спиной,
И еврейка за стойкою грязною
Торговавшая въ холодъ и зной;

И шинкарка, работой убитая,
Что торгуешь до старости лѣтъ,
Чтобъ копейка, слезами облитая,
Ей дала теплый уголь и свѣтъ,—

Вы, которыхъ темно настоящее,
А въ грядущемъ — гоненье и стыдъ,
Вы, предъ собственной тѣнью дрожащіе
Отъ презрѣнья и общихъ обидъ,

Вы въ заботахъ всю жизнь изнываете,
Безприютные въ каждомъ краю,
И сегодня навѣрно не знаете,
Чѣмъ накормите завтра семью.

И вотъ вамъ, мои братья несчастные,
Вамъ, встрѣчающимъ вмѣсто любви
Оскорбленья одни ежечасныя,
Посвящаю я пѣсни мои.

Если, кончивъ работу суровую,
Вы дождетесь субботняго дня
И въ одежду одѣнетесь новую,
Свой досугъ, какъ святыню цѣня,

Если часъ вы свободный улучите,
Чтобъ читать меня въ близкомъ кругу,
И хоть мигъ наслажденья получите,
Я назваться счастливецемъ могу.

Послѣ этихъ такъ сказать поэтическихъ и лирическихъ прелюдій, г. Рабиновичъ, на нѣмецкомъ, и г. Канторъ, на русскомъ языкѣ, говорили о значеніи еврейской литературы вообще и литературной дѣятельности Л. О. Гордона въ частности. Передаемъ здѣсь содержаніе этихъ рѣчей въ томъ

видѣ, въ какомъ онѣ вслѣдъ за симъ появились въ № 45 „Русскаго Еврея“.

Вотъ какъ послѣдній передаетъ рѣчь г. Рабиновича:

„Милостивые Государи! Мы собрались отпраздновать юбилей человѣка, двадцати-пяти-лѣтняя духовная дѣятельность котораго не только стала общимъ достояніемъ нашего поколѣнія, но и будетъ всегда достояніемъ послѣдующихъ поколѣній. Продукты духовной дѣятельности нашего юбиляра будутъ вѣчнымъ фондомъ въ сокровищницѣ нашей національной литературы. Если литература—только одно изъ драгоцѣннѣйшихъ національныхъ сокровищъ всякаго народа, то еврейская литература для нашего народа—*единственное* національное сокровище. Если народъ нашъ далеко отсталъ въ политическомъ отношеніи отъ всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то онъ, въ литературномъ отношеніи, занимаетъ между ними выдающееся мѣсто.

Все матеріальное въ мірѣ преходяще. Ничто подъ луною не вѣчно; не только индивидуумамъ удѣлено короткое время существованія, но и продолжительность жизни иныхъ народовъ, измѣренное историческимъ масштабомъ, является ничтожнымъ промежуткомъ времени. Многіе народы гордятся обширностью обитаемой ими страны, численностью населенія, силою ихъ физической мощи; но земля, люди и націи такъ же непрочны, какъ отдѣльный домъ и его немногіе обитатели. Могучія силы природы сдѣлали цѣлыя страны жертвою наводненія и землетрясенія: похоронили ихъ подъ потоками лавы, подъ слоями песку и пеплу и превратили ихъ въ бесплодныя пустыни, такъ что теперь изслѣдователямъ старины съ трудомъ удастся опредѣлять ихъ прежнее положеніе, границы. Населенія пожираются чумою, заразой, войной; нѣкогда сильные народы настолько ослабѣли вслѣдствіе вырожденія, что теперь считаются безсильными и немощными; намъ не найти теперь ни одного прямого потомка нѣкогда могучихъ египтянъ, ассиріянь и вавилонянъ; о географическомъ положеніи Сузы и Кароагена и теперь еще много спорятъ; но единичные гравированные глиняные цилиндры, отдѣльныя надписи на каменныхъ плитахъ, немногія папирусовые свитки, словомъ, нѣкоторые остатки ихъ литературы дошли до насъ и ихъ существованіе теперь обезпечено на вѣки.

Если вѣчность литературы вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію, то особенно неоспорима и наглядна вѣчность нашей національной литературы. Если языкъ для каждаго индивидуума—одно изъ необходимѣйшихъ условій его нравственной сущности, то онъ для націи—*сама жизнь*.

מתן והיים כד לשון (смерть и жизнь во власти языка), — въ *полномъ* своемъ значеніи приѣмимъ только къ націи. Нація можетъ существовать безъ своей земли, безъ самостоятельной политики, но не можетъ жить безъ особаго языка и особой литературы. Наше первоначальнаго отечества мы лишились 17 вѣковъ тому назадъ; вмѣстѣ съ нимъ потеряли мы свою политику; и все же наша нація существуетъ непоколебимо, какъ выдающійся утесъ среди морскихъ валовъ; въ бурныя минуты волны могутъ заливать его вершину, но никогда не могутъ его смыть. Наши враги несмѣтное число разъ разграбляли наше имущество; они тысячи разъ лили потоками кровь нашу; но духовныхъ сокровищъ нашихъ, нашей литературы они, при всей своей злой волѣ, не могли у насъ отнять. Мало того, нѣтъ ни единой литературы у современныхъ цивилизованныхъ народовъ, которая не черпала бы многого изъ нашей литературы. Наши псалмы поются на сотняхъ языковъ и тысячахъ нарѣчій сотнями народовъ при всякомъ радостномъ и печальномъ событіи. Книга книгъ, біблія, есть и пребудетъ нашей національно-литературной собственностью, которую никто не смѣетъ оспаривать у насъ, и которая, слѣдовательно, никогда не можетъ быть отнята. Да, было время, и даже очень продолжительное, тянувшееся много столѣтій, — въ средніе вѣка, — въ этомъ мрачномъ, глубокомъ ущельѣ время, среди высокой культуры древности и высоконаучнымъ образованіемъ современности, — наша литература была единственнымъ мостомъ, смѣло перекинувшимся черезъ эту зияющую пропасть невѣдѣнія. Въ признаніи этой исторической истины единогласно сходятся всѣ историки культуры. Не въ одной странѣ и не разъ ограничивали и даже отнимали наши экономическія права, но никто не могъ и не можетъ отнять или ограничить наше право мыслить. Вандалы всѣхъ временъ и народовъ, въ ихъ разрушительной манѣи и черствомъ эгоизмѣ, причиняли и причиняютъ намъ величайшій матеріальный вредъ: — *духовно* мы неприкосновенны во вѣки вѣковъ. Не чужіе враги, слѣдовательно, опасны нашему духу, но враги *свои*, собственные, изъ нашей среды, — наши индифферентисты. Но и они со временемъ все болѣе и болѣе вступаютъ на истинный путь, и, къ нашей искренней радости, ряды ихъ все болѣе рѣдѣютъ.

Двадцати-пяти-лѣтняя духовная дѣятельность нашего юбиляра много способствовала тому, чтобы сблизить нашу молодежь съ нашей литературой. Продукты его творчества слишкомъ велики, чтобы быть въ подробностяхъ рассмотрѣнными въ застольномъ спичѣ. Для этого надо написать цѣлую книгу. Но нѣтъ нужды распространяться здѣсь объ этомъ. Самый сочувственный сочиненіемъ Гордона приговоръ уже давно произнесенъ. Я же съ своей

стороны могу вообще констатировать, что всѣ творенія нашего почтеннаго юбиляра оригинальны, не страдая жестокостью и вычурностью, обыкновенно присущими оригинальности. Они такъ же содержательны, какъ глубоко-мысленны, такъ же изящны, какъ сильны; они обладаютъ поразительнымъ разнообразіемъ формъ, отъ античныхъ до современныхъ, но въ высшей степени мягкихъ переходахъ, и всѣ формы, безъ исключенія, милы сами по себѣ. Я твердо увѣренъ, что они для многихъ поколѣній будутъ образцомъ стилистики. Словомъ, они останутся классическими.

Высокопочтенный юбиляръ! Я надѣюсь встрѣтить здѣсь общее сочувствіе, если выскажу слѣдующее мое искреннее пожеланіе: въ истекшее двадцати-пяти-лѣтіе вы сдѣлали очень и очень многое для нашей литературы, а слѣдовательно, для нашего народа; пусть же сохранить Господь Ваши силы надолго, чтобы Вы могли и въ два послѣдующихъ двадцати-пяти-лѣтія Вашей дѣятельности съ тою же силою и тою же любовью работать на славу и пользу нашей литературы...

А вотъ, по тексту „Русскаго Еврея“, - слова г. Кантора:

«Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, — началъ ораторъ — была напечатана первая поэма нашего юбиляра «רוך ומיכל»; но этимъ еще мало сказано, и не въ этомъ суть нашего праздника; значеніе его въ томъ, что все время между появленіемъ «רוך ומיכל» и настоящимъ днемъ было занято непрерывной творческой работой поэта, работой, которая шла и развивалась вмѣстѣ съ ходомъ и развитіемъ еврейской народной жизни за этотъ періодъ времени. Появленіе поэмы «רוך ומיכל», идеализирующей увлеченіе двухъ влюбленныхъ сердецъ, совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ исторической жизни русскаго еврейства, который можно назвать «періодомъ увлеченія», благороднаго и страстнаго увлеченія идеєю образованія; когда еврейство, какъ влюбленный, мечтало о томъ, что, съ обладаніемъ этимъ идеаломъ, наступитъ полное безмятежное счастье. Но прошелъ этотъ періодъ золотыхъ мечтъ и розовыхъ надеждъ. У человѣка въ подобныхъ случаяхъ увлеченія и мечты начинаютъ разсѣваться; начинается періодъ холодной прозы, иногда пошлой обыденности, мелкой и надоедливой толкотни повседневной жизни. Тутъ возникаютъ горькія и тяжелыя сомнѣнія; настаетъ пора безутѣшнаго скептицизма. Человѣкъ, подъ влияніемъ мучительныхъ сомнѣній и невзгодъ, начинаетъ сомнѣваться въ цѣли и смыслѣ своего существованія. Тоже самое случилось съ нашимъ народомъ, который за эпохой увлеченія сталъ переживать время горькихъ разочарованій, повѣдшихъ къ страшному, ледяному индифферентизму. Дошло до того, что

мы стали сомнѣваться въ своемъ существованіи. Но, дорогіе друзья, когда та же мысль пришла въ голову знаменитому философу, когда онъ сталъ искать доказательствъ своего существованія, то остановился на тезисѣ: cogito—ergo sum: я мыслю, стало быть я существую. Итакъ, господа, если индивидуально существованіе доказывается фактомъ мышленія, то съ тѣмъ болѣе правомъ можемъ мы доказывать существованіе націи фактомъ существованія литературы, ибо литература есть мысль націи, ея жизненный нервъ. Не умерла народность, которая выводитъ изъ среды себя поэтовъ, подобныхъ вашему юбиляру; не умеръ языкъ, на которомъ пишутся שוריי יהודה, עולם כסנהנו, אהכה ריד ימיכל. Да, мы имѣемъ языкъ, мы имѣемъ литературу; стало быть, мы живемъ. Да, господа, мы живемъ, но какъ мы живемъ? На это отчасти отвѣчаетъ послѣднее произведеніе нашего юбиляра היבשות (сухія кости). Господа, нашъ индифферентизмъ довелъ насъ до того, что мы болѣе похожи на коллекцію сухихъ костей, отдѣльныхъ членовъ, чѣмъ на живой организмъ, реагирующій въ своемъ цѣломъ при воздѣйствіи на одну его часть. Но, господа, вамъ извѣстно изрѣченіе талмуда: ברא הרב"ה וצר הרע, ברא לו תורה חבלין. (Создалъ Богъ злой геній, создалъ ему науку, какъ противоядіе). Мы заражены непростительнымъ индифферентизмомъ; но мы обладаемъ и противоядіемъ противъ этого зла—литературой. Въ литературѣ источникъ нашего объединеннаго стремленія къ самоусовершенствованію и возрожденію. Итакъ, закончилъ ораторъ, подыметъ бокалы за процвѣтаніе еврейской литературы, которая есть дыханіе нашей жизни, и за того славнаго писателя ея, котораго мы сегодня чествуемъ».

Послѣ этого г. Винштокъ обязательно принялъ на себя прочесть слѣдующую, набросанную А. Е. Ландау, характеристику практической дѣятельности юбиляра:

„Предоставляя оцѣнку поэтическаго таланта почтеннаго юбиляра и его заслугъ на поприщѣ еврейской литературы лицамъ, болѣе насъ въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ, мы не можемъ не остановиться на другой сторонѣ дѣятельности Льва Осиповича, которая столько же тиха и скромна, но столько же почтенна и столь же почти продолжительна, какъ и литературная его дѣятельность. Мы говоримъ о заслугахъ Л. О. на практическомъ поприщѣ педагога и общественнаго дѣятеля.

„Это было въ 1858 году, когда мы впервые познакоми-

лись—т. е. когда я впервые увидѣлъ г. Гордона.—О *знакомствѣ* тогда не могло быть и рѣчи—я тогда только что пріѣхалъ въ Вильно *учиться*, а онъ уже отправлялся *учить* другихъ. Слава замѣчательнаго поэта уже тогда повсюду слѣдовала за нимъ. Онъ отправлялся занимать болѣе чѣмъ скромный постъ учителя тогдашняго еврейскаго первообразнаго училища, кажется въ Поневѣжѣ или Шавли или т. п. Krähwinkel, и съ жалованьемъ въ цѣлыхъ—225 р. въ годъ!! Съ тѣхъ поръ, съ перваго вступленія Л. О. на этотъ постъ, онъ является не только типомъ, но и прототипомъ борца за возрожденіе русскаго еврейства, гдѣ и когда онъ только могъ. Будучи учителемъ въ то время, когда евреи и руками и ногами отворачивались отъ еврейскихъ училищъ, онъ добромъ и силою, приманками и угрозами, всевозможною уступчивостью и непоколебимою твердостью, старался привлекать и заставлять еврейскихъ родителей обучать своихъ дѣтей, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ учительствовалъ, еврейскія училища процвѣтали и количественно и качественно. Кто знаетъ тогдашнее умственное состояніе литовскихъ захолустьевъ, тотъ пойметъ, какою неимовѣрною энергіей надо было обладать, чтобы достичь подобныхъ результатовъ. Но энергія Л. О. распространялась не на одно его педагогическое поприще. Въ своемъ учительскомъ званіи онъ видѣлъ гораздо больше, чѣмъ оно въ себѣ заключало. Онъ видѣлъ въ немъ для себя обязанность стоять на стражѣ просвѣщенія еврейскаго юношества и содѣйствовать ему всюду и всѣми своими силами. Кому нужна была матеріальная поддержка, кто нуждался въ нравственной защитѣ противъ обскурантизма—тотъ ее находилъ у Л. О. Словомъ, Л. О. не ограничивался своею литературною—въ глубинѣ и корнѣ своемъ—реформаторскою дѣятельностью—онъ эту дѣятельность всѣми зависящими отъ него средствами осуществлялъ и въ практической жизни. Едва ли слѣдуетъ упомянуть о томъ, что не лавры, а терніи пріобрѣлъ Л. О. въ томъ кругу, гдѣ ему пришлось жить и дѣйствовать. Двѣ, три сочувственныхъ, но робкихъ души и цѣлый сонмъ враговъ и ненавистниковъ-фанатиковъ и обскурантовъ—вотъ что было удѣломъ Л. О. И тѣмъ не менѣе, когда интересы

этихъ враговъ и ненавистниковъ подвергались опасности извнѣ—кто являлся энергическимъ защитникомъ и ходатаемъ? опять таки тотъ же Л. О.

„Намъ кажется, что 15 слишкомъ лѣтъ подобной непрерывной, мелочной, правда, но тѣмъ болѣе тягостной борьбы, которая въ состоянн сломить хоть какую угодно энергію, но при которой однако литературный талантъ Л. О. не только не ослабѣвалъ, но все болѣе и болѣе росъ, врѣпъ и развивался,—борьбы внутри и извнѣ, — заслуживаютъ того, чтобы и объ этомъ было здѣсь сегодня упомянуто.

„Измѣнилась нѣсколько декорація—и вмѣсто литовскаго захолустья Л. О. очутился въ великомъ Петроградѣ. Поприще болѣе широкое, болѣе достойное его ума, таланта и энергіи, открылось для его дѣятельности. Онъ сдѣлался секретаремъ двухъ тѣхъ учреждений, на которыя русское еврейство должно было обращать свои взоры. Л. О., не смотря на свои уже пожилые годы, съ пыломъ юноши бросился въ пучину кипучей дѣятельности. 'Бладица, синагоги, городская дума, кабинеты общественныхъ дѣятелей и администраторовъ, типографіи, редакціи—вездѣ и повсюду вы могли видѣть Гордона хлопочущимъ о какомъ нибудь еврейскомъ дѣлѣ, о какомъ нибудь еврейскомъ учрежденн. Частная и официальная переписка, проекты, планы, записки, отчеты, переводъ библіи, корректуры „Мировозрѣнн талмудистовъ“ и, *entre autres*, великолѣпныя поэмы, живьемъ выхваченныя изъ еврейской жизни, и рядомъ съ ними статьи въ защиту своихъ единовѣрцевъ отъ клеветъ разныхъ газетныхъ и журнальныхъ злоловъ — все это въ одно и то же время было дѣломъ рукъ одного и того же человѣка, одного и того же Л. О. Гордона.

„И дѣятельность эта начала приносить свои плоды. Организація здѣшней общины стала принимать осязательныя, болѣе соответствующія современнымъ требованіямъ, формы. Въ обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями стали обнаруживаться признаки жизни. Но борьба и здѣсь не миновала его, и онъ встрѣтился здѣсь не только съ своими старыми знакомыми—фанатизмомъ и обскурантизмомъ, но и съ новыми, еще болѣе опасными противниками, въ образѣ индеферентизма, апатн и ханжества. И чѣмъ осязательнѣе

обнаруживался успѣхъ дѣятельности Л. О., тѣмъ тѣснѣе смыкался строй его враговъ... Послѣдовалъ извѣстный вамъ всѣмъ печальный эпизодъ въ жизни Л. О., неожиданно-негадаено прекратившій эту кипучую и благотворную дѣятельность. Судьба, однако, вернула Л. О. въ Петербургъ, и у тѣхъ самыхъ людей, отъ которыхъ онъ ждалъ слова утѣшенія, ободренія и сочувствія, онъ встрѣтилъ лишь гнусное злорадство и безсмысленную злобу, которая, по всѣмъ признавамъ, и до сихъ поръ еще не утихла. Эта неслыханная черная неблагодарность ложится тяжелымъ пятномъ на тѣ два учрежденія, для которыхъ Л. О. работалъ съ неустанною энергій и безавѣтною преданностью.

„И вотъ почему для всѣхъ тѣхъ, „въ комъ чувство чести не остыло“, было священною обязанностью устроить сегодняшнее торжество, не смотря на то, что время, которое мы теперь переживаемъ, не особенно ему благопріятствуетъ. Пусть же этотъ скромный праздникъ послужитъ намъ освѣжающимъ включемъ въ печальной пустынѣ нашего современнаго пилигримства, пусть онъ укрѣпитъ въ насъ сознаніе, что никакія несчастныя обстоятельства не въ состояніи разрушить нравственную мощь еврейскаго духа, юбилей одного изъ лучшихъ представителей котораго мы сегодня празднуемъ.

„Ахрисъ симха-туго“! (послѣ радости — грусть) — такъ называется одно изъ произведеній чествуемаго нами сегодня поэта. Пусть этотъ сегодняшній праздникъ послужитъ дополненіемъ къ этому заглавію, пусть онъ послужитъ осуществленіемъ прекраснаго стиха другаго народнаго поэта:

За благомъ вслѣдъ идутъ печали,
Печаль же—радости залогъ!...»

Затѣмъ довольно подробно говорили еще гг. Гетцъ, Цедербаумъ и Каценельсонъ. Первый говорилъ о нравственномъ значеніи произведеній Л. О. Гордона и высказалъ мнѣніе, что подъемомъ народнаго духа, обнаружившимся въ послѣднее время въ жизни русскаго еврейства, мы отчасти обязаны .. этимъ именно произведеніямъ. Г. Цедербаумъ, между прочимъ, совѣтовалъ воспользоваться этимъ празднествомъ въ честь народнаго поэта и почтить его

основаніемъ общества для поощренія изученія еврейскаго языка и литературы и для поддержки молодыхъ еврейскихъ писателей, очень часто вынужденныхъ зарывать свой талантъ, вслѣдствіе отсутствія матеріальной и нравственной опоры. Г. Каценельсонъ предложилъ устроить воскресную школу для еврейской учащейся молодежи и преподавать въ ней еврейскій языкъ. Въ виду пробудившагося въ еврейской молодежи особенно сильнаго влеченія къ народу, такая школа кажется г. Каценельсону настоятельно необходимою, такъ какъ безъ знанія почитаемаго народомъ священнаго языка трудно дѣйствовать на него.

Послѣдовалъ за тѣмъ рядъ всевозможныхъ изліяній, привѣтствій и тостовъ. Довольно мѣтко указала г. Мались на одну сторону празднества, выгодно отличавшую его отъ другихъ подобныхъ торжествъ. Это именно участіе въ немъ не одной только еврейской интеллигенціи въ тѣсномъ смыслѣ, но между прочимъ и еврейскаго купечества, имѣвшее тутъ представителями довольно значительное число своихъ членовъ. Значить, оно, не въ ущербъ будь сказано ихъ степенствамъ изъ другихъ національностей, не совсѣмъ еще погрязло въ матеріализмъ мелкихъ расчетовъ, у нихъ есть желаніе и хватаетъ досугъ, слѣдить за высшими интересами духовной жизни своего народа и на сколько возможно содѣйствовать его развитію. Тостъ, предложенный поэтому за еврейское купечество, былъ принятъ всѣми съ большимъ одушевленіемъ. Продолжительными аплодисментами, пожиманіемъ рукъ и тому подобными выраженіями сочувствія сопровождалось всякое умное и въ особенности всякое искреннее, задушевное слово, высказанное другими ораторами.

Тѣмъ не менѣе мы должны сознаться, что въ общемъ нельзя сказать, чтобы мы были особенно блестящими застольными ораторами. Очевидно, мы еще не привыкли къ подобнымъ публичнымъ торжествамъ, еще не научились такъ сказать официальнымъ приемамъ официальныхъ юбилеевъ. Слѣдуетъ ли пожалѣть объ этомъ? это вопросъ, который мы въ общемъ рѣшить не беремъ. Но если всегда, какъ и въ этотъ разъ, искренность чувства будетъ преобладать надъ

официальнымъ блескомъ, то мы лично, по крайней мѣрѣ, будемъ считать себя вполне удовлетворенными..

Но если мы плохо ораторствуемъ, то, надо сознаться, что еще плоше пиршествуемъ. Помилуйте! Пятьдесятъ слишкомъ человѣкъ сидѣли за столомъ слишкомъ четыре часа — и хоть бы у одного изъ нихъ было, что называется, въ одномъ глазу! Это ни на что не похоже. Мы положительно не смѣемъ претендовать на званіе коренныхъ жителей страны!..

Торжество закончилось открытіемъ подписки на изданіе сочиненій юбиляра, и тутъ же было подписано разными лицами около 1000 руб.

Хорошъ, очень хорошъ и поучителенъ былъ этотъ праздникъ еврейской поэзіи! *.

А. Л.

* Мы получили отъ Л. О. Гордона слѣдующее письмо:

„Позвольте мнѣ чрезъ посредство уважаемаго Вашего журнала выразить мою глубокую признательность всѣмъ лицамъ, почтившимъ меня своими привѣтствіями въ день 29 минувшаго октября, произведенный для меня кружкомъ любителей еврейской литературы въ праздникъ. За обиліемъ телеграммъ и писемъ и за незнаемъ многихъ адресовъ я вынужденъ избрать этотъ кратчайшій путь и ограничиться этимъ слабымъ выраженіемъ моихъ чувствъ, которое, признаться, и меня самого неудовлетворяетъ. Но меня успокоиваетъ мысль, что эти благородные люди, какъ учредители праздника, такъ и принимавшіе въ немъ участіе, дѣйствуя подъ вліяніемъ внутренняго чувства и любви къ своей народной литературѣ, не нуждаются въ выраженіи моей благодарности, существованіи которой они не могутъ не быть убѣждены. Празднованіе моего юбилея и сочувственные отзывы множества людей, до того мнѣ совершенно незнакомыхъ, убѣдило меня въ томъ, въ чемъ я постоянно сомнѣвался, именно, что и у новосврейскаго писателя есть читающая публика, и его голосъ не есть голосъ вопіющаго въ пустынь. Будь я молодъ и свѣжъ, будь теперь вообще время созиданія новыхъ идеаловъ, это сознаніе могло бы побудить меня къ большой дѣятельности, подняться на новые подвиги. Но мое время прошло; силы подорваны; я едва ли уже буду въ состояніи уплатить хоть нѣкоторую долю того, къ чему меня обязываетъ обнаруженное сочувствіе лучшихъ изъ моихъ единовѣрцевъ. Но это сочувствіе не пропадетъ даромъ. Оно принесетъ пользу нашему народу, воодушевляя на подвиги молодяго силы, которымъ желаю, чтобы имъ пришлось дѣйствовать при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чтобы при нихъ внутреннее и внѣшнее положеніе еврейскаго народа улучшалось до того, чтобы имъ не приходилось, подобно мнѣ, въ своихъ сочиненіяхъ проливать ни столько желчи, ни столько слезъ. Примите, и проч. Левъ Гордонъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Газета „Южный край“ будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнюю редакцію и по прежней программѣ.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорнѣе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнїя извѣстія. VII. Внутреннїя извѣстія: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзорнѣе. IX. Внѣшнїя корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Смѣсь XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія, Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовѣ, Алесаандровскѣ, Ахтырѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валнахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Енатеринославѣ, Зѣтѣковѣ, Змиевѣ, Изюмѣ, Ніевѣ, Кішиневѣ, Кобелянахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаискѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Нѣжинѣ, Новочернаскѣ, Новомосковскѣ, Одесѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Поти, Переяславѣ, Путивлѣ, Пиратинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славянскѣ, Славянскѣ, Старополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлискѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки. . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ пер. вногород. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Кромѣ того, Подписна и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Эмиля Гартге, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Мѣстѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжныхъ магазинахъ В. И. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родзевича, и въ Кременчугѣ, у нотаріуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ—у Navas, Lafite et Co, Place de la Bourse.

Издатель А. А. Иозефовичъ. Редакторъ А. Н. Стояновъ.

Вышла и раздается подписываемъ ноябрьская (вторая) книжка издаваемого въ г. Харьковѣ, подъ редакцію А. П. Шимнова, новаго ежемѣсячнаго

политическаго, литературнаго, ученаго и экономическаго журнала

„М И РЪ“

въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены произведенія слѣдующихъ лицъ:

С. Я. Бѣликова, М. Василенко, Кн. Н. Волконскаго, К. Гаттенбергера (проф.), Зеленогорскаго (проф.), В. Кандидскаго, А. И. Кирпичникова (профес. „Литературная хроника“ и др.), Лебедева (профес.), М. Неручева, А. Орловскаго, Л. Павловича (проф.), Н. Сумцова, А. П. Шимнова (проф. и редактора журнала), Г. Юрно и другихъ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписная цѣна съ пересылкою: годъ—12 руб., полгода—7 р. 50 коп., три мѣсяца—4 руб., отдѣльная книжка—1 руб. 50 коп.

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1882 ГОДУ

журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 12—15 листовъ, по той-же программѣ. Гг. подписчики, при подпискѣ на годъ, благоволятъ увѣдомить редакцію желаютъ-ли они получать его съ октября 1881 года, т. е. съ первой книжки, или съ января 1882 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, (Екатеринославская, 1), при книжномъ магазинѣ Владиміра Александровича Сыхра.

Для ознакомленія съ журналомъ, первая книжка разслана во всѣ извѣстныя книжные магазины и библіотеки столичныхъ и провинціальныхъ городовъ.

Издатель В. А. Сыхра.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

НА БОЛЬШУЮ

7 Р. ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ 7 Р.
„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

«Одесскій Листокъ» въ 1882 году будетъ выходить, какъ выходитъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата и по той же программѣ.

Успѣхъ „Одесск. Листка“, превзошедшій всѣ ожиданія, не остановитъ редакцію на пути улучшенія, усовершенствованія нашего изданія. Редакція употребитъ всѣ усилія для того, чтобы сдѣлать „Одесскій Листокъ“ изданіемъ вполне соответствующимъ требованіямъ времени.

Особенное вниманіе редакція обратитъ на расширеніе внутренняго отдѣла, который, кромѣ извѣщеній о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, будетъ содержать въ себѣ статьи руководящаго по текущимъ вопросамъ общественной и экономической жизни; извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни; корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

Земскій отдѣлъ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболее выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

Городское самоуправленіе. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

Крестьянское дѣло. Статьи объ экономическомъ положеніи крестьянъ, о сельской общинѣ, крестьянскомъ хозяйствѣ, о крестьянскихъ учрежденіяхъ, о волостныхъ судахъ; всѣ новыя узаконенія, касающіяся крестьянъ. Отчеты о новыхъ книгахъ по крестьянскому вопросу.

Сельское хозяйство. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и специальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

Библиографія будетъ отведена широкое мѣсто, въ виду желанія многихъ нашихъ подписчиковъ, которые, живя въ провинціи, не имѣютъ возможности сгдѣть за всѣми новинками русской и иностранной литературы. Въ виду этого, мы будемъ давать отчеты о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

Фельетонъ. Повѣсти и рассказы, оригинальныя и переводныя. Петербургскій фельетонъ, московскій фельетонъ, одесскій фельетонъ. Очерки провинціальной жизни. Художественная летопись. Научная хроника.

Искусство и литература. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ.

Судебная хроника. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

Железнодорожная хроника. Статьи по желѣзно-дорожному хозяйству: узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзно-дорожномъ мирѣ.

Политическія заграничныя новости. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

Финансовая, торговая, акционерная и биржевая хроника. Телеграммы.—Хлебная и торговая сдѣлки. Показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и пр.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Для того, чтобы придать наибольшую полноту внутреннему отдѣлу, редакция пригласила специалистовъ по экономическимъ вопросамъ, а также по вопросамъ земскаго и крестьянскаго хозяйства.

Д. Д. Минаевъ и Варонъ Ижъ (С. И. Герцо-Виноградскій) объявили намъ свое постоянное сотрудничество.

Телеграммы намъ будутъ доставляться ежедневно „Международнымъ Телеграфнымъ Агентствомъ“, а также специальными корреспондентами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

Съ доставкою на домъ и съ пересылкою по почтѣ на годъ 7 руб., полгода 4 р. 50 к., три мѣс. 3 руб., одинъ мѣс. 1 руб. За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи доплачивается 50 коп. въ мѣсяць.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ, въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре, № 10.

Разрочка подписки недопускается.

Редакторъ-издатель В. В. Навроцкій.

Объ изданіи въ 1882 году газеты

„РУССКІЙ ЕВРЕЙ“.

Газета „Русскій Еврей“ будетъ издаваться и въ 1882 году подъ тою-же редакціей, по той-же программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ С.-Петер. съ достав. на годъ 6 р. на $\frac{1}{2}$ г. 3 р. 50 к. на $\frac{1}{4}$ г. 2 р. — к.
во всѣхъ гор. имп. съ перес. „ 7 „ „ „ „ 4 „ — „ „ „ 2 „ 25 „
за границу „ 12 „ „ „ „ 7 „ — „ „ „ 4 „ — „

Желающіе могутъ вносить подписную цѣну съ разрочкою: при подпискѣ 3 р., черезъ 3 мѣсяца 2 р. и черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки 2 р.

Духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій, учителя учебныхъ зав., содержатели хедеровъ и учащіеся въ учебн. зав., выписывающіе газету непосредственно черезъ главную контору (въ С.-Петербургѣ) пользуются уступкою въ 20%.

За объявленія платится 8 коп. за строку петита въ 1 столбецъ газеты или ея мѣсто; на 1-й страницѣ вдвое. При повтореніи дѣлается уступка.

Отдѣльныя №№ продаются по 20 коп. Подробныя объявленія высылаются бесплатно по первому требованію.

Редакція и главная контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ, Измайловскій проспектъ, д. № 7.

Редакторъ-Издатель Л. Верманъ.

Издатель Г. Рабиновичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 Г.

НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

Большую газету биржи, финансовъ, торговли, политики и общественной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на полгода.	на 3 м.	на 1 м.
Съ доставкой и пересылкою	12 руб.	7 руб.	4 руб.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербурѣ, Малая Морская, д. № 19-й.

Посвящая преимущественное вниманіе вопросамъ биржи, финансовъ и торговли, газета тѣмъ не менѣ ставитъ свою задачу постоянно слѣдить за всѣми явленіями внутренней и внѣшней политической жизни. Чуждаясь всякаго пристрастія и односторонности въ своихъ отношеніяхъ къ вопросамъ русской жизни, газета полагаетъ необходимымъ преслѣдовать только истину и мирное развитіе русскаго народа.

Биржевой, финансовый и торговый отдѣлы газеты управляются специалистами этого дѣла и отличаются обиліемъ и точностью сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній. Благодаря этому, газета приобрѣла широкій кругъ читателей въ средѣ банковаго, биржеваго и акціонернаго міра, купечества, крупныхъ владѣльцевъ $\frac{9}{10}$ бумага, торговцевъ и землевладѣльцевъ.

Въ видѣ бесплатнаго прибавленія къ газетѣ, редакція выпускаетъ „Тиражный листокъ русскихъ $\frac{9}{10}$ бумага“.

«Биржевыя Вѣдомости» вступаютъ въ 1882 г. въ четвертый годъ своего существованія.

Сознавая необходимость постояннаго усовершенствованія изданія, мы не остановимся передъ затратами, чтобы придать постепенно возрастающей интересъ всѣмъ отдѣламъ газеты.

Редакторъ: П. С. Макаровъ.

Издатель: С. М. Пропперъ.

St. Petersburger Zeitung.

156. Jahrgang. 1882.

Red. u. Herausg. P. v. Kugelgen.

Erscheint täglich ohne
Präventiv-Censur.

Die deutsche «St. Petersburger Zeitung» behandelt in der täglichen **Rundschau** und in **Leitartikeln** die neuesten politischen Ereignisse, folgt in **Original-Correspondenzen** aus dem In- und Auslande, sowie in der täglichen Berichterstattung sorgfältig und rasch der Zeitentwicklung, schildert mit Hilfe zahlreicher Reporter das **soziale Leben der Residenz** und bietet ausser dem feuilletonistischen „Montagsblatt“, ein möglichst mannigfaltiges **tägliches Feuilleton** (Novellen, Romane, gute Uebersetzungen, Literatur, Musik, deutsches, russisches, französisches Theater u. s. w.).

Der bedeutend erweiterte **wirtschaftliche Theil** enthält zwei Mal wöchentlich **besondere Beilagen**, in denen **Handel und Wandel, Landwirthschaft, Industrie und Technik** eingehende, unsere heimischen Verhältnisse berücksichtigende Bearbeitung finden, **Sämmtliche Publikationen der Reichsbank**, solide **Börsen- und Marktberichte** (u. A. auch besonders des **St. Petersburger Getreide- und des Spiritusmarkts**), **Fondskalender**, Handels und Industrienachrichten aller Art, täglich aus guten Quellen geschöpft, empfehlen das Blatt dem Geschäftsmann.

Die deutsche «St. Petersburger Zeitung» wird im Jahre 1882 in besonderen Beilagen und ohne Abonnementserhöhung als einzige deutsche Zeitung sowohl die **gerichtlichen Bekanntmachungen** (судебныя объявленія) als die **amtlichen Bekanntmachungen** veröffentlichten.

Der ständig wachsende Leserkreis der Zeitung in den bestsituirten Kreisen der deutschen Gesellschaft, im Inlande wie im Auslande, sichert den **Inseraten** eine weitreichende und nutzbringende Verbreitung.

Abonnementspreise:	St. Petersburg.	Russ. Reich.	Ausland.
$\frac{1}{4}$ Jahr	R. 3. 75	R. 4. —	R. 5. —
$\frac{1}{2}$ »	» 7. —	» 7. 50	» 9. 50
$\frac{1}{1}$ »	» 13. —	» 14. —	» 18. —

Bestellungen auf Abonnements und Annoncen bittet man an die **Administration** der „St. Petersburger Zeitung“, **Wosnessenski-Prospekt Nr. 4** zu richten; zur Bequemlichkeit des geehrten Publikums nehmen aber auch fast alle Annoncen-Bureaus und Buchhandlungen des In- und Auslandes solche entgegen.

Obiges Inserat bitten als **Tausch-Annonce** nach obigem Muster **3 Mal hindereinander aufzunehmen** und zwar:

Die Administration der „St. Petersb. Zeitung“.

Съ ОКТЯБРЯ ТЕКУЩАГО ГОДА, въ ПЕТЕРБУРГѢ ИЗДАЕТСЯ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

«Заграничный Вѣстникъ» знакомить русскую публику съ иностранными литературами и важнѣйшими явленіями западно-европейской и американской періодической печати, разсѣянными въ многочисленныхъ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ составъ журнала входятъ:

1. **Избранныя**, въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныя произведенія иностранной беллетристики, стихотворныя и прозаическія, современныя и минувшихъ временъ, въ переводахъ, извлеченіяхъ и обзорахъ.

2. **Общественныя статьи** иностранной печати по текущимъ вопросамъ знанія и жизни, по исторіи, исторіи литературы, политикѣ, праву, философіи, естествознанію, въ переводахъ, извлеченіяхъ и самостоятельной обработкѣ; обзоры новыхъ открытій и изобрѣтеній; путешествія.

3. **Литературныя замѣтки и новости**: извѣстія, свѣдѣнія и корреспонденціи о новыхъ книгахъ, выходящихъ за-границей, о новыхъ русскихъ статьяхъ и сочиненіяхъ, посвященныхъ вопросамъ и явленіямъ западной жизни, политики и литературы; отзывы западной печати о явленіяхъ русской жизни и литературы; критическія и библиографическія статьи и замѣтки.

4. **Художественныя замѣтки и новости**: извѣстія, свѣдѣнія и корреспонденціи о новыхъ явленіяхъ въ области театра, музыки, живописи и пр.

5. **Заграничная судебная хроника**: выдающіеся по своему психологическому, общественному или бытовому значенію иностранные процессы.

6. **Объявленія.**

«Заграничный Вѣстникъ» выходитъ въ половинѣ каждого мѣсяца, книгами въ объемѣ отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: на три мѣсяца, съ октября до конца 1881 года, съ пересылкой и доставкой 3 р.

Цѣна изданію на 1882 годъ, съ пересылкой и доставкой: годовая 10 р., полугодовая 6 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ «Заграничнаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (Вас. остр. : 2-я линія, домъ № 7) и въ книжныхъ магазинахъ К. Л. Ришера (Невскій, 14) и Г. Н. Мартынова (Невскій, 46).

Гг. иногородные обращаются исключительно въ главную контору «Заграничнаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель В. Коршъ.

КНИЖНЫЙ СЕЛДЪ „РОССИЙСКОЙ БИБЛЮГРАФИИ“

ЭЖИДЕИ ТАСУБЪ

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербурѣ.

**МАГАЗИНЪ
ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАЖИ.**

**ОПТОВЫЙ СЕЛДЪ
ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.**

**ОТДѢЛЕНІЕ
ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.**

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ.—Новости по желанію на просмотръ.

Пріемъ книгъ на комисію цѣлыми изданіями, для быстраго распротрженія въ столицѣ и, черезъ спеціальныхъ корреспондентовъ сѣзда, во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи, при бездѣлнхъ публикаціяхъ въ „Российской Библіографіи“, въ „Ежемесячнхъ каталогъ ваи, нов. русс. и иностранн. книгъ“, въ „Годовомъ каталогѣ“, а также, по соглашенію, въ Олѣ распротрн. газетахъ.

Строго аккуратное исполненіе требованій Гр. Иногородныхъ.—Пріемъ подписки на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.—Еже-недѣльное полученіе иностранныхъ изданій.

Для удобства иногородной публики изданія Эмели Тарве имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ. Постоянный посылателю высылается БЕЗПЛАТНО „Ежеи. каталогъ ваи, новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ“. (Подп. цѣна за 12 №№ въ г. 1 р. с.). На всѣ относящіяся до нижеиздѣна дѣла, запросы, въ котормъ для отвѣта приложена почт. марка,—селдъ отвѣчаютъ немедленно.

ПРИ
СКЛАДЪ
ПОМЕЩАЮТСЯ:
РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА
„**Российская Библіографія**“
(ВСТУПИТЬ РУССКОЙ ПЕЧАТИ)
24 №№ въ годѣ, цѣна съ дост.
и перес. 5 руб.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА
ПОДПИСКИ
НА ВСѢ РУССКІЕ И ИНОСТРАННЫЕ
ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

СЕЛДЪ
ГЛОВУСОВЪ, ПЕЛВРІИ
И
ДДАХЕТАРІИ
изд. **Эксельсior Гертъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1882 годъ.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“.

ПЕРВУЮ ТЕЛЕГРАФНУЮ ГАЗЕТУ ВЪ РОССІИ,

которая выходитъ въ Москвѣ, съ 1 января 1881 года, безъ предварительной цензуры.

5-го декабря 1880 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе конвенціи, состоявшейся между телеграфнымъ департаментомъ и редакціей газеты „Московский Телеграфъ“. Согласно этой конвенціи, редакція „Московского Телеграфа“ представлено исключительное пользование одною изъ телеграфныхъ линий и право имѣть собственную телеграфную станцію, которая и помѣщается въ типографіи „Московского Телеграфа“. Станція эта обставлена всѣми новѣйшими техническими приспособленіями и снабжена скоропечатающими телеграфными аппаратами. Являясь, такимъ образомъ, конечнымъ и, притомъ, самостоятельнымъ пунктомъ телеграфной проводки, редакція „Московского Телеграфа“ имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ большую часть извѣстій ранѣ другихъ газетъ. Каждый № „Московского Телеграфа“, кромѣ разныхъ статей, заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи строкъ собственно телеграфнаго матеріала и представляетъ полный и точный обзоръ событій и извѣстій того дня, въ который этотъ № поступаетъ въ печать.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Руководящія статьи.—2. Дневникъ общественной жизни и печати.—3. Официальный отдѣлъ. Дѣйствія правительства.—4. Петербургская хроника.—5. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ „Московского Телеграфа“ и телеграфныхъ агентствъ.—6. Хроника Москвы. Отчеты о засѣданіяхъ. Дневникъ происшествій.—7. Внутреннія извѣстія. Корреспонденціи.—8. Судебная хроника и юридическій отдѣлъ.—9. Критика и библіографія.—10. Иностранныя извѣстія.—11. Фельетонъ. Статьи научнаго содержанія. Беллетристика. Фельетонъ въ стихахъ Д. Д. Минаева.—Петербургскія письма Г. К. Градовскаго. Театръ, музыка и проч.—12. Сибирь.—13. Торговый отдѣлъ.—14. Справочный отдѣлъ. Резолюціи кассационныхъ департаментовъ сената и сенатскій указатель.—15. Объявленія

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На годъ съ 1 января 1882 г.	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	9 „ 50 „	11 „ — „
„ 3 „	5 „ — „	5 „ 50 „	7 „ — „
„ 2 „	3 „ 50 „	4 „ — „	5 „ — „
„ 1 „	1 „ 75 „	2 „ — „	2 „ 50 „

Присутственныя мѣста могутъ заявлять требованія на „Московский Телеграфъ“ съ уплатой денегъ изъ кредита будущаго года.

Допускается разсрочка взноса подписныхъ денегъ для служащихъ на всѣ сроки чрезъ казначеевъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ.	5 р. — к. безъ дост.	5 р. — к. съ дост.	6 р. — к. съ перес.
1 марта	3 „ — „	3 „ — „	3 „ — „
1 мая	3 „ — „	3 „ — „	4 „ — „
1 июля	3 „ 50 „	5 „ — „	4 „ — „

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи—въ Москвѣ, на Петровкѣ, въ Д. Кредитнаго Общества—и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія: въ Москву, въ редакцію газеты „Московский Телеграфъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1882 ГОДЪ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И
ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 м. 8 р. 50 к.	На 6 м. 4 р. 50 к.	На 12 м. 9 р. — к.	На 6 м. 5 р. — к.
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „ 7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ — „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „ 6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „ 6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ — „
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

За границу: на 12 м. 17 р., на 6 м. 9 р., на 3 м. 5 р., на 1 м. 2 р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина, въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ—*Rue Clément, 4, Adam.*

Гг. иногородніе благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

Въ книжномъ складѣ при типографіи **А. Е. Ландау.**

(С.-Петербургъ, Площадь Больш. Театра, 2).

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

Еврейская библіотена. Историко-Литературный сборникъ. Т. Т. I—VIII. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к. Выписывающіе всѣ **восемь** томовъ отъ издателя платятъ съ пересылкою 16 р.

Галмудъ. Соч. бібліотекаря британскаго музея. Эм. Дейтша. Изд. второе. Ц. 50 к.

О книгѣ кагала. Соч. И. И. Шершевскаго. Ц. 50 к.

Евреи и ихъ ученіе объ инотѣрцахъ. Д. И. Фиссфедера. Цѣна 1 р. 50 к.

Мендель Гибборъ. Фейгеле Маггидъ. Повѣсти А. Беряштейна. Цѣна 1 р.

Очерки прошлаго. Л. О. Леванды. Цѣна 1 р.

Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Евреи въ Россіи. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р.

Записки еврея. Г. И. Богрова. Ц. 3 р.

— Тоже на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части. Ц. 4 р.

Еврейскій манускриптъ. Г. И. Богрова. Ц. 1 р. 50 к.

Гриель Аюста. Трагедія К. Гукцова. Пер. Петра Вейнберга. Цѣна 75 к.

О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Соч. проф. Д. Хвольсона. Изд. 2-ое Ц. 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 к.

Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь. Проф. Д. Хвольсона. Ц. 20 к.

Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей.—Протоіерея В. Протопопова. Ц. 10 к.

Tragikomisches aus dem Leben. Н. Schapir. Ц. 75 к.

Сочиненіе О. А. Рабиновича. Т. I. Цѣна 2 р. 50 к.

Изнанка сербской войны. Записки К. А. Воронича. Ц. 2 р. 50 к.

Карманная книжка военно-полевой хирургіи. О. Гейфельдера. Ц. 2 р.

На встрѣчу. Очерки и стихотворенія Василія Маркова. Ц. 1 р. 75 к.

О биржахъ. Л. Н. Нисселовича. Ц. 1 р.

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. И. И. Кауфмана. Цѣна 4 р. 50 к.

Гигіена волосъ. Соч. д-ра Пинкуса. Ц. 40 к.

Европейскіе классики съ примѣчаніями, объяснительною статьей и біографіею.

Переводъ подъ редакціей Петра Вейнберга.

Выпускъ I. Гете. Ифигенія въ Тавридѣ.

" II. Шекспиръ. Коріоланъ.

" III. Мольеръ. Скушой.

" IV. Данте. Адъ.

" V. Шиллеръ. Пѣснь о колоколѣ. Баллады. Лагерь Валленштейна.

" VI. Шериданъ. Школа злословія.

" VII. Софокль. Эдипъ Царь.

" VIII. Байронъ. Мазепа. Шильонскій узникъ и др.

Цѣна каждому выпуску. 50 к.

Выписывающіе изъ нашего склада за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ЕВРЕИ ВЪ БАРНОВѢ. Очерки и разказы К. Э. Францоа.

РИЛЬ. Г. В. Гражданское общество.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Бoльшaго Театра, 2.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ на 1881 г.

	въ Россіи:	ЗА ГРАНИЦЕЮ.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца.	3 „ — „	3 „ 50 „

Отдѣльныя книги стоятъ по 1 руб. 50 коп. каждая.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р. за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.—При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.
Please return promptly.

~~NOV 9 1969 H~~
~~CANCELLED~~
JAN 21 1977 H
JUL 25 1984 H
6368027

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
6368007

